

西尾維新
NISIIOISIN

おきて
掟
がみ
上
きょう
今
日子
の
ろく
忘
録

講談社

Нисио Исин

VOFAN

Записки Окигэгами Кёко

Реквизиты переводчиков

Перевод с японского: **ConanJay**

На развитие Novel.tl

QIWI-кошелек: **+79214787533**

WMR: **R856053969477**

WMZ: **Z147329584881**

Yandex.Деньги: **410018737883798**

Банковская карта: **4817760225489180**

Версия от 13.08.2019

Любое коммерческое использование данного текста или его фрагментов без разрешения запрещено

Эпизод первый. Приятно познакомиться, Кёко-сан

— Ни с места! Здесь вор! — раздался внутри крик руководителя отдела Эми, чей голос затем стал низким и твердым, что контрастировало с его именем¹. Он повысил голос и истерично закричал:

— Никто отсюда не уходит!

Словно полиция или домушник какой, Эми-сан с силой ворвался внутрь, и я рефлексивно поднял руки. Не будь пол грязным, я бы уже лежал ничком, заложив руки за голову. В отличие от робкого нового работника - меня, остальные сошлись в реакциях: работа приостановилась, и все с недоумением уставились на Эми-сана.

— Что случилось, Эми-сан? — не заставила ждать себя с вопросом Юринэ-сан, его заместительница, а также давняя знакомая.

Обычно спокойная, Юринэ-сан была немного встревожена столь агрессивным настроем босса.

— Бэкап данные пропали! Кто их спер!? — лицо Эми-сана полыхало от ярости.

Бэкап данные пропали.

По незнанию, я не сразу понял, о каких именно данных шла речь, а вот трое других, включая Юринэ-сан, среагировали моментально. Удивленные, они начали вскакивать со своих мест, на что Эми-сан в осуждение опять закричал:

— Я сказал, не двигаться!

— Пропали... А вы хорошо посмотрели? — с усталым выражением на лице спросил лаборант Хонда Эити-сан, оставшись сидеть.

Хонда-сан изначально был не в ладах с Эми-саном. Тем не менее в ситуации, когда начальство с неприкрытой злобой подозревало своих сотрудников, было сложно не выразить антипатию.

— Вы про SD-карту с бэкапом, верно? Она не могла упасть за стол?

В ответ на вопрос Хонда-сана взгляд Эми-сана, как ни странно, скользнул вниз, он без возражений посмотрел себе под ноги. В лаборатории столы были расположены очень близко друг к другу, поэтому вокруг обычно царил беспорядок. В связи с этим такая мелочь, как SD-карта, могла легко затеряться.

Однако в ответ на простое замечание Хонда-сана, начальник вместо простого осмотра устроил переполох. Если бы только он нашел ее, все превратилось бы в неловкую, но забавную историю. Вот только удача была не на нашей стороне.

— Я так и знал! Ее там нет, ведь ее украли! — Эми-сан снова побагровел. Столько времени впустую на одни лишь поиски, а в результате - очередная вспышка гнева.

— То есть... Вы хотите сказать, что кто-то из нас украл ее? Ужасно... — расстроенный, дрожащий голос принадлежал Гифубэ-сан. Она была готова заплакать. Мне хотелось подбежать и поддержать Гифубэ-сан за плечи, попытаться успокоить ее. Но, к сожалению, я был не настолько близок с ней.

— А... Н-нет! Просто сейчас ее там нет, но недавно она была на месте! — замешкался Эми-сан в ответ на робкую реакцию Гифубэ-сан, но не стал отрицать сказанное ранее.

Даже не найдя в лаборатории эту злосчастную карту, не похоже было, чтобы начальник собрался признать свою ошибку.

Не сказать, чтобы я думал об Эми-сане плохо — как-никак он принял меня на работу, — однако таков уж он был, наш босс: если вобьет себе что-то в голову, никакой силой этого нельзя было выбить. Можно сказать, что Эми-сан был мастером по упрямству. Тем не менее, именно благодаря его упрямой натуре лаборатория все еще держалась на плаву.

— Тогда давайте искать дальше, шеф. Никто не против? — предложила Юринэ-сан. — Вы сказали, что в какой-то момент SD-карта исчезла. Если мы разделимся и еще раз хорошенько поищем, то точно найдем ее.

— Ладно. Но знайте: горе тому, кто осмелится выйти из этой комнаты.

И так был достигнут компромисс. В последующий час пять человек, отложив свою работу, искали пропавшую карту. Лаборатория была перевернута вверх дном. Как итог... Результат оказался удручающим - SD-карты, содержавшей исследовательские данные нигде не было.

После такого Эми-сан обрушится на нас с ворохом упреков, которые мы точно не переживем. SD-карта, что содержала исследовательские данные, не была найдена. Если не брать в голову необоснованные обвинения, остается факт, что мы потеряли важный носитель информации. По правде говоря, Эми-сан был не лучшим образцом следования порядку, и тем более не лучшим искателем.

— Н-но у нас пропали лишь копии данных, не так ли? Оригинал данных должен храниться на компьютере босса.

— Если информация на SD-карте просочится наружу, нам конец, — отозвался шеф на пытавшегося разрядить обстановку Хонда-сана. Хонда-сан не нашелся чем ответить.

Да уж, та еще проблема. На пропавшей карте находились так называемые засекреченные данные. Кажется. Я новенький здесь и не все знаю, но именно поэтому отдел Эми и вся лаборатория Сарасина сильно охраняется. Все находится под контролем. Поэтому говорить: "Какое счастье, что оригинальные данные сохранились" - не уместно.

— Все сюда! Признавайтесь, кто взял карту? Другого шанса получить у меня прощение у вас не будет!

Вряд ли воры раскрывают себя после таких заявлений. В тот момент я был ближе всего к нему, и на меня был направлен его сердитый взор.

— Остановитесь. Да, SD-карты в лаборатории нет, но из-за этого подозревать нас... — сказав это, Юринэ-сан направила на меня беспокойный взгляд. — Хотя мы и не особо близки, но мы в одной лодке, разве нет? Пожалуйста, не говорите то, что разрушит все это... И этот ассистент еще новичок, он здесь лишь второй месяц.

Даже Хонда-сан повернулся ко мне, пока Юринэ-сан вела свой монолог:

— Как бы там ни было, давайте обобщем комнату еще раз. Мы не можем подозревать кого-то, пока нет доказательств. Презумпция невиновности, понимаете? Как бы подозрителен он не был, у нас нету доказательств.

Наконец, и Гифубэ-сан собрала всю волю в кулак и встала передо мной напротив шефа в протестующей манере. Затем, сказала мне: «Все будет хорошо» — и подмигнула.

В результате все устали на меня.

Все начали подозревать меня.

Только Гифубэ-сан поддержала меня, что лишь усиливало подозрения в мой адрес.

— П-п-п...

Мой голос дрожал, а тело тряслось. На меня были направлены взоры всех в комнате, и я не мог сказать ни слова. Однако мне было что сказать. Как подозреваемый, который хочет воспользоваться своим правом на адвоката, я закричал:

— П-позвольте позвонить детективу!

Примечания

1. Его фамилия "笑井" содержит иероглиф '笑' — улыбаться, смеяться

Среди фанатов детективных романов есть избитая шутка, ставшая идиомой: «Я предпочту находиться с убийцей, пока в нем не проснется жажда убийства, чем с известным детективом».

Куда бы они не пошли, они оказываются втянуты в запутанные дела и жестокие преступления. Ну, может еще испытают любовь, но в какие бы дела они не оказываются втянуты, и какие бы ни были запутанные дела, они их всех идеально раскрывают. Можно лишь представлять, каково это, и завидовать.

Человек, что был втянут в запутанные дела и жестокие преступления. Тот, у которого была возможность, тот, с кем не хочешь отправляться в путешествие.

Это — я.

И нет, это еще не все.

Могу еще добавить, что я играю много ролей на месте преступления. И подозрительный, и подозреваемый, похож на преступника, считается организатором.

В вашем классе начальной школы бывал ли такой человек, к которому все относились неодобрительно без особой причины? Мальчик или девочка, неважно, но таким был я в детстве. И что будет с ним или с ней, когда он станет взрослым?

Я — живой ответ на этот вопрос.

И позвольте прояснить одну вещь. Кто бы и где бы не выдвигал бы беспочвенные обвинения против меня, все они были, по моему опыту, ложными.

Разумеется, я благоразумен и я джентльмен. Не буду настаивать, что я святой или образец для подражания. Я делал то, о чем стыжусь перед небесами, и не раз, ну и все в таком духе. Но каждый-каждый раз я оказываюсь под подозрением.

Так было со школы, а когда я вышел в общество, мне пришлось столкнуться с трудностями в поиске работы. Хорошо еще, если уволят по подозрению в халатности, а бывало, что многие работники пропадали без вести, а сами компании исчезали, когда что-то случается.

Разумеется, даже как свидетель, я находился под подозрением у полиции.

Правда это или нет, но после того инцидента, как я слышал, полиция установила за мной наблюдение. Я ничего не могу сказать налогоплательщикам, которые потратили свои деньги на наблюдение за банальным парнем, у которого не оказалось темного прошлого. Это не в моей власти.

Можно сказать, что причина подозрений кроется в большом теле и робком характере. Не то, чтобы мне нравилось быть ростом в 190 см, и иметь подобный характер в таком массивном теле.

Такой вот мишенью я стал в своей жизни. Этим более или менее объясняется появление преступлений вокруг меня, в которых я играю побочную роль. Не знаменитый детектив, знаменитый преступник или даже знаменитый вор-джентльмен.

Говоря о детективных романах, в списке действующих лиц не появится мое имя, разве что совершенно случайно, как человек с заднего плана.

Вы только зря время потратите, подозревая меня, да и тогда автор бы рискнул навлечь на себя волну гнева.

Но уж если я оказываюсь на месте преступления «случайно» уже 10 тысяч раз, то любой бы подумал, что я опасен. Даже мне кажется, что я опасен (кстати говоря, 10 тысяч раз — это не преувеличение).

И так раз за разом, в различных инцидентах я становился подозреваемым. Поэтому, кроме того, что я беспокоился из-за взглядов людей на меня, я стал еще более зажатым и пуганым — что в свою очередь сильнее возбуждало подозрение.

Какой-то ужасный замкнутый круг.

С тем, что ты родился под такой звездой, сложно примириться. Современное общество диктует нам важность людских взаимоотношений, а моя судьба слишком тяжела для жизни в обществе, которое делает упор на вере друг в друга.

Как говорится, жизнь не выбирают. Чтобы быть в добром здравии и, хотя бы по минимуму, содержать себя, я должен следить за собой. Поэтому я разработал защитный механизм по найму детективов.

Горячая линия детектива.

Когда что-то происходит и приходится рассчитывать на детективов, мой телефон забивается звонками.

Им не встречаются смачные загадки, как в романах и сериалах, но я щедро предоставляю им нераскрытые дела.

Фактически, я и клиент, и поставщик.

Я для них постоянный клиент, почетный гость, щедрый кошелек. И, не то чтобы я хвастался, но у нас есть установленные расценки.

Но сейчас до меня дошло. В деле с исчезновением данных из лаборатории, чтобы очистить себя от подозрений, я должен был бы пойти к главе детективной конторы Окитэгами. Я выбрал Кёко.

Кёко-сан — мой знакомый детектив, НЕ самая лучшая, НЕ самая знаменитая.

Она не детектив, чья раскрываемость — 100 процентов, и она работает не в крупной конторе (а в «Частном детективном агентстве Окитэгами»).

Во избежание недоразумений, скажу, что эта девушка очень причудливая, и она не нелегко ладит с людьми.

Тем не менее, из-за разных обстоятельств, я не мог рассчитывать ни на кого, кроме Кёко-сан.

Для меня она известна, как «молниеносный детектив», однако «молниеносный» - не то слово, что описывает ее, как детектива.

Ключевое слово для Окитэгами Кёко — «забывчивая».

— Эм, извините. Это лаборатория Эми Коро? — вслед за стуком в дверь раздался крайне робкий и едва слышный голос. Когда замруководителя Юринэ открыла дверь, в комнату вошла Кёко-сан.

Маленького роста, в блеклой одежде, а также с абсолютно белыми волосами, издалека она кажется старушкой, но на самом деле ей 25, как и мне. Как только оказываешься вблизи с ней, сразу видишь, как она пышет здоровьем и молодостью.

Глава детективного агентства, так сказать, полностью самостоятельная и независимая женщина, и вечно в поисках работы, что я тоже начал бы делать, если бы меня уволили из лаборатории Сарасина. Что уж говорить о возрасте.

Я подбежал к двери, окликнув ее:

— Кёко-сан! Большое спасибо, что пришли, вы наша спасительница! Прошло столько времени, надеюсь, у вас все хорошо! Не самый подходящий момент, но скажу, что я рад вас видеть! Если бы не все это, эта встреча...

На мою резко протянутую руку, Кёко-сан ответила мягким рукопожатием и произнесла:

— Приятно познакомиться. Мы где-то встречались?

Захлопнув за ней дверь, я наблюдал удивление на лице замруководителя Юринэ при словах Кёко-сан. Что и понятно, детектив, о чьих услугах я попросил со всеми фанфарами, встретила меня так, словно это была первая встреча.

Однако, здесь виноват я. Прочистив горло, я сказал:

— Я-я — ваш клиент, Какусидатэ. Какусидатэ Якусуке. До этого вы неоднократно мне помогали.

Я вкратце рассказал о себе. После своего рассказа, я также предъявил свое удостоверение. Может, это выглядело немного наигранно, но мне было жалко терять время.

Кёко-сан сравнила фотографию на удостоверении с моим лицом.

— Вот как? — произнесла она без особых эмоций.

Для меня это была ситуация типа «Давно не виделись!», но для этой забывчивой девушки-детектива это была первая встреча, и было бы несправедливо требовать от нее проявления каких-либо эмоций.

— Тогда это все меняет. Я – глава детективного агентства Окитэгами. Меня зовут Окитэгами Кёко. Что стряслось... "на этот раз"? Расскажите, пожалуйста, Какусидатэ-сан.

Кёко-сан протянула мне свою визитку. Я даже не знаю, в который раз получаю ее.

Затем, она прошлась по комнате, представившись как Окитэгами Кёко руководителю Эми, замруководителя Юринэ, лаборантам Хонде и Гифубэ по порядку.

Для них это была обычная первая встреча. Чем выше была должность сотрудника, тем тверже тот обменивался с ней визитками.

Хонда-сан и Гифубэ-сан находятся на одном положении и одного возраста, но Хонда-сан на год дольше работает здесь, и, как я понял, эти двое даже словом не обменялись.

Поприветствовав всех, Кёко-сан вернулась ко мне.

— Я уже знаю подробности инцидента. В этом помещении проводилось исследование, и вы хотите найти SD-карту с бэкап данными, верно? То есть, найти потерянную вещь.

Она тихо повернулась к руководителю Эми.

После того, как была выявлена пропажа прошло два часа, и руководитель Эми наконец-то перевел дух, но до сих пор придерживался своей теории вора, судя по его ответу:

— И это не все. Приведите, пожалуйста, вора ко мне.

— Ясно. Однако, это не самое важное, верно? — сказала Кёко-сан отсутствующим тоном. Она ничуть не изменилась. Нет, не может такого быть, чтобы она изменилась. Даже если ее характер изменится сейчас, вскоре она станет прежней.

— Главное – предотвратить утечку данных...

— Не говорите глупости! Я не буду дальше работать с предателем!

От криков руководителя я сжался, а Кёко-сан стояла невозмутимая.

Пожать плечами – все, на что она была способна. На Кёко-сан не работали ни угрозы, ни запугивания. Я это помню из инцидента Бацубэ, где на нее наставили настоящий пулемёт, а она и бровью не повела. Однако, она уже забыла об этом.

— Я вас понимаю. Однако, я получила заказ от Какусидатэ-сана, и он попросил меня рассеять подозрения в его виновности. Если бы он был преступником, мне пришлось бы пойти против просьбы клиента. — сказала Кёко-сан. "Удивительно такое слышать, Кёко-сан", подумал я, но не озвучил.

Конечно, детективы по роду своей деятельности должны подозревать всех – это очевидно. Было бы лучше, если бы вместо того, чтобы подозревать только меня, они подозревали бы всех.

— ...Получается, если Какусидатэ-кун — преступник, то вы работали бесплатно, верно? Раз так, я полагаю, лаборатория может выдать вам вознаграждение. — осторожно заметила замруководителя Юринэ.

Для женщины, честная жизнь которой привела ее сюда, профессия детектива наверняка кажется единственной паршивой работой в мире.

— Не скажу, что это честно. Что насчет оплаты лабораторией, если за пропажу бэкап данных ответственен кто-то из сотрудников?

Она говорила крайне тихо, поэтому я не расслышал точное число, но она говорила о крайне крупной сумме. Неплохая работа для местного частного детектива.

За закрытыми дверьми требовать задаток казалось безумным, но для нее было бы естественно взять деньги у лаборатории, чем у отщепенца вроде меня. Замруководителя Юринэ взглянула на руководителя Эми. Тот сделала кислую мину и кивнул:

— Хорошо... Но если вы не сможете раскрыть...

— Я уйду без оплаты, разумеется. Я сама действую по такой системе.

Значит, сдельная оплата.

Кёко-сан ответила им, улыбнувшись. Эта улыбка придает мне спокойствия. Конечно, она пока не раскрыла дело, но на душе мне сразу стало легче. Это та Кёко-сан, и неважно, что она не всемогущий детектив.

— Скажите... Вы точно на это согласны? — довольно грубо Хонда-сан спросил Кёко-сан.

Должно быть для него было неприятно не выходить из комнаты уже два часа. И хотя мы все тут на одной волне, Хонда-сан по вспыльчивости уступает руководителю Эми. Кроме того, он сильнее всех поддерживал теорию, что руководитель Эми потерял карту по неосмотрительности, из-за чего возникло разногласие. Поэтому можно было догадаться, что он находит данную ситуацию возмутительной.

— Пригласить сюда постороннюю, пускай Какусидатэ-кун и ручается за тебя, но... Мне лично не хочется играть в детектива в комнате, полной конфиденциальных материалов.

— Не переживайте. У меня нет ни смартфона, ни камеры с собой.

В подтверждение своим словам Кёко-сан раскрыла перед собой ладони.

Похоже, она прошла обыск на входе в лабораторию.

— К тому же, все, что я услышу и увижу сегодня, я завтра же забуду.

Раскрываем любое дело за день.

Таков слоган детективного агентства Окитэгами. Когда я впервые увидел эту странную надпись, эти странные, но завораживающие слова про «любое дело» обратили мое внимание. Однако, я быстро понял, что за рекламным ходом про «молниеносного детектива» скрывается предупреждение о «забывчивом детективе».

Детектив Окитэгами Кёко.

Каждый день ее память стирается.

На медицинском жаргоне это вроде как разновидность антероградной амнезии, но как бы там ни было, все, что она видела и слышала во время расследования, она забывает, после того, как засыпает.

Кто бы ни был с ней, какая бы ни была ситуация.

Для нее любая встреча и любой опыт становятся первыми.

С одной стороны, это то, что ни один детектив не должен иметь в долгосрочном плане, поскольку у нее нет над этим контроля. Но если посмотреть на это с другой стороны, можно спать спокойно, если вы хотите сохранить свои секреты. Любой другой детектив такой невероятной особенности бы не имел, а она все точно забудет.

Это не заставит вас усомниться в профессиональной этике такого детектива, а точнее, в политике конфиденциальности. Клиенты, попавшие в передряги, с душевными страданиями, стремятся в ее офис, и их информацию никогда не предадут огласке.

Иначе говоря, если она не раскроет дело за день, она ничего не возьмет, и поэтому Кёко-сан не берет задатки. Да, в такой системе есть и плюсы, и минусы, но на нее не приходится жаловаться.

Поскольку она ответила на мою просьбу о помощи мгновенно, ее имя поднялось в мой личный топ-5 детективов.

Опасаясь утечки информации, а также распространения скандала, директор Эми не очень хотел звать детектива, но я настоял на том, что опасаться нечего. Конечно, это ложь, я был крайне взволнован.

Кёко-сан бегло объяснила всем присутствующим ситуацию:

— Для расследования можем начать с того, что каждый из вас по очереди расскажет мне детали. Не волнуйтесь — что бы вы мне ни рассказали, ни показали, я забуду это после того, как засну. Вы все получили мои визитки, и вы должны вернуть их мне, чтобы подтвердить оплату. Факт нашей с вами встречи исчезнет завтрашним днем. По крайней мере, в моей голове.

— .....

Улыбающееся лицо Кёко-сан для Гифубэ-сан казалось жутковатым, и такая реакция нормальна. Никто ни готов принять, неважно в каких обстоятельствах, что чья-та память сотрется через день, но для Кёко-сан — это факт. Уж мне это известно. Каждый раз, когда слышишь ее честное "Приятно познакомиться", сердце разрывается, особенно когда Кёко-сан — такая прелестная девушка.

Руководитель Эми скрестил руки и сказал:

— Понимаю. Я оставляю вам поиск преступника. Спрашивайте все, что нужно, я не возражаю. Только не трогайте все подряд в этой комнате. Если вам нужно что-то осмотреть, спросите у кого-нибудь разрешения.

— Будет сделано. Хмм, не будем тратить время и приступим, ладно? Не могли бы вы одолжить мне местечко, чтобы поговорить с каждым? Какая-нибудь маленькая, отдельная комната подойдет.

— Отдельная комната? Я не могу это позволить. Преступник не должен отсюда высываться. Если он покинет эту комнату, есть шанс, что он совершит утечку данных. В этой комнате нет доступа ни к мобильной, ни к интернет-сети, и радио-волны не пропускаются, тогда как в лаборатории еще есть места с сетью.

— Но это не разумно. Вы заперли людей, заставляете их голодать и запрещаете им сходить в туалет. В такой ситуации невозможно провести расследование. Так мы скоро и о побоях услышим.

Ни руководитель Эми, ни Кёко-сан не стали уступать друг другу. Если искать в этом что-то положительное, я вижу перевес на стороне все еще улыбающейся Кёко-сан.

— Я понесу ответственность. Я прослежу, чтобы мои собеседники не делали ничего необычного, и на выходе из комнаты я обыщу их. Тогда у нас не будет проблем.

— ...Ну ладно. Я дам вам разрешение.

Наконец-то сказал руководитель Эми.

Он согласился на предложение Кёко-сан, как мне кажется, чтобы было оправдание первым пройти обыск.

До этого в комнате было пять человек, двое из которых — женщины, и не было причин проводить обыск, но теперь сюда пришла посторонняя, и к тому же, девушка, которая согласилась проводить его.

Нельзя без разбору подозревать людей. Я, переживший многие подозрения в свой адрес, особенно понимаю это, но даже невзирая на прошедший обыск комнаты, мы ищем одну малюсенькую SD-карту. Вероятность, что кто-то держит ее у себя в кармане, отнюдь не нулевая.

— По одному – в малый конференц-зал, он в вашем распоряжении. Вот только один момент, Окитэгами-сан. Даже если во время обыска вы ничего не найдете, пока будете слушать собеседника, не спускайте с него глаз ни на секунду.

— Не подведите нас.

Кёко-сан, с улыбкой на лице, кивнула и сказала:

— Я ни в коем случае не забуду. Все будет хорошо. Память меня не подведет... пока день не кончится.

И так в дело вступила детектив Кёко. Отсчет пошел с 16:00. То, что любое дело она решает за день, не значит, что она ограничена 24-ю часами, а до тех пор, пока не уснет.

Насколько я знаю, Кёко-сан обладает здоровой привычкой ложиться строго в 11 часов вечера и просыпаться в 6 утра. Если учесть это, я бы сказал, что на это расследование уйдет максимум 12 часов.

Кажется простым – найти одну лишь SD-карту, одна из так называемых «плевых загадок», однако внутри содержится куча данных по смехотворно высокой цене. И уже не скажешь, что это — плевое дело. Если проблема разовьется, то, что уж моя, судьба руководителя Эми, и самой лаборатории Сарасина окажется под угрозой.

Если вспомнить, как руководитель Эми кричал, уже не кажется, что мы сможем решить дело за день. Мы сможем найти SD-карту, если будем подходить к этому методично и спокойно.

Хотя нету доказательств, уже из-за того, что я новенький на работе (а еще, веду себя подозрительно), на мне висит подозрение, и я не мог такое сказать. Для доказательства своей невиновности я приложу все усилия.

Но жаль оставлять это на других.

Если бы только я был детективом, но увы... Я, бывало, мечтал об этом, но я себя знаю. Я знал, что я всего лишь второстепенный персонаж. Это особенно четко видно на фоне таланта Кёко-сан. Такая, как она, уважаемый детектив, неспособная сохранить в памяти события одного дня, и которой суждено испытывать трудности в повседневной жизни, получает главную роль.

— Вы последний, Какусидатэ-сан. Прошу вас, заходите.

Выслушав сотрудников лаборатории, четвертым по очереди которой была замруководителя Юринэ, Кёко-сан вернулась и позвала меня. До этого она выслушала руководителя Эми, Гифубэ-сан, Хонду-сана и замруководителя Юринэ. Был ли смысл в таком порядке я не знал. Не похоже, чтобы она шла в порядке должностей, а возможно порядка не было вовсе.

Однако, то, что я был последним, было сделано намеренно.

На выходе в коридор, выкрикнув "Погоди", меня задержал Хонда-сан:

— Окитэгами-сан тоже будет обыскивать тебя? Ведь у вас, кажется, долгие отношения клиента-детектива.

Он сказал это якобы гневно, но в этом была логика.

Даже с отсутствия доказательств, взрослые все равно имеют право судить, и хотя у него не было причин подозревать меня, сбросить подозрительную ауру не могу.

Мне не хотелось тратить время сопротивляясь, и я беспечно ответил:

— Я понял. Тогда пусть все меня обыщут.

Приняв вид обиженного человека, я понял, что только усилил подозрения.

Обе женщины отказались, поэтому привилегия ощупать меня досталась Хонде-сану и руководителю Эми. Результат: я чист.

Так я подумал, но выйдя в коридор с чувством облегчения, Кёко-сан преградила мне путь:

— Вообще-то, я не провела обыск.

Ничего не упускает...

Поскольку для нее это была наша первая встреча, было бы безрассудно, чтобы она мне сразу поверила, поэтому я робко согласился. В отличие от руководителя Эми и Хонды-сана, она сосредоточилась на четкой проверке.

— Да, проблем нет. Сюда, пожалуйста.

Кёко-сан провела меня в малый конференц-зал.

Поскольку я ни разу не был за пределами офиса Эми, я впервые входил в малый конференц-зал. Этот конференц-зал скорее напоминал комнату для допроса (Интересно, сколько раз я бывал в таковой?). В этой узкой комнате были только мы с Кёко-сан, и мое сердце забилось быстрее.

Вот только это чувство не было взаимно, ведь с другой стороны мой собеседник впервые встречается с незнакомым, подозрительным гигантом, в узком пространстве — довольно неблагоприятная атмосфера, я бы сказал. Но Кёко-сан ничего подобного не показывала. Ее лицо было абсолютно спокойно.

— Какусидатэ Якусуке-сан. Вы все мне рассказали по телефону, но я бы хотела подтвердить вами сказанное еще раз.

Кёко-сан сразу приступила к главному. Для нее время в тысячи раз важнее, чем для меня. За наше время вместе ни разу не преувеличением было сказать, что у нее всего лишь один день в жизни.

— Какусидатэ-сан, ранее возможно мы были какое-то время знакомы, но сейчас я, к сожалению, не помню этого. Если возможно, воздержитесь, пожалуйста, от разговоров о прошлом. Вы знаете, что я не помню эпизода, где знала вас.

Было довольно грустно слышать, как она установила между нами дистанцию, но было неизбежно услышать подобное предупреждение. Поэтому Окитэгами Кёко-сан и зовется "Забывчивым детективом".

— Какусидате-сан, как давно вы начали работать в лаборатории Сарасина?

— Примерно два месяца назад... Меня наняли ассистентом. Я сказал ассистентом, но я не разбираюсь в технических вопросах. Я занимаюсь сортировкой файлов, приношу чай или выношу мусор — на побегушках я, в общем...

Я уже привык говорить так, будто извиняюсь.

До этого в моей жизни меня со многих сторон подозревали, и я начал постоянно оправдываться. Вот только сейчас я теряю спокойствие не из-за подозрений, а из-за пристального взгляда Кёко-сан.

— В-в общем, я ни в чем не разбирающийся парень, которого наняли, вот так... Не идти же умникам в лабораторию, чтобы кофе носить, согласитесь?

— Я вас поняла. Мне все равно. Завтра я все забуду, вы можете мне доверять в расследовании.

Я заволновался из-за ее грубоватых слов, но это показало ее согласие. Легкая радость, и это было приятно.

Вообще-то с Кёко-сан разговаривать невозможно, однако, возможно, сейчас сыграл важную роль тот фактор, что ее нанял я.

— С прошлой работы меня уволили, и были проблемы с трудоустройством, пока мой хороший знакомый не представил меня руководителю Эми... После этого я решил, что все пошло на лад.

Нет, не совсем так.

Возможно, я раньше так думал, но, честно говоря, я тогда поспешил с выводами.

— Что ж, Какусидатэ-сан, я бы хотела кое-что спросить. Нет, перед этим я достаточно услышала от четырех людей, но для аутсайдера многое, о чем говорят профессионалы, не понятно...

Кёко-сан не делает записки. Не записывает на диктофон, и не собирает материал на ноутбук — весь инпут происходит в голову.

Конечно, когда заканчивается дело, происходит перезагрузка, но запомнить абсолютно все, что говорят пять людей, даже на один день — чудесная внимательность.

Совсем не сочетается с тем, как она все забывает через день.

— Для начала, чем занимается лаборатория Сарасина?

— Разным... Стереоскопия, изображения — изучает многое, что связано с этим. Здесь исследования происходят в разных отделах, и я не знаю, что делается в других отделах, но руководитель Эми — во главе отдела стереопсиса.

Многого от меня не стоило ждать, но Кёко-сан кивнула и повторила:

— Вы упомянули стереопсис?

— Да. 3Д технология, другими словами... Эмм, ну знаете, как в фильмах?

— А, когда надевают очки.

Кёко-сан прикоснулась к своим круглым очкам.

— Я не смотрела их, потому что надо надевать очки на очки.

Даже если и видела, то уже забыла.

— Руководитель Эми исследует возможность того, чтобы никому не приходилось носить очки, чтобы любой человек в любом месте мог смотреть 3Д. Сюда относится стереоскопия, голограммы и прочее... Если сейчас кто-то хочет снимать фильм в 3Д, нужна особая камера, а на это уходит крупная часть бюджета на фильм. А новейшая технология руководителя Эми позволит сократить расходы в десять раз...

Я слышал это из третьих рук, и не могу сказать, что хорошо понимаю это или объясняю, но Кёко-сан явно поняла и сказала:

— Понятно. Во время просмотра 3Д фильма не надо носить те странные очки — это здорово.

— .....

Что ты имеешь в виду, странные очки? Неужели очки с красной и зеленой целлофановыми штучками, да?

Я не знаю, сколько воспоминаний теряет Кёко-сан во время каждой перезагрузки, но похоже, что целый день. Понимаю, не звучит смертельно, но если представить, что это происходит целый год, она теряет целый год воспоминаний.

Я впервые встретился с Кёко-сан два года назад, но это было давно, а такие воспоминания точно не сохранились.

Настолько отстав от течения времени, она просто не могла полностью понять, как работает современная лаборатория и значение ее исследований. Абсолютно невозможно.

Я не мог не положиться на Кёко-сан в этот раз, поскольку она великий детектив, который гарантирует конфиденциальность и скорость. Но сейчас я решил, что поручил Кёко-сан неподходящую работу. Я был бы рад следовать за ней, как Ватсон, но тогда я буду весьма мрачным исполнителем такой роли.

— ...Однако, если это личное исследование руководителя Эми, ничего страшного в том, что данные утекут наружу, не так ли? Незнакомые с технологией люди не смогут использовать данные.

— Не совсем. По словам замуководителя Юринэ, долгое исследование руководителя Эми — это революционная идея. Она станет прорывом в мире изображений, и эта удивительная

технология уже завершена... Если это выйдет наружу, кто-то, и глазом не моргнув, получит значительную фору.

Не будь я мальчиком на побегушках, даже не работая здесь, я бы понимал — лаборатория Сарасина это малая организация. У них нету сил, чтобы сопротивляться крупным корпорациям в борьбе за власть. Нужно всегда ломать голову, искать слепую точку, работать в секретности. Информация есть сила.

— Понятно, значит потери можно оценить в сотни миллионов йен?... А, о такой сумме, кстати, говорил Хонда-сан.

— Дело не в деньгах. Все, скорее всего, бояться, что само исследование пойдет насмарку...

Этот страх не понятен мне, который ничего не смыслит в этой профессии. Они же не понимают мой страх быть подозреваемым, даже если сказать им.

— ...Если следовать логике расследования, в данный момент можно усмотреть потерю SD-карты по неосторожности. В то же время, я не могу представить, чтобы Эми-сан случайно потерял такие важные данные. Все сказали то же самое...

Я подумал, что это прелюдия к тому, чтобы спросить о моем алиби, однако я ошибся.

— Если у нас вор на руках, как вы думаете, кто это?

Прямолинейный и подходящий вопрос. Кёко-сан задавала его всем остальным сотрудникам? Наверное, все ответили, что это ассистент Какусидатэ.

— Я не знаю. Не думаю, что у кого-то есть мотив.

Ответил я со всей честностью. Если бы я на ходу мог ответить умно, я бы стал детективом.

— Лаборатория бы закрылась, и все потеряли бы работу.

— Но если кто-то взяли SD-карту, его бы наняли в другую лабораторию, разве нет?

— Это мелкая индустрия, о личности такого человека сразу бы прознали, понимаете...?

Разумеется, такое возможно, но тогда этот человек шел бы на большой риск. Вряд ли такая игра стоит свеч.

— Вот как. А что если преступление было совершено тем, кто держит злобу на Эми-сана? Не ради выгоды, а лишь досадить.

— .....

Спрятать SD-карту с исследованием и смотреть как руководитель мечется в панике? У кого-то плохой вкус...

— Разумеется, учитывая стоимость SD-карты, мы не можем говорить о плохой шутке. Это преступление.

Предельно ясно высказалась Кёко-сан. У нее сильное чувство справедливости. Она не такой детектив, который смотрит на деяния преступников, как на произведение искусства.

— Все же, если мы согласимся в этом аспекте, есть вещи, которые мы не знаем. Преступник не планировал выносить SD-карту из комнаты, а лишь спрятать в ней... Или он мог сломать ее на мелкие кусочки. В таком случае, не стоит волноваться об утечке информации...

— Руководитель Эми, действительно, весьма жесток... Не могу сказать, что он плохой человек, но не думаю, что его настолько ненавидят, чтобы так досадить ему.

Даже если он называл всех ворами, чем ранил чувства людей, все понимают, что гению такое поведение свойственно. Это ничего особенного, "обыкновенное явление".

— Действительно, в этом все согласны.

Кёко-сан легко забрала свои слова назад.

— Если SD-карта с данными была украдена и повреждена, то, скорее всего, с той целью, чтобы помешать исследованию Эми-сана. Но это всего лишь резервные данные. С Эми-сан не стоит исключать такую возможность, и все же, если брать в расчет личные эмоции... Давайте я изменю вопрос. Кто, на ваш взгляд, наименее вероятный преступник?

Очередной странный вопрос от Кёко-сан.

Я начал рассуждать.

— Я знаю, что я не преступник, но исключая меня... Во-первых, это не руководитель Эми, поскольку он — жертва. Затем, его давняя знакомая, замуководителя Юринэ, тоже не вызывает подозрений. Она занимает важную позицию, поэтому ее позиция тоже пострадает. Хонда-сан и Гифубэ-сан...

Здесь я остановился.

Если назвать одного человека третьим, я решу, кто четвертый по счету, а следовательно - самый подходящий кандидат. У меня не было доказательств. Это было самое сложное решение — я не мог сделать подобное с другим человеком.

Услышав мое молчание, Кёко-сан сказала:

— Какусидатэ-сан — вы хороший человек, верно?

Я рад, что Кёко-сан сказала это, но подобное она уже говорила. Когда настанет завтрашний день, она забудет про то, как она меня описала, и мне от этой мысли стало одиноко.

Я отбросил это чувство.

— Хонда-сан и Гифубэ-сан — соперники. Они ровесники, и я думаю, они осознают свои отношения. Кажется, они постоянно соперничают. Хонда-сан - семпай, но, кажется, замруководителя Юринэ больше ценит Гифубэ-сан... Думаю, такой конфликт только подпитывает их соперничество... На первый взгляд, они в дружественных отношениях, но, как только помотришь на них, видно напряжение.

Я выпалил не самую чистую информацию на одном дыхании.

— Я получила полезные сведения. Большое спасибо. Хм... Теперь, когда я всех выслушала, давайте приступим к полному осмотру офиса.

Кёко-сан взглянула на свои часы. Стрелка показывала 6 часов вечера. Значит лимит закончится...

— Через три часа я хотела бы уйти.

Мои ожидания подтвердились. Похоже, Кёко-сан, запланировала лечь спать в определенное время. Улыбающаяся Кёко-сан как можно серьезнее сказала:

— Плохой сон — враг красоты.

В результате первого обыска членами лаборатории, в офисе царил беспорядок. Но знающие об обычном хаосе, царящем здесь, видели, что в комнате еще не полная неразбериха.

Для обывателя найти мелкую SD-карту кажется непосильной задачей, но Кёко-сан так не думала.

— Когда что-то прячут, люди делают это в местах, где проще потом найти.

Сказала она, внимательно осматривая вазу в руках.

Мы игнорировали места, которые уже тщательно проверили, и начали смотреть там, где не подумали бы — например, меж страниц в книгах на полке. Что и ожидалось от профессионала, думали мы. Но с другой стороны, после нашего обыска мы теперь ищем по методу Кёко-сан, который напоминает охоту за сокровищем, которое кто-то спрятал.

Похоже, что Кёко-сан сообщила всем о возможности того, что SD-карта не была утеряна по чьей-то невнимательности, а была украдена и спрятана. Или, вероятно, что данные стерли.

Но все это странно — мы провели обыск и в комнате, и на теле. Кёко-сан обыскала всех пятерых сотрудников, что было довольно неприятно. Да, во время разговора с Кёко-сан, никто не выходил, но даже то, что это возможно игра, затеянная руководителем Эми, уже не представляется вероятным.

Нам хотелось прекратить расследование, либо отложить его или передать кому-то еще, поскольку мы уже потеряли целый день... Как бы много мы ни искали, SD-карту мы так и не найдем.

Даже такой невежда, как я, знает про "дьявольское доказательство": легко доказать, что что-то "есть", но сложно доказать, что чего-то "нет". Если сказать, что мы не нашли SD-карту в этой комнате, это не доказывает, что ее здесь нет.

— Эта SD-карта ведь не единственная, которой пользуется Эми-сан? Возможно ли, что она затерялась в кипе других таких же карт, или что вы воспользовались другой SD-картой?

Пока Кёко-сан выдвигала ящик из стола, она задала этот вопрос словно бы никому.

— Я уже проверил. Я не совершал такую простую ошибку.

Разочарованно ответил руководитель Эми.

Похоже, что он не был рад, что в лаборатории, его владении, шастает посторонний и расследует преступление.

— Скажу сразу. Для всех остальных: проверьте свои SD-карты, поскольку я не могу их проверить из-за того, что на них материалы лаборатории.

Карты памяти закупаются пачками, и одну от другой не отличить. На них клеят ярлыки и их подписывают, но их все равно легко подделать.

Это как раз и было слепое место.

— Н-Н-Но если... Допустим, резервные данные находятся на чей-то карте, то этот человек и есть преступник?

Я услышал дрожащий голос Гифубэ-сан.

— Нет, не обязательно. Преступник может использовать карту, как временное укрытие. Лист, как известно, легче спрятать в лесу.

Спрятать карту памяти среди других карт памяти?

Такое вполне возможно. Кто-то не обязательно хранит важные бэкап-данные на карте памяти, а они в обиходе у каждого здесь.

Смешать SD-карту с другими — хорошая идея. У меня не было своего компьютера, и, следовательно, ни одной карты памяти на руках — я только носил кружки с кофе — но все начали двигаться по указаниям Кёко-сан.

Разумеется, проверять SD-карту жертвы не было необходимости, поэтому мы стали проверять у остальных трех человек.

Смелая задумка.

Это мысль в духе детектива, но будь я преступником, я бы подумал так же. Однако, после проверки у всех присутствующих SD-карт, мы не нашли бэкап-данные ни на одной из них.

Может быть, преступник сменил имя файла, как подумал Хонда-сан, и мы проверили каждый файл, но безрезультатно. Наши усилия были потрачены зря.

— Думаю, проверять новую пачку карт памяти не стоит, верно?

На слегка саркастичный тон замруководителя Юринэ ничуть не обескураженная Кёко-сан ответила:

— Да, согласна.

Говорить прямо, особенно плохие слова - знак полного неуважения. Впрочем, поскольку на следующий день Кёко-сан все забывает, ее не пугает чья-то ненависть.

— Здесь мы тоже закончили.

— Да. Раз уж вы сказали...

Кёко-сан наклонилась к руководителю Эми.

— Мы провели обширный поиск, но так и не нашли вашу SD-карту.

Сейчас 7 вечера.

До установленного Кёко-сан лимита осталось два часа. Она сказала, что плохой сон убивает красоту, но в деле об убийстве Рэндако она не спала три ночи подряд.

Хотя это было исключением, дело было крайне запутанным, мне хочется верить, что она не ляжет спать до завтра...

— Эй-эй, а как же наше время? Что это за фарс? Вы правда известный детектив?

Хонда-сан разозлился и приблизился к Кёко-сан, но та изящно отошла от него и, проигнорировав его, направилась ко мне.

Разумеется, не для того, чтобы защитить.

— Какусидатэ-сан, можно вас на минутку?

И позвала меня в коридор.

— Я смогла установить приблизительное местонахождение бэкап-данных. Однако, в данный момент я не могу логически рассудить, кто — преступник.

Как только я прошел обыск руководителем Эми и Хондой-саном, я вошел в малый конференц-зал, где мы уже были с Кёко-сан, и та сразу начала говорить.

Она сказала это так тихо, что я чуть не упустил это.

— Э? Правда? Только что говорили, что не нашли—

— Не нашла. Тем не менее, я знаю, где спрятана карта памяти. Но я не знаю преступника.

— Преступник... То есть, это все-таки было совершенно по чьему-то злому умыслу?

— Да, возможно... Не могу сказать точно... Однако, я не знаю, кто это.

Не приятно осознавать, что Кёко-сан не знает, кто преступник, но для меня уже достаточно знать местонахождение бэкап-данных.

— Этого мало. Ко мне обратились с просьбой снять подозрения с Какусидатэ-сана. Сейчас я не могу ее удовлетворить.

— Что вы имеете в виду? Если мы найдем данные—

— Даже если мы найдем их, это не снимает подозрения с Какусидатэ-сана.

— .....

— Ситуация может ухудшиться. Даже если SD-карту просто потеряли... Как вы сказали, такая возможность была высока, но если найти место, где спрятана карта, я лишь докажу преступное намерение.

Это... совсем не хорошо.

Это не только плохо для меня, но и для всей лаборатории... Мы будем знать, где спрятана карта, но не кто ее спрятал — то создаст неблагоприятную атмосферу. Руководитель Эми, в таких условиях ни за что не даст нам нормально работать

— Поэтому мне нужны как можно точные сведения об отношениях внутри лаборатории именно от вас, Какусидатэ-сан.

— От меня? ...Обо всех? Я ведь здесь новенький.

— Нет, я полагаюсь на Какусидатэ-сана. Я вам доверяю.

Как только она это сказала, я вспомнил.

Кёко-сан не участвовала в моем последнем обыске. Это было ее проявление доверия?

— Т-То есть, вы доверяете клиентам?

— Клиенты лгут. Я работаю по этому принципу. Только что, во время последней беседы я пришла к выводу, что вы честный и открытый человек.

Такое не каждый день услышишь.

Всю мою жизнь мне говорили обратное. Меня даже родители подозревали. Можно пересчитать по пальцам, сколько раз мне говорили, что мне верят.

Мне не то грустно, не то приятно, что Кёко-сан так сказала. Сколько бы она сейчас мне не доверяла, при следующей нашей встрече, она забудет меня. Только сейчас я ей позвонил, но обычно я не прошу у нее помощи, потому что это слишком печально.

Однако, все равно приятно слышать, что тебе доверяют.

— И поэтому, Какусидатэ-сан... Вы их видели. Руководитель Эми Коро, замруководитель Юринэ Юко, лаборант Хонда Эити, лаборантка Гифубэ Нагаме — их личности, характеры, биографию, семейные отношения. Все, что вы знаете до сегодняшнего эпизода, какой бы мелкой ни была деталь, расскажите, пожалуйста.

Я был бы тронут до глубины души, если бы не тот факт, что Кёко-сан ускорила свою ясную речь. Это не значит, что она собралась скорее закончить и пойти спать — просто преступнику покажется странным, что двое человек так долго не возвращаются.

— Если рассуждать о мотиве... Может быть, у кого-нибудь финансовые проблемы? У чьих-нибудь родственников, коллег, например?

— Ну... Честно говоря, не знаю.

Чего еще от меня ожидать, я здесь новенький и не особо дружен ни с кем. Мы лишь пару раз ходили есть вместе. Я спрашивал, какие любимые мультики и манга у Хонды-сана и Гифубэ-сан, но, как ожидалось, их такое не интересует.

— Нет... Такое... сразу очевидно... не волнует...их.

Я заметил слишком поздно.

К моему удивлению, глаза Кёко-сан внутри очков внезапно задержались. Она начала моргать слишком часто. Уже какое-то время Кёко-сан опиралась локтем на стол, поддерживая ладонью голову.

— ...важ...но

— К-Кёко-сан! Нет!

Я не успел.

Я вскочил со стула, вытянул руку и потряс Кёко-сан за плечи. Затем она потеряла контроль и с треском повалилась на стол. Звук от удара головой пронесся по всему малому конференц-залу, но девушка ничуть не сдвинулась. Было слышно лишь ее спящее дыхание.

— А...

Я в отчаянии начал бродить по комнате. Я приподнял Кёко-сан за плечи. Я забеспокоился, что удар был слишком сильный, по лбу, но у нее даже очки не сломались.

Вот только она спала. Спала.

Спала, как мертвая.

Черт возьми, не сейчас.

Даже восьми вечера нет.

С этими мыслями, думая, что еще не поздно, я начал трясти Кёко-сан.

— Мм...

Похоже, что это не был такой глубокий сон. Она медленно открыла глаза.

Затем, она сказала это.

Словно незнакомому человеку.

— Очень приятно. Кто вы? Где это я?

Я сразу же отпустил ее.

Мне пришлось поверить в то, что она заснула. Кёко-сан в первую очередь уставилась то ли на меня, который отступил к стене, то ли на что-то рядом со мной.

— Я-я Какусидатэ Якусуке... Я — ваш клиент. В общем, вы в лаборатории Сарасина...

У меня язык не поворачивается объяснять.

Я был в шоке — все заработанное доверие, вот так быстро испарилось.

Кёко-сан промолчала и перевела взгляд с меня в другую сторону.

Все было впустую — мы потеряли все.

Это очень печально, но, по крайней мере, Кёко-сан не пострадала. Хотя если смотреть в широкой перспективе, утешение было маленькое.

Для Кёко-сан уже поздно, все прежние воспоминания стерлись. И они даже не с прошлого дня, а с 6 утра — весь инцидент был ею забыт.

Как она приняла мой зов о помощи, как она пришла для расследования в лабораторию. Более того, как она выяснила, где находится SD-карта.

Все детективное расследование насмарку.

С другой стороны, Кёко-сан сейчас думает "Я спала в своей постели, а проснулась в неизвестной комнате с неизвестным мужчиной". На ее месте я бы закричал и забеспокоился.

Но Кёко-сан была само спокойствие, при том, что ее лицо посуровело, а сама она вошла в режим обеспокоенности. Она моментально задрала рукав кардигана.

Тонкая, белая левая рука.

На предплечье черным маркером, жирными буквами было написано "Меня зовут Окитэгами Кёко. 25 лет. Я глава детективного агентства Окитэгами. Белые волосы, ношу очки. Каждый день моя память стирается."

— .....

Такая идентификация очевиднее, чем водительские права. Это точно ее почерк, его не спутаешь.

— Меня зовут Окитэгами Кёко. 25 лет. Я глава детективного агентства Окитэгами. Белые волосы, ношу очки. Каждый день моя память стирается.

Кёко-сан прочла это предложение, тронув пальцем очки и проверив цвет волос. Затем кивнула в подтверждение. Она забивала в голову свои личные данные.

Похоже, что это были запасные данные для Кёко-сан, на экстренный случай. Я много раз заказывал ее услуги, но впервые вижу такую подготовку.

Младшеклассники пишут контактную информацию на своих вещах, чтобы им их вернули, если потеряют, но чтобы такое...

Она не делает заметки и не носит мобильный телефон, и я всегда волновался, что ей делать, если она заснет не в своем доме. Но если подумать, она великий детектив. Ее контрмера превзошла все мои ожидания и опасения. И вот так, прошлая она оставила ей свои записки¹... Пока я был под впечатлением, Кёко-сан сразу приступила к следующему шагу.

Думаю, ее процесс мышления был таков.

"Я ничего не помню. Но разве я могла к такому не подготовиться? Например, я могла оставить сообщение будущей себе на левой руке."

Затем, когда она прочла это, подумала: "Если я человек, у которого воспоминания стираются каждый день, я наверняка написала больше."

Кёко-сан носила длинную юбку до лодыжек, схватила правой рукой левый край и смело подняла - чуть ли не до нижнего белья.

Я рефлексивно отвернулся, но это было слишком быстро, и на секунду я увидел ее прелестное бедро.

На ноге были такие же, как на руке, записки фломастером.

"Я нахожусь на расследовании."

— Я нахожусь на расследовании.

Повторила она.

По видимому, она записывала данные.

Я услышал, как Кёко-сан опустила юбку, и я повернулся обратно к ней. Я начал думать, что ей сказать, но она приступила к следующему действию, ничего не сказав.

Она наверняка собралась сделать нечто вызывающее, и я уж было повернулся к стене, но ошибся. Она приподняла кофту, обнажив живот. На нем были надписи, непохожие на другие два места — написаны тонким, красным маркером.

"Какусидатэ Якусуке-сан. Рост - выше 190 см. 25 лет. Клиент. За деталями к нему. Ему можно верить."

— Какусидатэ Якусукэ-сан. Рост - выше 190 см. 25 лет. Клиент. За деталями к нему. Ему можно верить.

Ему можно верить.

Повторив эту часть дважды, Кёко-сан повернулась ко мне.

Затем сказала:

— Прошу прощения, Какусидатэ-сан.

Она встала со стула и поклонилась. В действиях все еще была неловкость, но настороженность точно пропала.

— Вас не затруднит объяснить мне ситуацию?

Примечания

1. 置き手紙 - записка, оставленная кем-то, иногда прощальная или после смерти. Читается как "Окитэгами". Фамилия детектива пишется другими иероглифами, но читается также.

Сообщения на левой руке были написаны давно, сообщение на левой ноге было написано, скорее всего, после того, как она ответила на мою просьбу по телефону. И, сообщение на животе, было написано где-то посреди этого дела.

У Кёко-сан не было при себе ручек, но в лаборатории их завались — бери любую, выбери момент и тайно напиши, что хочешь.

Перед тем, как выслушать меня, Кёко-сан проверила по всему телу, но похоже, что мы не дождемся много "посланий от мертвых"¹ — она не нашла больше тех трех надписей.

Получается, что основную информацию должен предоставить ей я. Я был так счастлив, что чуть не заплакал, однако понял, что Кёко-сан также забыла, где спрятана SD-карта. Я бы очень хотел узнать об этом.

Я мог объяснить ей ситуацию, предшествовавшую всему этому, то есть, то, как она теперь потеряла все свои логические рассуждения. Было похоже, будто я предал ее доверие. Не хотелось, чтобы моим объяснением ей было "Вся твоя работа была коту под хвост."

— Не переживайте, это не ваша вина. Это все по моей неосторожности.

Сказала Кёко-сан. Неосторожность?

Действительно, она уснула во время работы, но говорить, что это не по осторожности, мне кажется, немного неправильно. Точно, Кёко-сан сказала мне, что прошлую ночь она совсем не спала — может быть, поэтому она заснула?

— Нет, когда я берусь за новую работу, я не думаю о сне. Если я отвечаю на просьбы не в полном здравии, вам стоит позвонить моим конкурентам. Я бы отоспалась.

Как только она это сказала, Кёко-сан обратилась ко мне.

— Какусидатэ-сан. Во время расследования я что-нибудь брала в рот?

— ...Нет. Только кофе.

— Должно быть, это оно.

Кёко-сан кивнула, убежденная.

— Скорее всего я подумала, что преступник был близко, и можно было опасаться насилия, так что я оставила это сообщение.

Кёко-сан приподняла свою кофту. Я убрал свой взгляд с нее, и сказав "Извините", она опустила кофту.

— Однако, тот факт, что меня усыпили... Похоже, что среди тех четверых есть человек, который хорошо меня знает. Я бессильна, если меня усыпить.

— Нет, я ведь уже говорил. Эти четверо вас не знают.

— Значит, кто-то догадался и свалил дурака... Кажется, вы говорили, что Хонда-сан поддразнил меня: "Вы правда известный детектив?"... Если бы мне сказали, что обо мне не слышали, мне было бы немного обидно.

В этом есть резон.

То есть, Хонда-сан знал о Кёко-сан? Нет, возможно, кто-то рассказал ему об этом, пока мы беседовали в малом конференц-зале.

Тот офис изолирован от интернета, но мы живем в эпоху информации. Неудивительно, если кто-то, а может даже всем сотрудники, слышал о такой диковинке как "забывчивый детектив" и потому не удивился при встрече...

Я забыл про это, но вспомнил, как только увидел воочию. Сон — ее главная слабость.

По правде говоря, я знаю из рассказов о приключениях Окитэгами Кёко о том, как ее много раз усыпляли преступники.

Если хотите помешать логическим рассуждениям Кёко-сан и заткнуть ей рот, не нужно рисковать убийством. Достаточно просто усыпить ее.

Усыпляющий газ, алкоголь, гипоксия, анестезия, усыпляющая музыка, расслабляющий массаж, даже был нелепый случай с гипнозом.

В этот раз, снотворное...?

Кофе наливал я, но можно было добавить препарат в стакан для посетителей... Но достать в такой ситуации снотворное не так-то просто.

— Снотворные бывают разные. Даже лекарство от простуды обладает усыпительными свойствами. Я такие препараты не принимаю, и поэтому эффект для меня будет сильнее, чем для обычных людей.

Даже если и так (похоже, что так), и препарат подмешали, Кёко-сан бы не знала. Вряд ли она помнила, какой на вкус обычный кофе, да и вообще это было бы подозрительно.

— Возможно, в комнате было лекарство от простуды...

Думаю, я видел его во время обыска. Лежало среди других лекарств. Получается, любой мог взять его, и преступника будет сложно отследить по этой зацепке.

Черт. Нам придется начинать с начала?

Даже не с начала. Кёко-сан рассудила, где находится карта памяти, выслушав всех, лично осмотрев комнату со всей тщательностью, потратив много времени. Но если сказать тем четверым, что придется повторять поиск, никто не согласится. К тому же, Кёко-сан лично

сказала, что ничего не нашла. Если снова предлагать им повторить это, они удивятся и не сдержатся.

— Не с самого начала, Какусидатэ-сан. Мы по крайней мере знаем, что преступник — среди этих четверых. Кому-то нужно было, чтобы я заснула.

— М-Может, это и так, но...

Я рад, что после перезагрузки Кёко-сан не включает меня в список подозреваемых, но если расследование не продвинется, мне конец.

— Нет, Какусидатэ-сан. Повторять расследование не нужно. Поскольку преступник совершил фатальную ошибку.

— Э?

— В книгах выводить детектива из игры — против правил. Если уж преступник играет нечестно, мы также будем играть нечестно.

Сказала Кёко-сан со спокойной улыбкой. Но ее глаза не улыбались.

— Теперь, когда я так легко потеряла свои воспоминания, преступник вздыхает с облегчением. Давайте вернемся, Какусидатэ-сан. За одну секунду я сниму с вас подозрения и раскрою дело.

С этими словами она встала в позу "молниеносного детектива".

Вернуться, то бишь "проведите меня назад до лаборатории". Она не запомнила не только это место, но и лица сотрудников: руководителя Эми, замуководителя Юринэ, лаборанта Хонды и лаборантки Гифубэ.

Однако, она сказала, что раскроет дело за секунду. Кажется, блеф, но Кёко-сан много раз протягивала мне руку помощи, так что это не был блеф.

Как раз обратное.

Кто бы ни усыплял Кёко-сан, никто не знал, что эта слабость сопровождается суровым гневом.

Не было такого преступника, который насильно усыпил ее и не был затем арестован...

Примечания

1. Здесь я не очень понял. Написано про что-то типа "послание мертвых не то же, что и послание на полированных горшках"

8:30 вечера.

— Спасибо за ожидание. Я раскрыла дело.

Сказала Кёко-сан с невинным личиком. Она только что потеряла воспоминания, но стояла, словно ничего не изменилось. Я заранее описал каждого человека, его имя и черты, чтобы она поняла, кто есть кто. Тем не менее, было страшновато.

Я чувствую напряжение в воздухе.

Преступник наверняка волнуется, что снотворное не подействовало. Мы подошли к типичному клише из детективных романов — "Детектив собрал всех, чтобы рассказать правду". Преступнику необязательно в ней участвовать, но сейчас все находились под якобы арестом, поэтому преступнику пришлось находиться здесь. "Как только преступник впадет в отчаяние и выйдет из себя, хватайте его", сказала мне Кёко-сан. Похоже, что, получив сообщение от прошлой Кёко, нынешняя Кёко-сан стала мне чересчур сильно доверять, если надеется, что я смогу повалить преступника. Наверное, она сочла меня за бойца из-за внешности, но я не так уж в себе уверен. Однако, я не мог отказать ей вот так просто.

Я следил за всеми, видя в каждом потенциального преступника.

— Раскрыли... Значит, вы знаете, кто вор?

— То есть, вор среди нас?

— Как бы там ни было, вы не нашли SD-карту.

— ...Я хочу скорее пойти домой.

Руководитель Эми, замуководителя Юринэ, Хонда-сан, Гифубэ-сан — все раскрыли рты. Все немного сконфужены, но никто не думает о том, что Кёко-сан не сможет установить преступника или что она забыла, где находится SD-карта.

Это, вероятно, первый раз, когда детектив собирает подозреваемых без фактов и гипотез на руках.

— Пусть вы говорили, что здесь проводится исследование стереопсиса... Люди видят лишь то, что хотят видеть.

Шагая по комнате, она сделала подобное заявления (о стереопсисе и подобных вещах, она тоже ничего не знает). Мы в это время расселись по стульям, включая меня.

Все поворачивали голову в сторону Кёко-сан, но она постоянно шагала туда-сюда, пока в один момент не остановилась.

Сначала, стол руководителя Эми, откуда пропала карта памяти — не здесь. Затем компьютер его давней знакомой, замуководителя Юринэ — не здесь. Затем, позади стула находящейся с

ним в плохих отношениях Хонды-сан — не здесь. И к шкафчику единственной моей защитницы, Гифубэ-сан — не здесь.

Кёко-сан встала перед термопотом, стоявший на низком книжном шкафчике рядом с окном. Здесь стоят стаканчики и лежит все нужное для кофе и чая. Я использовал его сегодня. Там же я налил кофе, в который было подмешано снотворное.

Она специально подошла туда? Неужели я не заметил, что кто-то добавил снотворное в кофе? Однако, раскрывать такое было бы палкой о двух концах. Будет раскрыт тот факт, что Кёко-сан только что потеряла свои воспоминания. Кто поверит детективу, который забыл все, связанное с расследованием?

Но пока я волновался, Кёко-сан хладнокровно приблизила руки к термопоту и прижала его к груди и заговорила:

— Прежде чем, согласно процедуре, я раскрою имя преступника, думаю, мне следует озвучить местоположение важного предмета — SD-карты. В тот момент, когда я сказала, что ничего не нашла, я врала. На самом деле, я уже знала местоположение SD-карты. Я подтвердила его своими глазами.

Подтвердила его своими глазами?

Это чушь.

Кёко-сан нагло врет.

Даже до того, как она потеряла воспоминания, она не подтвердила стопроцентное местоположение SD-карты. Тем более, своими глазами.

— З-Значит, бэкап-данные в безопасности?

Она не знает. Или просто притворяется. На слова руководителя Эми, Кёко-сан покачала головой.

— Если под безопасностью вы имеете в виду, что они не просочились наружу, то сожалею, нет. Поскольку...

Она опустила взгляд на термопот в руках.

— Данные, которые вы искали, внутри этого термопота — в горячей воде.

— Э!?

— Э!?

— Э!?

— Э!?

В тот момент, когда все воскликнули в удивлении на шокирующее заявление Кёко-сан, раздался пронзительный визг:

— Не двигаться!!!

Этой громкий голос, который чуть не разбил окна в комнате, принадлежал Кёко-сан. Все замерли, услышав от этой маленькой девушки резонирующий и режущий визг, напоминавший сигнализацию.

Боже, истерические крики руководителя Эми, по сравнению с этим, напоминали милое пение птичек.

Голос Кёко-сан, в свою очередь, разорвал атмосферу.

Все застыли, словно кол проглотили.

Более того, мы были почти мертвы. Кёко-сан подняла руку и показала на одного человека.

— Да. Вы — преступник.

Сказала она спокойным голосом и с улыбкой.

Четыре человека, включая меня, перед тем, как Кёко-сан закричала, уставились на термопот в ее руках. И лишь Гифубэ Нагамэ, на которую показывала Кёко-сан, посмотрела на ящик своего стола.

Только один человек смотрел в другую сторону. Я не знал, почему это делало Гифубэ-сан преступницей. Исполнив свой долг, Кёко-сан поставила термопот на место и направилась туда, куда смотрела Гифубэ-сан. Она выдвинула ящик и я, с запозданием, но понял.

Все остальные решили, что карта памяти находится в термопоте по наводке Кёко-сан — естественный вывод.

Если вам скажут, что там что-то есть, вы туда посмотрите инстинктивно.

Но только Гифубэ-сан посмотрела в другую сторону. Только она знала, что в термопоте нету SD-карты. Термопот не имел значения, просто Кёко-сан нужно было показать на неожиданное место, о котором бы никто не подумал.

Это один из примеров ответа на дьявольское доказательство.

Чтобы доказать, что чего-то нет, надо доказать, что это есть где-то еще. И Гифубэ-сан знала, где это "где-то" — не в термопоте.

И это еще не все.

Мы не проверили сохранность данных.

Дело в том, что если бы мы изъяли данные, был шанс, что после пребывания в горячей воде данные не сохранились.

Вот почему.

Она не проверила место, где она спрятала SD-карту, а лишь знала о нем.

— Сначала я не хотела делать запрещенный ход, чтобы поймать преступника, однако, вы сделали его первым, Гифубэ-сан. Сожалею.

Сказала Кёко-сан, начав проверять содержимое ящика; Гифубэ-сан и мускулом не пошевелилась. Ее опущенные плечи стали красноречивым признанием вины.

И правда, за одну секунду.

Точнее, за один крик.

Окитэгами Кёко раскрыла дело.

Я бы сдержал преступника, если бы тот вышел из себя, но похоже, в этом не было необходимости. Остальные трое понемногу въехали в ситуацию, но никто не встал, все еще ошарашенный голосом Кёко-сан.

— Значит, здесь... Я сюда смотрела до того, как потеряла память.

Кёко-сан достала из ящика SD-карту. Но это не была та, что с бэкап-данными исследования руководителя Эми, а личная SD-карта Гифубэ-сан.

Все это подтвердили.

Кстати, я ведь это не объяснил ей.

— Кёко-сан, это не она. Во время обыска мы уже...

Она не обратила внимание.

— Вот оно что. Наверное, она не та. И эта не та. И эта. Эта, наверное, тоже.

Кёко-сан вытаскивала одну за другой карты памяти из ящика. Всеми ими пользовалась Гифубэ-сан, но... Ни одна из них не содержала бэкап-данные. Или какую-то из них мы не проверили?

— Дерево легко спрятать в лесу, верно? Вот только которое...

Спрятать дерево в лесу. Перед потерей памяти Кёко-сан сказала что-то похожее. Она тот же человек, поэтому мышление у нее не изменилось.

Но мы ведь уже опровергли такую гипотезу... Забыл сказать... Нет, погодите! Разве в тот раз она отвергла ее?

— Ч-Ч-что вы имеете в виду?

Наконец-то спросил руководитель Эми. Он попал под удар высокого голоса. Вся враждебность в атмосфере пропала. Я даже рад, что он так затормозился. Разве похоже, чтобы он соревновался в громкости голоса...?

— Так вот.

Кёко-сан поигрывала SD-картами в ладони.

— А что если удалить бэкап-данные, а затем добавить новые файлы, и таким образом все скрыть?

— А...

Сорвалось с губ Юринэ. Она раскрыла рот при такой простое идее. Я почувствовал то же самое, однако...

— Н-Но наверное, даже если данные слили, они уже потеряны, верно? Гифубэ ведь уже получила, что надо? Вся эта травля...

Спросил Хонда-сан, не так детально, как до этого, а просто, чтобы что-то уточнить.

Мы с Кёко-сан обсуждали возможность травли и конфликта (до потери памяти), но пришли к выводу, что вряд ли. Кроме того, даже если данные потеряны, как Кёко-сан сказала, например, в горячей воде, нет смысла проверять сохранность данных. Действия Кёко-сан не сочетаются друг с другом. Что я говорю, ее поведение никогда не отличалось постоянством. Все-таки, ее воспоминания не такие связные.

Проблема в не согласующемся поведении Гифубэ-сан. Она боялась, что данные исчезли, хотя до этого их стерла. Это не то, чего мы ожидали.

Тогда...

— Только что я упростила это для понимания, но реальная процедура должна была быть обратной. Точнее говоря, на SD-карту были добавлены лишние файлы и удалены бэкап-данные.

Кёко-сан сказала это, но я все равно не понял, что это меняет. Порядок изменился, но это не меняет того факта, что бэкап-данных больше нет, разве не так?

— ... Программа по восстановлению файлов?

— Да.

Кёко-сан с улыбкой кивнула на вопрос обессиленного руководителя Эми.

— Сейчас все знают, что если удалить файлы, можно восстановить их с помощью специальной программы. Во всяком случае, я знаю это. Это то самое слепое место. Пустая карта памяти, на первый взгляд, но на ней сохранились следы файлов. И если только не переписать карту полностью, данные не исчезнут.

Поэтому не проще ли добавить лишний файл, чем удалять бэкап-данные? Если один раз переписать их, потому их уже не вернуть, и, судя по всему, содержимое для преступницы важно.

Получается, Гифубэ-сан нашла момент, стянула карту со стола руководителя Эми и встроила в свой компьютер. Затем добавила файл-пустышку и стерла бэкап-данные. После чего она берет ее с собой домой и восстанавливает данные с помощью специальной программы. Так можно без опасений воскресить исследование стереопсиса и отнести в крупную компанию.

Воскрешение.

Возвращение мертвого к жизни... Если бы кто-то умел делать это вот так просто, было бы прекрасно.

Если бы кто-то умел...

— ...Когда вы начали подозревать меня?

Спросила обессиленная Гифубэ-сан у Кёко-сан. Классическая фраза преступников. Однако вместо классического "До этого момента я вас не подозревал", но вместо ответа великий детектив молча улыбнулась.

— Люди видят лишь то, что хотят видеть... Вы об этом?

На это Кёко-сан холодно ответила:

— Это всего лишь удобное выражение. В нем нет смысла. Если вы уяснили на урок, пожалуйста, больше не усыпляйте меня. Это не то же самое, что стереть цифровые данные. Если я потеряю воспоминания, я не смогу их восстановить.

Многие думают, что не стоит говорить о мотиве, когда преступник найден, но я не из их числа. Я знаю, что великие детективы говорят с многозначительным видом: "Если есть загадка, я хочу ее разрешить. Меня не интересуют, почему кого-то убили." Но как человек, которого подозревают без всякой причины, я отказываюсь признавать преступника без всякого мотива.

Гифубэ-сан действительно украла данные, чтобы передать их крупной компании. Похоже, что люди оттуда хотели использовать технологию Эми и как можно скорее найти ей практическое применение, чтобы выиграть среди конкурентов. По словам Гифубэ-сан, она украла данные не ради денег. Она живет со своей матерью, и хотя та не серьезно больна, у той за последние несколько лет ухудшилось зрение в одном глазу. Если потерять зрение в одном глазу, то сразу нарушается перспектива, ощущение расстояния, а также глубины. Это кажется незначительным, но человек не может видеть в 3Д.

Она нанялась на работу в лабораторию, приняла участие в исследовании под руководством Эми-сана. Как и он, она гордилась плодами их трудов. Она хотела, чтобы ее мама смогла видеть.

Однако, она не знала, сколько еще потребуется лет, чтобы технология получила практическое применение, и решила передать данные исследований в более крупную организацию. Но похоже, что она тогда не выбрала в какую.

Такой чистосердечный мотив. Однако, может она совершила это ради денег, или была неизвестная ссора с руководителем Эми... Можно думать много об этом, но я решил поверить в то, что рассказала Гифубэ-сан. Это был мой маленький подарок за то, что она защищала меня, неважно, по какой причине.

Вечно подозреваемый я может только верить. Что ж, какие бы ни были причины, данное дело не будет предано огласке и будет решаться во внутреннем кругу. Разумеется, в лаборатории Эми разразился скандал, Гифубэ-сан стала жертвой дисциплинарного наказания, бюджет был сокращен. По иронии судьбы, из-за действий Гифубэ-сан практическое применение технологии стереоскопии наступит еще позже. Нет, теперь это уже не чужая проблема.

Сокращение бюджета означало, что они не могут нанимать ассистента, поскольку это повысит расходы. И так, я снова оказался без работы. Как было обещано, я должен был отнести оплату от лаборатории Сарасина Кёко-сан, и по крайней мере в этом было хоть какое-то спасение...

— Благодарю за ваш вклад.

Сказала Кёко-сан мне. Эта была ее типичная бизнес-фраза. Для меня это повторное напоминание, что я получил помощь от нее.

Кёко-сан вернулась домой почти в 9 вечера.

Закончив тяжелое задание, она умыла лицо. Кстати, как сказала Гифубэ-сан, она использовала лекарство от простуды в комнате, но добавила его не в стакан, а в термос.

Получается, что все приняли его, но на Кёко-сан, которая не принимала такие лекарства, это возымело усыпляющий эффект. Можно сказать, это наша ошибка, что мы не заметили изменившийся вкус, но в то же время мы не обратили внимание на содержимое термопота. Поэтому Гифубэ-сан в тот момент повернулась в сторону ящика, а не в термопоте, поскольку знала, что карта памяти не в горячей воде. Пусть даже она даже не предвидела прибытие Кёко-сан, можно ли говорить, что она не сделала ничего плохого? Исключая то, что она разбудила гнев Кёко-сан, Гифубэ-сан откопала себе могилу, когда попыталась скрыть свое преступление.

Как и ожидалось, Гифубэ-сан знала о Кёко-сан. Пока я находился под следствием, Хонда-сан услышал от Гифубэ-сан о разных случаях связанных со знаменитостями и Кёко-сан. Она также рассказала другим о забывчивости Кёко-сан, чтобы запутать личность преступника. Маленькая деталь, но это только к лучшему.

— Что ж, Какусидатэ-сан. Я помолюсь, чтобы с вами ничего похожего не случилось, но если что-то понадобится, смело звоните в детективное агентство Окитэгами.

— Да, так и сделаю.

Хотя я это и сказал, я знал, что при следующей встрече я снова услышу "Приятно познакомиться". Я не уверен, что стал бы просить у нее помощи, и позволить ей расследовать дело, в другой раз, когда у меня будут неприятности. Ну уж нет, лучше, если она не будет связываться в неприятности...

Будто заглянув в мой мечущийся разум, Кёко-сан сказала:

— Я с радостью помогу. Я не забуду вас, Какусидатэ-сан.

Я слегка удивился, когда она далеко далеко зашла со своим деловым тоном, но она с простоватым видом показала на свой живот.

— Оказывается, я написала это нестирающимся маркером.

А, вот оно что...

Такое банальное объяснение в тот момент разочаровало меня, но, с другой стороны, тот факт, что надпись "Ему можно верить" с почерком Кёко-сан останется на ее животе несколько дней спустя, был чарующим, будто я умудрился нарушил какое-то строгое правило. В таком смысле, это немного захватывающе.

Возбужденный, я сказал:

— Хорошо. Я обязательно так и сделаю. Я вас не забуду. Когда понадобится, я обращусь к вам. Полагаюсь на вас.

Я достаточно наговорил вежливых фраз.

Услышав это, Кёко-сан расплылась в широкой улыбке.

— Хорошо, пожалуйста, не забывайте.

Она взялась за длинную юбку и изящно поклонилась.

— Я всегда к вашим услугам. Если возможно, то попадайте в невероятные переделки.

(Приятно познакомиться, Кёко-сан – ЗАБВЕНИЕ)

Эпизод второй. Позвольте представить Кёко-сан

– У меня ваш миллион йен. Если хотите их вернуть, приготовьте 100 миллионов йен.

Если бы вы получили такой звонок, вы бы решили, что это розыгрыш, а не угроза. Вне всяких сомнений, подобная сделка бессмысленна. Очевидно, что 100 миллионов йен стоит в сто раз больше миллиона йен, и это не поменяется вне зависимости от любой инфляции или дефляции. Люди по-разному относятся к деньгам. Кто-то смеется из-за потери одной йены, кто-то – плачет, кому-то сто миллионов покажется огромной суммой, кому-то – каплей в море. Но насколько бы безумными не были такие люди, не существует человека, который бы оценил один миллион йен сотней миллионов. Всему есть предел. Какой идиот попросит взамен одного миллиона дать сто?

Однако, «она» не сочла этот звонок за шутку. Вместо этого, она подготовила сто миллионов, как и потребовали. Меня поразило, что существуют люди, которые перебрасываются сотней миллионов йен. И хотя есть люди, который заплатят баснословные суммы за своих похищенных детей, я все равно не мог поверить.

К счастью, ситуация была разрешена, прежде чем случилось что-то плохое. Однако, если бы данная «миллионная сделка» прошла, я бы не смог сдержать своих эмоций.

Несмотря на абсурдность, за телефонной угрозой скрывалось злое намерение, и во всем инциденте таилась злая ирония. Мне даже жутко вспоминать об этом.

Только в этот раз я завидовал Кёко-сан, которая могла услышать что угодно, а потом навсегда забыть и никогда не вспомнить.

Кондо-сан связался со мной как раз, когда я собирался встретиться с ним. Все потому, что после того, как меня выперли из лаборатории Сарасина, мне приходится искать работу, что не просто. Если уж говорить о каком-то утешении, то я получил выходное пособие, которое не соответствовало моему короткому пребыванию, а, скорее, на которое купили мое молчание. На какое-то время этого хватит, но в моем случае это не продлится долго. До тех пор, пока не попаду в очередную неприятность и мне понадобится помощь детектива – вот тогда в моем бумажнике будет совсем пусто. Среди детективов бывают такие крутые парни, которые говорят: «Если загадка интересная, я не возьму с вас плату!» Подобные ветераны довольно часто много о себе мнят, имеют дурной характер, и с ними всегда много мороки. Мне, типичному представителю среднего класса, желающего спокойной жизни, хотелось бы детектива а-ля бизнесмена, который говорит с деньгами, когда предлагает свои дедуктивные способности.

Так что, я планировал поскорее поговорить с Кондо-саном, пока есть время. Будучи компетентным редактором в успешном издательско-продюсерской компании Сакусося уже много лет, Кондо-сан знаком со многими людьми. Он несколько раз предлагал мне разные вакансии, после того, как мы познакомились во время моей подработки в компании. Он тогда был моим боссом. Конечно, как и всегда, в редакторском отделе был небольшой инцидент, и, как обычно, меня сочли подозрительным. И только Кондо-сан пошел против общего мнения и защитил меня:

– Если вы сомневаетесь в Какусидатэ-куне, потому что он самый подозрительный, вы должны так же сомневаться во мне, так как я наименее подозрителен. Если хотите что-то ему высказать, начните с меня, его начальника.

Когда ни у кого не было доказательств и все подозревали меня, Кондо-сан поверил мне. Конечно, дополнительный союзник не избавил меня от подозрений, но по крайней мере он купил мне время, чтобы я смог позвонить детективу. После этого я ушел из компании, но я смог очистить себя от подозрений благодаря тому детективу, а также вставшему на мою сторону Кондо-сану.

Однако, с тех пор он беспокоился за меня, чувствуя вину за то, что мне пришлось покинуть то место работы. Будучи магнитом для неприятностей у меня никогда не было много друзей, и я крайне рад тому, что мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения с Кондо-сан, несмотря на возраст и наши позиции. Чтобы соответствовать его мужественности, я должен стремиться к стабильной и практичной жизни... Но вы уже знаете о том, как бывает с вашим покорным слугой.

Мне немного стыдно, что я не сказал ему о том, как меня уволили из лаборатории Сарасина, но возможно, кто-то ему уже рассказал об этом. Возможно, поэтому он со мной связался. Однако, судя по его тону во время телефонного разговора, не похоже, что он собирался позвать меня расслабиться за чашкой кофе. Кондо-сан назначил встречу в кафе, где я впервые за долгое время увиделся с ним.

Хм, он выглядел немного уставшим. Я знаю, что работа редактором выматывает, но мне он всегда казался энергичным человеком.

– Прости, что так срочно позвал тебя, Якусуке. Можешь посмеяться над жалким человечешкой, который рассчитывает на нашу с тобой дружбу, – рубанул с плеча Кондо-сан.

Он всегда был немного драматичен, что меня всегда успокаивало, но сейчас дело было серьезное. Кондо-сан никогда не полагался на меня. Только что я собирался попросить у него помощи с трудоустройством. А сейчас ситуация перевернулась. Я одновременно и обрадовался, и заволновался.

– Боже, Кондо-сан, вы достойный человек. Вы столько раз выручали меня, и сейчас такой подходящий момент вернуть вам долг. Чтобы вы ни сказали, я помогу всем, чем смогу.

– Спасибо за твои слова, с ними я могу идти домой, не беспокоясь ни о чем. Однако, сейчас у меня серьезная проблема. Если ты не поймешь меня, не страшно. Я хотел бы, чтобы ты поделился со мной своей мудростью, Якусуке.

– Мудростью? Раз уж вы говорите, я поделюсь с вами всем, что имею, но не знаю, как вам это поможет.

– Опыт уже говорит о мудрости. А ты у нас ведь необычный человек, побывал в центре странных инцидентов. У тебя наверняка накопилось много опыта, верно?

– Да. Я немного горжусь этим. Если есть, чем гордиться.

– Нет, сегодня ты должен этим гордиться, как никогда. Почему бы не рассказать о своих приключениях? Не могу говорить об этом конкретно, но... Не знаю, как у других, но иметь за спиной столько случаев, и настолько же странных – это что-то. Я буду рад выслушать все, что ты готов рассказать.

Я согласно кивнул. Хотя я хотел поддержать Кондо-сана от всей души, я не был уверен, что это возможно и что у меня хватит сил. Но будь я уверен в возможности, я бы сделал это.

– Может, ты знаешь, что я сейчас связан с редакцией журнала манги.

– Да, я слышал об этом. Помню, как вы мне рассказывали.

Сказать «связан» было бы скромностью, точнее будет «возглавляет». Он главный редактор одного из самых печатаемых журналов манги в Японии. Я особо не читаю мангу, но я представляю, как здорово занять такую позицию, когда ты еще не разменял четвертый десяток.

– Вот только, Кондо-сан, если только это кто-то из авторов не успевает сдать манускрипт к дэдлайн, я не знаю, чем я могу вам помочь. К сожалению, даже у меня нет столько времени. Помочь кому-то с летней домашней работой... Это не то же самое, что ложное обвинение.

– Я не говорил про такого рода проблемы, но эта - как раз в сфере наших обязанностей. Якусуке, ты слышал о мангаке по имени Сатой Арицугу?

– Сатой Арицугу? Возможно, слышал.

Я не мог сказать наверняка. Кондо-сан догадался по моему ответу и начал объяснять.

– Это лицо нашего журнала, так сказать, фаворит. Издается у нас, и сейчас это один из немногих авторов во всей индустрии, которые продали миллион копий своих работ.

– Вот как? Я что-то слышал о «миллионных продажах».

– Конечно, мы бы не стали печатать «не совсем миллионные продажи». Раз ты слышал, значит эта реклама помогла выделиться манге.

– Хм, понятно. Подобное привлекает внимание, согласен. Тогда, может я вспомню, если услышу название работы.

Кондо-сан сказал мне название работы Сатой-сэнсэя, но я все равно ничего не вспомнил. Я совсем оторвался от мира. Интересно, это мешает мне пройти интервью для приема на работу?

– Главное, чтобы ты понял: этот сэнсэй – сокровище в мире бизнеса. Кроме того, он даже младше тебя – двадцать с хвостиком.

– Ха... Здорово, если он так молод и уже сокровище. Получается, он – гений.

– Каждый мангака – гений, – сказал Кондо-сан непосредственно, – Это люди, которые осуществили свою детскую мечту. Нет никого, кто стал бы мангакой от безысходности... Ими становятся те, кто хочет стать. Когда я приносил свою пробную работу в издательство, я даже не думал, что хочу стать редактором.

– Ваша правда... Довольно необычный выбор профессии.

Это не безоговорочная истина, но у любого человека крайне низкие шансы получить работу из списка десяти работ, о которых мечтают младшеклассники. Со мной и то хлеще, я даже на нелюбимых профессиях не могу долго продержаться.

– Тем более, они чудаковатые люди, ведь им не известно каково это - не проигрывать. Они не получают достаточно вознаграждения после осуществления своей мечты. И поправлять их мировоззрение – наша работа как редакторов. Сегодня я хотел бы проконсультироваться по этому вопросу. Дело в том, что Сатой-сэнсэй стал жертвой вора.

– Вора? Его обокрали?

– Я не хотел бы, чтобы это повредило нашей дружбе, но... Якусуке, пожалуйста, сохраните это в тайне. Профессия мангаки сильно зависит от общественного мнения, и мне хотелось бы избежать скандала.

– Конечно, я понимаю. Новость про популярного мангаку, которого обокрали, стала бы горячей темой для обсуждения.

Таково общество, и автор не хотел бы провоцировать его в обсуждение чего-то, кроме своей работы.

– Так что украли? Готовый манускрипт, тетрадь с идеями...?

Я начал сравнивать это с теми случаями, в водовороте которых я побывал, но он сказал:

– Нет, у него украли деньги.

Такой ответ немного разочаровал. Проявляя любопытство, я ожидал какого-то необычайно скандального случая, над которым предстояло бы поломать голову, но раз украли деньги, то здесь нет ничего необычного. Мне нечего здесь комментировать.

– В общем, история такова... У Сатой-сэнсэя украли миллион йен.

– Миллион йен, хмм.

Конечно, это допустимая сумма, но когда я услышал цифру, я чуть не сошел с ума от удивления, и потому лишь кивнул. Затем, я последовал с вопросом.

– Это ведь не сам миллион йен, а что эквивалентное ему? Я не думаю, что кто-то стал бы держать такую сумму дома.

– Это было не дома. Пачки денег на эту сумму украли из холодильника на рабочем месте, где их прятали.

– Холодильник... Спрятали в самом очевидном месте.

Мне казалось очевидным, что люди прячут ценные вещи в холодильнике. Это было бы первым местом, куда посмотрел бы вор. Ясно, что мангаки не обладают простой хитростью. Было бы лучше спрятать деньги в ячейке банка или просто уж в шкафу, где сложнее искать. Но прежде чем говорить о чужих ошибках, следует понимать, что я вряд ли был бы лучше в обращении с миллионом йен.

– Вот видишь? Я столько раз твердил об этом... Ничего другого не украли, но я бы тебя не побеспокоил только из-за этого, Якусуке.

– Значит, у истории есть продолжение.

– Не просто продолжение, а завязка. Сказать по правде, для Сатой-сэнсэя миллион йен – практически небольшая ошибка в расчете прибыли. Если бы это была обычная кража, я бы не пошел к полиции. Нужно много времени, чтобы изучить место преступления, а чем больше студия не используется, тем больше мы теряем деньги.

– ...Вы говорите о том, как мангаки много зарабатывают?

– Разговор не о прибыли. Если бы.

– Тогда что-то другое?

– Неважно, прибылен ли он или нет. До того, как он заметил кражу, Сатой-сэнсэй получил звонок прямо на номер мобильного. Содержание было таково: «У меня ваш миллион йен. Если хотите его вернуть, приготовьте сто миллионов йен».

На секунду мне показалось, что я ослышался. Или что я пропустил какую-то важную часть мимо ушей.

– Простите, Кондо-сан, вы не могли бы это повторить? Мне кажется, я услышал «У меня ваш миллион йен. Если хотите его вернуть, приготовьте сто миллионов йен».

– Нет нужды повторять, я все уже сказал. Человек по телефону, что украл миллион йен требует от Сатой-сэнсэя сто миллионов взамен. Можно назвать это не кражей, а похищением с выкупом. Ну разве не странно все это?

Странно. Я даже не знал, что сказать, что перебило бы «странно». Естественно, непонятно было почему именно такая огромная сумма, но если менять это, то это как менять монету в 100 йен на купюру в 10.000 йен, не так ли? Кто додумался провести подобный обмен?

– Вот так. Миллион йен пропал с рабочего места, мы получили загадочную угрозу по телефону, у нас есть свидетельства чьего-то проникновения. Ситуация плачевная. Разумеется, мы предполагаем, что звонивший и вор – один и тот же человек...

Будучи более-менее в позиции консультанта, хотелось поговорить о некоторых возможностях. Поиграю в детектива. Вариант, что это знакомый с дурным вкусом, который решил подшутить, не отменяется, так? Но такая возможность становится сомнительной, если Сатой-сэнсэй вправду не заметил кражи до того, как ему позвонили.

– Я знаю, что вам не понравится, если студия будет пустовать, Кондо-сан, но мне кажется будет лучше, если вы вызовете полицию. Это может быть какой-то обезумевший фанат... Я могу представить вас компетентным офицером.

Пройдя через море подозрений, я умудрился познакомиться со многими людьми в этой сфере. Большинство из них относились ко мне, как к подозреваемому, и мы не то, чтобы с ними на дружеской ноге, но тем не менее... Хотя вряд ли бы они выслушали эту историю.

– Благодарю за предложение, Якусукэ, но я не могу этого сделать. Потому что эти телефонные угрозы продолжались. «Переведите сто миллионов на банковский счет, который я назвал. После того, как я подтверждаю перевод, я пришлю вам миллион йен по почте». Затем, «Если вы свяжетесь с полицией, вы вряд ли получите миллион йен назад».

– ...? Звучит как типичный похититель... Неужели вы не доверитесь полиции?

– Верно. Разве не очевидно, Якусукэ?

– Будьте благоразумны, Кондо-сан. Вы уже будто поддались на удочку этого безумного преступника. Неужто вы собираетесь обсуждать выплату ста миллионов йен за один миллион?

– Не я, а Сатой-сэнсэй. Я бы ни за что не стал, – сказал Кондо-сан с жестким выражением лица. То, как он это сказал – похоже, что он не собирался платить ни йены.

– Разумеется, я пытался образумить его, но Сатой-сэнсэй упрямый как баран. Ты не слышал, как он говорил, что обязательно заплатит сто и даже двести миллионов, что любым способом вернет украденный миллион йен. К счастью, звонок был поздно вечером, и банк был уже закрыт. Иначе сэнсэй пустился бы туда на всех парах, чтобы заплатить.

– Хм... Напоминает жертву телефонного мошенничества.

Невероятное превращение, но это не смахивало на шутку. Это не свалить на «отгороженный» образ жизни мангаки. То – просто эксцентричность.

– Сегодня суббота, так что до понедельника деньги из банка не взять, но, когда наступит этот день, я не смогу остановить сэнсэя. Он собирается остановить кого бы там ни было, переведя 100 миллионов на обозначенный счет.

– Это скорее всего подставной счет... Мой вопрос может показаться невежливым, Кондо-сан, но скажите: 100 миллионов – большая ли сумма для популярного мангаки?

– Такую сумму мангака зарабатывает не только на миллионе копий... Для Сатой-сэнсэй это огромная медиафраншиза. Ему на счет капают крупные деньги отсюда и оттуда. И хотя люди думают, что сто миллионов – это мелкая сумма, поверь – в нашем мире это не так. И Сатой-сэнсэй хочет вернуть украденный миллион, даже если ему придется заплатить. Я уверен, что на то есть причины...

Причины. Причины, из-за которых он готов расстаться с сотней миллионов йен ради одного... Будь это драгоценный камень или картина, я бы еще понял, ведь в расчет берется их редкость. Владелец бы заплатил за них больше, чем они того стоят. Рыночная цена не всегда равнозначна цене, которую платит владелец. Есть же люди, которые платят сто миллионов за кольцо в один миллион. Такое кольцо, скорее всего, можно было бы продать по цене выше 200 миллионов йен, ведь они служат напоминанием о родителях или от супруга – такие щепетильные случаи можно себе представить.

Однако, миллион йен – это миллион йен, как ни посмотри... Неважно, у кого какая система ценностей и в какой культуре они обитают, сто миллионов – это сто миллионов. Это не экономическая проблема, это простая арифметика.

– Вам это рассказал сам человек? Сатой-сэнсэй, верно?

– Да, только он говорил мутно и ничего не объяснил. Он как бы объяснил причину, но постоянно менял слова, и я совсем ничего не понял. Он сказал, что, когда вы загнаны в угол, и вам сказали, что ваши заработанные деньги кто-то безрассудно тратит, вы бы не стали слушать. И, приняв вид оскорбленной жертвы, сэнсэй начал плакать.

– П-Плакать?

Я подумал, что это не ребенок, ведь лицо Кондо-сана оставалось серьезным. Возможно, было бы не преувеличением сказать, что гений, который исполнил мечту без всяких усилий, все еще в какой-то степени ребенок.

– Поэтому, чтобы разобраться с этой проблемой, я решил выслушать тебя, Якусуке. Тебе что-нибудь говорит схема обмена сто миллионов на один миллион йен? Среди вороха инцидентов, в которых ты был, тебе встречался подобный случай?

Я весьма обязан Кондо-сану, на которого я много полагался, однако мне пришлось разочаровать его. Я ответил, что, несмотря на весь мой прошлый опыт, я ни разу не был обвинен в таком нелепом преступлении, как похищение миллиона йен в обмен на сто миллионов.

– Вот как? ... Что ж, похоже, что это личное дело Сатой-сэнсэя. Только сэнсэй знает, что происходит. Я не могу заглянуть в голову гения. Прости, Якусуке, что пришел к тебе с такой странной просьбой.

– Вам не за что извиняться, Кондо-сан. Это мне жаль... Но о ситуации с Сато-сэнсэем знает, как минимум, один человек, так?

– ? А кто этот человек, Якусуке? Я понятия не имею.

– Ну так, похититель, который послал угрозу... Очевидно, что преступник знал о ситуации с Сатой-сэнсэем. Он пробрался на место его работы, выкрал миллион йен, а затем потребовал соответствующую компенсацию, не так ли?

Если взглянуть на это с другой стороны, можно сузить число подозреваемых... Но не похоже, что Сатой-сэнсэй этого хочет. Он настойчиво желает, чтобы к нему вернулся миллион йен. Невероятно то, что он готов платить сто, даже двести миллионов, лишь бы их вернуть.

– Нет, Сатой-сэнсэй согласился на то, что редакторский отдел заплатит 100-200 миллионов из собственного бюджета, без проблем. Таким образом, и наш отдел, и вся индустрия пострадают от задержки работы сэнсэя. Мы можем включить это в необходимые расходы.

Сто миллионов йен в необходимые расходы включить – это еще тот номер. Завидуешь, что гении получают такую несправедливую роскошь. Что ж, преступнику не стоит ожидать чека. Подобную сделку включить в графу «необходимые расходы» будет трудновато, однако в случае Кондо-сана это реально. Он способен на многие «невозможные» дела.

– Но, Кондо-сан, есть гарантия, что миллион йен не вернется.

– Есть. «Я заплатил сто миллионов, и миллион пока еще не вернулся». Это предположение, но думаю, что это – самый вероятный ход событий.

– Именно... Вы пострадаете в двойном объеме. У преступника нет причин присылать деньги обратно, как он обещал. Я не думаю, что такой честный человек вообще стал бы совершать преступление. Более того, в худшем случае, могут поступить новые требования. Например, прислать еще сто миллионов йен. Он может так вечно вас шантажировать...

– Конечно, заработанные деньги принадлежат Сатой-сэнсэю. И редактору не понравится, что карманные деньги детей, которые читают мангу, попадут в карман преступника.

– Кондо-сан.

– Что такое, Якусуке? У тебя на лице словно озарение. Неужели ты что-то вспомнил? Случай, похожий на сделку с одним и сотней миллионов йен?

– Нет, как бы я не вспоминал, я не могу вспомнить такой случай. Однако, я вспомнил, точнее, меня осенило. Возможно, я все-таки смогу протянуть вам руку помощи.

– Мне помог тот факт, что ты выслушал мою историю, Якусуке. Я уже все перепробовал, что еще ты мог бы предложить этому жалкому человечешке?

– Если уж вы жалкий, то мне пора совершить сеппуку, но не будем об этом. Тот грязный преступник сказал вам только не связываться с полицией, верно? В таком случае, Кондо-сан ...

И я сказал:

– Позвольте мне позвонить детективу.

Честно говоря, к изумлению читателей, после консультации с Кондо-саном я не хотел звонить Кёко-сан. Это не потому что случай был странный, но в первую очередь потому, что не хотел, чтобы ее клиентом был сам Кондо-сан. Мы оба – мужчины, однако Кондо-сан подавал себя с элегантностью дэнди. Подобная утонченность была мне по вкусу, и более того, он не был тем, кто совершает ошибки.

На фоне бледного парня вроде меня он так сверкает, что хочется отвернуться. И его внешность, и его поведение говорят: «Отличный парень». Если бы даже случай не был связан с деньгами, он бы все равно от всего сердца хотел помочь этому мангаке. Можете считать меня мелочным, но я не могу отрицать, что я очень не хотел знакомить такого прекрасного парня с Кёко-сан. Но если подумать, я зря волновался, это переходящее чувство. Потому что со сколькими привлекательными партнерами Кёко-сан бы не познакомилась, на следующее утро она их всех забудет. Связано ли это с работой или нет, все ее воспоминания стираются, и каждый день она как чистый лист.

Для Кёко-сан существует лишь один день.

Прекрасное рандеву, судьбоносная встреча или чудесное совпадение – в общем, завтра полностью пропадает. Сколько бы раз я не встречался с Кёко-сан, она ни разу меня не вспомнила. Какое бы впечатление я ей о себе не оставил, на следующий день она забывает. И в этот раз она опять меня не вспомнит.

Как еще это назвать, если не зависть?

В свете того, что нужно не закончить все походом в банк в понедельник и избежать скандала, я не мог не назначить на это дело из известных детективов Кёко-сан – «молниеносного детектива».

Это значит, что до второй половины воскресенья, я буду в студии у мангаки Сатои Арицугу. Разумеется, Кондо-сан тоже будет там, зато я впервые увижу мангаку, и что удивительнее, Сатой-сэнсэй – женщина. Похоже, что женщины, рисующие сёнэн-мангу, берут в качестве псевдонима мужские имена. Много ли людей, которые косо смотрят на женщину-автора?

– Люди даже более косо смотрят на мужчин, которые рисуют сёдзё-мангу. Публике мы пишем, что автор – мужчина, и храним секрет. Думаю, нет нужды говорить об этом детективу.

– Да. Все-таки, она «забывчивый детектив».

После этих слов я поздоровался с Сатой-сэнсэй. Для того, кто ожидал мужчину, моему взору предстала очень маленькая и милая женщина. Точнее сказать, девочка. Заурядная майка, свисающая на хлопковую юбку – непонятно, рабочий или повседневный это наряд. Я узнал, что ей двадцать лет, но по мне она могла бы сойти за школьницу. Она не похожа на того, у кого есть сто миллионов йен.

В свою очередь, эта девушка явно не видит во мне человека, которому можно довериться. Она ответила на мое приветствие, но я сразу почувствовал знакомый хмурый взгляд, полный

подозрений. Я хотел что-то сказать, но она не прекратила пялиться на меня. Чтобы отвлечь ее от бурения меня глазами, я вбросил комплимент:

– У-У вас прекрасная студия. Если позволите, когда я слышу «студия мангаки», мне представляются разбросанные повсюду картинки.

Вообще, даже без комплимента, помещение было отличным. Сатой-сэнсэй обустроила студию в одной комнате квартиры, но высококлассные компьютеры, стоящие в ряд, придавали ей аспект крупной IT-компания.

Все говорят, что для того, чтобы начать карьеру мангаки нужны всего лишь бумага и чернила, но если сейчас нужно такое оборудование для сериализации, то на бумаге и чернилах уже далеко не уедешь. Только в долгах быстрее утонешь. Как об этом говорит Кондо-сан, «Ты не можешь не заработать».

– Сатой-сэнсэй присылает работы по компьютеру. Для меня так тоже удобнее. Где ваши ассистенты сегодня?

– Они взяли выходной. Я сегодня не пишу манускрипт, – кратко и тихо ответила Сатой-сэнсэй.

Сказать такое главному редактору Кондо-сану, значит, не обойтись без вспышки. Но тот, сохраняя достоинство, лишь сказал: «Хорошо, в таком случае поторопитесь». Отношения между редакторами и мангаками различаются, и Кондо-сан и Сато-сэнсэй своим разговором напоминали спокойного отца и подростковую дочку.

Подростковая дочка громко заговорила:

– Я уже сказала... Завтра утром я пойду в банк. Я даже просила вас пойти со мной... Все-таки, это важно.

– Не волнуйтесь. Какусидатэ-кун, который раньше работал на меня, самый надежный человек. Можно не волноваться об утечке информации.

– Ха... Но это не известный детектив из какой-то манги.

Великие детективы оскорбились бы от таких слов, но в этот момент появилась Кёко-сан. Я думал этот адрес найти сложно, но она явилась точно по расписанию. Прелестное, однотонное платье подчеркивало ее силуэт, ее талию обтягивал тонкий ремень. Еще на ней был красный шарф. Я совсем недавно узнал, почему она почти не показывала свою кожу. Интересно, она сегодня опять написала где-то на теле карту сюда и время встречи?

Кондо-сан и Сатой-сэнсэй оба были сбиты с толку несоответствующими возрасту белыми волосами. Это постоянно случается, но блин, я же вчера сказал Кондо-сану о Кёко-сан и ее волосах. Ну ладно, одно дело – услышать, а другое – увидеть.

– Приятно познакомиться. Я глава детективного агентства Окитэгами, Окитэгами Кёко, – она глубоко поклонилась, как будто делала зарядку.

– А... очень приятно. Кондо Фумифуса, работаю в издательско-продюсерской компании.

Второпях, Кондо-сан протянул свою визитку. Обычно организованный Кондо-сан не позволил бы себе такой прогалок, а вот сейчас он кажется немного безалаберным. Даже если из-за белых волос Кёко-сан, не стоит быть настолько удивленным при первой встрече.

– Сатой Арицугу. Рассчитываю на вас.

У нее не было визитки, и вместо этого скромно поприветствовала детектива взглядом и кивком головы. Сейчас она вела себя гораздо сдержанно. Сатой-сэнсэй, что бы она ни говорила, был интересен детектив. На лице этой девушки, которая не имеет много контакта с повседневной жизни, проявилось любопытство. Как и в случае со мной, внешность обманчива. Посреди этого странного стечения обстоятельств у этой мангаки сохранилась любознательность.

Закончив приветствиями с двумя людьми, она увидела меня. Я не понял сразу, почему она на меня посмотрела, но потом догадался. Кёко-сан ждала, как я представлюсь ей. Точно, как и с Кондо-саном и Сатой-сэнсэем, это была ее первая встреча со мной. Сколько раз это уже было?

– Я-Я звонил вам сегодня утром. Какусидатэ Якусуке. До этого вы несколько раз помогали мне...

– Хм, вот оно что, – безразлично сказала Кёко-сан. «Несколько раз помогали мне» не помогло всколыхнуть ее память. Естественно, на эти слова Кёко-сан лишь могла натянуть улыбку в ответ.

Я столько раз был по ошибке обвинен, что уже не помню, и сколько бы раз я не выказывал благодарность, мне оставалось лишь быть сконфуженным.

– Итак, время ограничено, поэтому приступим к работе. Пожалуйста, расскажите мне о вашем случае в деталях.

Не показав никаких сильных эмоций на повторной встрече со мной после инцидента в лаборатории Сарасина, Кёко-сан немедленно приступила к работе детектива. Грустно, конечно, но я сказал себе, что нужно смириться.

Зато в этот раз на меня не повесили ярлык подозреваемого, поэтому я был довольно спокоен в присутствии Кёко-сан и вполне доволен. Может, даже слишком доволен... Я себя-то знаю.

– Извините...

Все расселись, и Сатой-сэнсэй нервно начала говорить:

– Кондо-сан может все рассказать, но... В общем, детектив. Мне все равно, если преступника не найдут. Мне... Мне только нужно вернуть украденное...

Говоря об известных писателях, существует предубеждение, что они эгоистичные деспоты. Однако я понимал, что Сатой-сэнсэй волновалась из-за непонятных угроз, но такая ее

вежливость перед Кёко-сан говорила о большей общительности, чем у меня. Похоже, что до этого меня как бы игнорировали из-за моей нравственности.

– Все хорошо. Я не пойду против желаний моего клиента. Если вы хотите вернуть потерянную вещь, то я верну ее до конца дня.

Разумеется, Кёко-сан была разумной, и к этим самоуверенным словам добавила:

– И завтра я все забуду.

Хотя суть инцидента необычна, сама история проста, и разговор быстро завершился. Пока Кондо-сан повторял историю рассказанную мне, Кёко-сан ни разу не прерывала его, только периодически были слышны вздохи согласия. Я надеялся, что Сатой-сэнсэй объяснит подробности, но та сидела молча, пока Кондо-сан говорил. Время пролетело незаметно. Я не знал, как выдержать напряженное молчание Кёко-сан. К сожалению, она из тех людей, которые работают в своем темпе.

– Понятно. Я уловила общую суть.

Кёко-сан не проявила особого удивления, услышав про экстравагантное требование отдать сто миллионов йен в обмен на миллион йен, лишь улыбнулась. До этого я немного объяснил ей про звонок, и ее поведение сейчас было объяснимо.

– Сатой-сан.

Кёко-сан обратилась к хранившей молчание Сатой-сэнсё. Та настороженно спросила:

– Что такое?

– Получив работу от Какусидатэ-сана, я прочла 12 опубликованных томов манги. Они были очень интересные. Нельзя не упомянуть, как сложно было перевернуть страницу без слез на сцене смерти Альберда. На фоне такой трогательной сцены разворачивалась таинственная история, и, пока я читала, по моей спине бежали мурашки.

– А... Я-Ясно. Вот оно как. Спасибо... Это честь, слышать такое от детектива.

Сатой-сэнсэй была смущена. Сколько бы ты не натягивал маску, нельзя так долго сохранять спокойствие рядом с читателем. Разумеется, я думаю, ради этого Кёко-сан и прочитала всю мангу, но только она, глава детективного агентства Окитэгами, могла в то же утро, когда я попросил ее принять дело, сделать это, несмотря на лимит времени. То, что она прочла все 12 томов за такой срок показывает нещадное чувство профессионализма. А ведь я, вовлеченный в это дело со вчерашнего дня, так и не притронулся к работе Сатой-сэнсэя.

– В современной сёнэн-манге запутанные сеттинги и намеки. Следовать за историей становится сложно. В это есть свой шарм, но все-таки тяжело читать. Со всем этим, не сочтите за грубость, но в таких сложных историях легко запутаться.

– В-Все-таки я – автор... Если я ошибусь, история не склеится.

Сатой-сэнсэй была очень смущена. Пока я размышлял какую эпоху сёнэн-манги Кёко-сан имеет в виду, та с дружелюбной улыбкой обратилась к сэнсё.

– Раз я скоро все забуду, у вас есть записи с идеями и сеттингами?

– Е-Есть... Только я не могу их вам показать.

Сатой-сэнсэй отказала в просьбе наклонившейся в ожидании Кёко-сан. Несмотря на вежливость, та перешла чужие границы. Ради возможности узнать, почему та собирается заплатить сто миллионов йен за один миллион, Кёко-сан попыталась расслабить мангаку...

– Ахаха... Я не ожидала, что вы согласитесь на мою невежливую просьбу. Кстати, раз никто больше не пришел сюда из редакторского отдела, я так понимаю, Кондо-сан ответственен за вашу работу, верно?

– Все так. Еще с моего дебюта. Я думала, что меня передадут молодому редактору... Но так как я важный автор, он не мог передать меня подчиненному.

По-моему, ничего необычного, что сам главный редактор работает с автором, ведь это, можно сказать, особый случай для издательства. Если ты любимчик, то к другим авторам не проявят снисхождения. Когда Кёко-сан пришла впервые в студию, она явно хотела поздороваться со мной, думая, что я – ответственный редактор за Сатой-сэнсэй... Хотя сейчас это не имеет никакого отношения к инциденту.

– Понятно, понятно. Ладно...

Закончив с болтовней (?), Кёко-сан продолжила:

– Позвольте мне прояснить ситуацию. Как обещано, я собираюсь раскрыть дело всеми силами, но что именно я должна сделать, чтобы вы остались довольны?

Понятно почему она с этого начала, ведь это до сих пор было неясно. Проблема с Кондо-саном и Сатой-сэнсэем. Если Кёко-сан сейчас не прояснит это, она не сможет серьезно подойти к делу. Сатой-сэнсэй хочет любой ценой вернуть миллион йен, даже если нужно заплатить 200 миллионов, по известным только ей причинам. Кондо-сан хотел бы узнать мотив преступника и, если возможно, предать закону преступника, угрожающего популярному автору.

– Детектив. Как я сказала, я готова заплатить деньги, чтобы вернуть миллион йен. Мне все равно, кто преступник, – ожидаемо ответила Сатой-сэнсэй.

– Разумеется, без помощи полиции установить преступника будет проблематично. Я видела, как в здание входят и выходят много людей, но эта квартира не особенно охраняется.

Слушая Кондо-сана, Кёко-сан, наверное, уже подтвердила его слова. Нет, готов поспорить, она уже проверила и зону вокруг квартирного комплекса. Она ничего не упускает, ее способность работать крайне быстро ужасает.

– Но если вы заплатите сто миллионов, вам необязательно вернут миллион. Преступник может заупрямиться и захотеть больше. Кондо-сан переживает из-за этого, не так ли, Сатой-сан?

– ... Что было, то было, детектив. Я боялась спровоцировать преступника к трате этого миллиона йен... Я и сейчас боюсь. Он говорил не звать полицию, а то что я позвала частного детектива – так это всего лишь игра слов.

– Может и так. И еще, вы узнали голос, который угрожал вам по телефону?

Сатой-сэнсэй высказала свое недовольство, что мы с Кондо-саном сами решили вызвать детектива, и нам было неловко, но перед Кёко-сан, без всякого волнения, она поменялась в речи. Словно растеряв всю злобную прыть, Сатой-сэнсэй ответила на вопрос:

– Нет, когда я услышала его, я не узнала голос. Номер был не определен... Я не знаю, кто преступник.

– Вы можете сказать, когда именно вы приняли звонок?

– Эм, в пятницу, поздно вечером...

– Простите, если возможно, покажите историю ваших звонков. Мы не можем полагаться на память.

– .....

Сатой-сэнсэй оскорбилась, что в ее памяти сомневаются, но как спорить об этом с детективом, чья память каждый день стирается, поэтому она обиженно достала телефон и протянула его Кёко-сан. Смартфон был новейшей модели, и я забеспокоился, что Кёко-сан, которая о них ничего не знает, не сможет разобраться, но я недооценил ее возможность адаптироваться, когда та начала водить по экрану. Еще возможно, что в ее жизни был момент, когда она пользовалась современным мобильником.

Похоже, на телефоне не стоял пароль, и Кёко-сан быстро дошла до истории звонков. В основном в списке числился «Кондо-сан», но был один неопределенный номер, в 18:15, в пятницу. Кёко-сан, будто убедившись в чем-то, улыбнулась.

– ... Ч-Что-то не так?

– Извините. Сейчас не время улыбаться.

Кёко-сан вернула телефон хозяйке. Затем, сказала:

– Итак, ваша просьба – вернуть миллион йен любой ценой, верно? И вы готовы потратить на это в районе ста миллионов.

– Пусть даже миллиард йен, мне все равно.

Сатой-сэнсэй говорила безумные вещи. Кондо-сан не остался равнодушным, и повысив голос, осадил ее:

– Не говори глупостей!

Хотя Сатой-сэнсэй опустила голову, она бросила на него непокорный взгляд. Они действительно как отец и дочка. Сатой-сэнсэй вела себя весьма инфантильно, хотя этой «дочке» уже есть двадцать лет...

Кондо-сан повернулся к Кёко-сан:

– Редакторский отдел осуществит оплату ваших услуг. Решите это дело, и мы заплатим любую сумму... Разумеется, наша компания – лишь один бизнес, и мы хотели бы придерживаться рамок разумного в плане оплаты.

– Не волнуйтесь. Вы упомянули сто миллионов, и я не стала бы и думать о том, чтобы увеличивать ваши потери. Однако, необходимые расходы и плата за мои услуги детектива будут отдельными... Так или иначе, не могли бы поговорить об этом в другом месте?

– ?

Кондо-сан склонил голову. Я тоже был удивлен. Одно дело обсудить компенсацию и оплату, но зачем менять место для разговора? Так я подумал, но, возможно, Кёко-сан хотела бы не обсуждать денежные вопросы перед Сатой-сэнсэй, так как платить будет издательство. Что ж, одно дело, когда она тратит заработанные деньги сама, но было бы слишком безответственно перекладывать на ее плечи деньги издательства, более того, необязательно полученные с ее манги.

– Я вас понял, Окитэгами-сан. Раз так... Пойдем, Якусуке.

Кондо-сан подогнал меня, и я встал со стула. Хотя я был здесь все это время, я был аутсайдером и не подозреваемым, и кроме того, чтобы представить Кёко-сан, мне не было нужды здесь находиться...

Но правда ли мне надо идти с ними? Вообще, это один из редких шансов встретиться с Кёко-сан, когда я не вовлечен в преступление, и я все-таки решил задержаться. Я воспользовался предложением Кондо-сана. Возможно, он заметил, как я чувствую, и поэтому позвал меня с собой.

– По...Погодите, детектив.

Сатой-сэнсэй быстренько задержала Кёко-сан в студии. Что могло заставить эту девушку остановить Кёко-сан, что подобно акту богохульства?

– В...Вы не станете меня спрашивать? Почему я готова заплатить любую абсурдную сумму, чтобы вернуть мой миллион йен?

– Э? Нет, не стану, – быстро ответила Кёко-сан, остановившись.

Еще бы, у Кёко-сан лишь один день в жизни, и любая минута и секунда для нее ценны. Тратить их на бесполезные вопросы было бы преступлением, уж простите. Так я подумал, но причина, по которой Кёко-сан дала такой ответ на вопрос Сатой-сэнсэя, была совсем другая.

– Потому что я ясно вижу вашу причину. Кто бы что ни говорил, я думаю, этот миллион йен для вас стоит больше, чем сто миллионов йен. Поэтому не сомневайтесь и положитесь на детектива.

Пока что, мы с Кондо-сан испытывали облегчение, узнав, что Сатой-сэнсэй понимает, как абсурдно переводить 100 миллион йен за 1 миллион. И, не могу не признаться, я был удивлен, когда Кёко-сан сказала противоположное. Тем не менее, я не мог узнать намерение этого высказывания, поскольку мы покинули место работы мангаки, и направились в конференц-комнату в здании издательско-продюсерской компании, располагавшемся у реки. Было воскресенье, но внутри раздавался шум сотрудников. Может, это место и не подходило для раскрытия тайн, но вокруг никого не было, так что мы могли свободно разговаривать.

– Кондо-сан, вы часто так себя ведете? Ругаете Сатой-сан? – спросила Кёко-сан, только сев на стул.

Кондо-сан слегка удивился, но затем извинился:

– Нет, и мне стыдно за такое неблагородное поведение. После ее дебюта я в какой-то степени... загордился. Честно говоря, нельзя все время относиться к ней, как к новичку.

– Я заметила, что вы рассердились на то, что Сатой-сан прятала деньги в холодильнике.

– М? А, ну... Я про ее беспечность... Как не сделать ей выговор за такую безответственность? А почему вы спрашиваете?

– Ничего, просто кое-что проверяла.

После этого Кёко-сан ничего не говорила, а лишь попивала кофе. Она хочет сказать, что будет проводить конкретные рассуждения после разговора об оплате? Вполне разумно, так что Кондо-сан перешел к делу:

– Итак, Окитэгами-сан. По поводу оплаты вашей работы... Разумеется, мы нуждаемся в вашей консультации в таком странном деле. Я слышал о вашей репутации от Какусидатэ-куна и я думаю добавить дополнительную плату. Однако, как я уже сказал, если она слишком сильно отходит от нормальной суммы...

– Что? Да что вы, я упомянула об оплате только чтобы уйти оттуда. И я все равно буду рада получить стандартную сумму. Если говорить честно, я сейчас спорю со своей совестью по поводу того, брать ли деньги за такое обыкновенное и понятное дело.

Кёко-сан прервала разглагольствования Кондо-сана. Я был в шоке. Если она не шутит и всерьез называет этот странный инцидент «обыкновенным и понятным», я бы хотел, чтобы она вернула мне все деньги, что я заплатил ей за раскрытие многочисленных дел. Она сию минуту отказалась:

– Я ничего не помню, поэтому деньги я не верну.

Она весьма меркантильна, чего не скажешь по ее несерьезному поведению. Но чтобы она сомневалась, брать ли ей оплату или нет – что, черт возьми, скрывается за этим делом?

– Р-Раз вы так говорите, компания заплатит стандартную сумму... В таком случае, уж простите меня, но могу ли я услышать почему Сатой-сэнсэй хочет вернуть свои сто миллионов йен?

Кондо-сан не собирается тратить время. Лично я хотел бы узнать, зачем Кёко-сан понадобилось уйти из студии мангаки под пустым предлогом. Эта такая плохая причина, что нам нельзя говорить в присутствии Сатой-сэнсэя?

– Да, Сатой-сан сказала, что ничего страшного, если я не раскрою преступника. Но даже если попробовать перевести сто миллионов йен, нет гарантии, что ей вернут миллион йен. Поэтому наш лучший вариант – опознать преступника, не так ли?

– Может и так... Но, Окитэгами-сан, вы сами сказали, что установить личность преступника представляется сложным, если только мы не вызовем полицию. Или вы что-то придумали?

– Возможно, в тот момент я действительно думала, что найти преступника будет сложно... Но сейчас у меня есть кое-что на уме. Я не хотела, чтобы Сатой-сан слышала об этом, и я решила сменить место.

До того, как я спросил, Кёко-сан стерла все мои сомнения. Или же она догадалась, что я хотел спросить. Что и ожидалось от великого детектива, она прекрасно умеет читать мысли других. Я был под впечатлением, а Кёко-сан невозмутимо продолжала:

– Похититель ста миллионов йен, тот, кто пригрозил по телефону – я думаю, это один из нанятых Сатой-сэнсэем ассистентов. Пожалуйста, проверьте людей с самой длительной карьерой по очереди. Алиби в пятницу, в 18:15, исходящие звонки по мобильнику... Даже если они стерли историю звонков, они не стали бы мучиться с алиби.

– ... Вы подозреваете ассистентов? Вы имеете в виду подозревать каждого из них по очереди?

Без предисловия, на неожиданное требование Кёко-сан, чтобы Сатой-сэнсэй не выслушивала эти рассуждения, что немного подозрительно, Кондо-сан возразил. Очевидно, что это его ранило.

– Если вы так рассуждаете, то я этого не позволю... Это как подозревать свою семью. Когда что-то случается, то люди начинают озираться по сторонам в поисках виновника. Разве это не то же самое, что подозревать Какусидатэ-куна?

– Э?

Кёко-сан была удивлена. Конечно, «эта» Кёко-сан не знает, что я – тот, кто притягивает к себе ложные обвинения.

– Конечно, я ведь работаю в детективном бизнесе. Я не буду подозревать людей по такой пустой логике. Я подозреваю ассистентов только потому, что у меня есть причина.

– Я не думаю, что вы сможете переубедить меня.

Кондо-сан не собирался сдаваться без боя. Наверное, потому что ассистенты Сатой-сэнсэя работают с Кондо-саном, так что его реакция оправдана. Я тоже не могу согласиться с Кёко-сан. Разумеется, следов внешнего проникновения нет, и потому логично подозревать кого-то на работе, но пока нету четких доказательств, я попридержу свои мысли.

– К тому же, если кто-то из ее коллег – преступник, разве она бы не узнала его голос?

– Верно, это еще одна подсказка... Не могу стопроцентно сказать, но, чтобы безопасно вернуть миллион йен, прежде, чем появятся точные доказательства, я бы хотела разобраться во всем деликатно, если возможно... – спокойно сказала Кёко-сан на гневный вид Кондо-сана. Она решила, что злить клиента не стоит и продолжила, – Поэтому я ушла от Сатой-сан. Так или иначе, вы хотели меня выслушать, верно? Если вы можете согласиться со мной, я попрошу вас.

Это правда, что если ассистент – преступник, то Сатой-сэнсэй не захочет этого узнавать. Прежде, чем появятся доказательства или это вылезет наружу, Сатой-сэнсэй вряд ли вернет свой миллион йен и преступник скроется. Выгоднее провести сделку для возвращения миллиона йен, чем сдать преступника полиции... Такая сделка весьма гарантирована.

– ...Давайте выслушаем вас, – сказал Кондо-сан.

Либо его переубедило то, что я представил ему Кёко-сан как свою хорошую знакомую, либо ее уверенность.

– Само собой, объясните не только личность преступника, но и почему Сатой-сэнсэй готова заплатить сто миллионов йен ради одного миллиона.

– Естественно. В данном случае, здесь связаны два момента...

Так началось раскрытие загадки. Загадки, которая нам с Кондо-саном кажется крайне непонятной и странной, а Кёко-сан – простой и обыкновенной.

– Выслушав в первый раз объяснение дела, само собой, я была озадачена. Я не знала, что заставило Сатой-сан согласиться с требованием преступника выплатить сто миллионов йен в обмен на миллион йен. И я стала думать, почему кто-то может заплатить сто миллионов за миллион. Я думала об этом, пока читала работу Сатой-сан.

Когда она говорит так непринужденно, сложно представить, но если попытаться, возникает образ детектива, который рассуждает о деле, читая мангу. Этаким кабинетный детектив¹. Разумеется, Кёко-сан ограничена во времени, и я не могу прерывать ее рассуждения.

– Как ни считай, миллион йен – это миллион йен, он не станет сотней миллионов. Однако, если этот миллион йен «особый», то это будет уже другое дело. Это не то, что дорогой ПК, но скорее мы должны думать об этом миллионе, как миллионе с особым смыслом. Прочитав два тома манги, мне пришла в голову эта возможность: уж не преступные ли это деньги? Например, часть денег в каком-то ограблении... Если такие деньги попадут в циркуляцию, будет раскрыто криминальное прошлое.

– С-Сатой-сэнсэй была грабителем?! – вскочил Кондо-сан, у которого изменилось выражение лица, но Кёко-сан просто сказала:

– Это лишь пример. Разумеется, это абсурдно, и я отбросила эту идею. Никто бы не стал прятать такое инкриминирующее доказательство на рабочем месте в холодильнике. И уж тем более не стал бы консультироваться с Кондо-саном.

– Пожалуйста, воздержитесь от таким безвкусных примеров, Окитэгами-сан. Я, ее ответственный редактор, нет, я – мужчина, и не забывайте, что у меня есть принципы.

– Не переживайте, я уверена в своей памяти. Во всяком случае, в один день. Эта аналогия, несомненно, абсурдна, но предоставляет два момента, которые невозможно игнорировать... Но сначала, что вы оба думаете о том, как эквивалентны сто миллионов йен и один миллион йен? Не может быть, что бы у вас не было гипотез.

– ...Этот миллион йен связан с памятью, как сэнсэй сама сказала. Первые отчисления за ее работу... – ответил Кондо-сан.

– Я тоже рассмотрела такую возможность по прочтении третьего тома, но вы думаете, что это правда? – намекнула Кёко-сан. Кондо-сан отрицательно покачал головой. Да, такая причина не то, чтобы слишком надуманная, но не достаточная, чтобы выплатить сто миллионов йен.

– Если ее причина – это драгоценный камень, подарок от родителей или любовника, или близкая вещь, то можно понять, но это личные вещи, связанные с родителями или любовником, а о деньгах такое не подумаешь, – мягко объяснила Кёко-сан.

Я тоже так подумал. Было немного приятно, что наши с ней мысли совпали, но это ничего необычного.

– Да, я также думала, что «миллион йен» - это пароль, и что было украдено что-то еще... Например «Хякуманэн»² – это кличка ее питомца, но тогда она бы так и сказала. Ей нет

причины скрывать подобное, и я стала думать о другой возможности. Что ценность представляют не банкноты, а то, что спрятано между ними, например, фотография или письмо...

– Пожалуй. Эта лучшая гипотеза, но тогда она бы так и сказала. Она бы попросила вернуть ту вещь, и мы бы поняли.

– Кстати, Окитэгами-сан, вы подтвердили у Сатой-сэнсэя существовании тетради идей... Может, она писала свои идеи на банкнотах? Они бы тогда не стоили миллион йен, но все равно имели бы некую ценность...

– Даже если ты не знаешь, что это банкнота, никто не станет использовать 10-тысячные купюры как блокнот. И даже если откинуть денежную стоимость, места для письма на купюрах почти нет... Какусидатэ-сан, что вы думаете? – Кёко-сан обратилась ко мне. Я решил высказать идею, которую готовил, пока эти двое обсуждали гипотезы. По пути сюда я продумывал свои рассуждения.

– Если мы решили считать миллион йен «особыми», то почему бы не считать серийные номера «особыми»? Я слышал, что существуют банкноты с серийными номерами из однообразных чисел, которые являются премиум-банкнотами³. Возможно, Сатой-сэнсэй собирает подобные купюры...

– Якусукэ, я сразу подумал об этом, и да, среди коллекционеров такие купюры высоко ценятся. Но их цена лишь немного выше. Точно не выше ста раз. Даже если собрать 10 тысяч их, они не соберут даже 10 миллионов.

В-Вот как?

– К тому же, я не слышал, чтобы Сатой-сэнсэй была коллекционером таких купюр.

Он полностью добил мой аргумент. Для меня было шоком, что моя продуманная гипотеза была первой мыслью, которая пришла на ум Кондо-сану. На этот раз я был больше смущен, чем рад, что мои мысли с кем-то совпали. И конечно же, я думал, что Кёко-сан также отринет мою идею, про которую она думала, пока читала какой-там-по-счету том. Однако, она меня похвалила:

– Я скажу, что вы на верном пути, Какусидатэ-сан. Ключ действительно в серийных номерах.

– А? П-Правда?

– То, что вы отметили, было вторым моментом в моей абсурдной аналогии. Почему, когда кто-то станет использовать украденный миллион, его связывают с ограблением? Ответ: серийные номера. Купюры одинаковы в ценности, но сами по себе они разные. Каждая из купюр уникальна.

Когда Кёко-сан говорит это, становится очевидно – не бывает одинаковых миллионов йен.

...Если сказать, что пачка миллиона йен – особая, то возникает очевидная подсказка. Даже если говорить, что каждый человек – особенный, что бы ты ни сказал, они одинаковые. Никто не обратит внимания на серийные номера, если только они не странные или из одних чисел.

– Вот я и сказала: два момента. Первая связана с серийными номерами, а вторая – с вами, Кондо-сан.

– Со мной? Каким образом?

Кондо-сан насторожился при этих словах. Контрастом, Кёко-сан улыбалась.

– Так вот... Если бы это были криминальные деньги, Сато-сан не стала бы советоваться с Кондо-саном, как я уже сказала. Но если даже не так, почему ей нужно с ним советоваться? Если она не говорит о причине, по которой она ответила на нелепую угрозу, то ей не было нужды советоваться с Кондо-сан и следовательно не пришла бы и я, детектив. Ей сказали, не говорить полиции, и если говорить с частным детективом – это нечестно, то так же щепетильно будет обсуждать этот случай с редактором.

– Но, Кёко-сан, до того, как вы пришли в студию Сатой-сэнсэя, она это уже говорила. Что она пойдет в понедельник в банк...

Перевести сто миллионов йен невозможно. С другой стороны, в окошке не спрашивают об обстоятельствах. Как бы там ни было, структурно, они знают о вреде мошенничества в банке... Несложно догадаться, что стоит попросить о помощи редактора, чтобы не влезать в эти перипетии.

– Да, я думала об этом. Она не показалось мне настолько сообразительной. Если взглянуть в суть, Сатой-сан сначала не планировала упорно скрывать это от Кондо-сана, как мне кажется. Однако... после того, как Кондо-сан сильно отругал ее за беспечное хранение денег в холодильнике, ей сложно было к этому подойти.

То есть, он разозлил ее, как говорит Кёко-сан. Отсюда и молчание. Как по-ребячески, подумал я, но у меня действительно сложилось такое впечатление отношений между Кондо-сан и Сатой-сэнсэем. Чувство обиды у гениев, наверное, сильнее, чем у обывателей.

– Но вам это не кажется несколько странным?

– Что? Как именно? Если называть это странным, я бы решил что, все это с самого начала не странно...

– Если банкомат и перевод в окошке невозможны, то почему бы не перевести деньги онлайн?

Я решил, что от нее не дожидаться верных ответов, но Кёко-сан беспечно дала ответ. Онлайн-перевод. Точно. Если подумать, это тот самый способ. Если нужно моментально перевести деньги, 24 часа, 365 дней в году, я бы сделал перевод по интернету. Никого не нужно будет встречать, и лимит по переводу гораздо выше. У Сатой-сэнсэя несколько банковских счетов, и можно перевести сумму в 100 миллионов йен в любой день, не дожидаясь понедельника. Она могла бы избежать беседы в банке и не консультироваться с Кондо-саном.

Я бы волновался переводить по интернету, но я почти никогда не пользовался онлайн-банком... Но это небось кажется старомодным Сатой-сэнсэй, которая отсылает манускрипты онлайн и пользуется новейшим смартфоном... Так, должно быть, проще.

– Окитэгами-сан, я не пользуюсь онлайн-банком. Это важно? И вы не объяснили, почему вы подозреваете ассистентов; как это связано?

– Не волнуйтесь, связь станет понятна. Но важнее не то, что этим способом не воспользовались, а то, почему это – не вариант. Как думаете, почему?

В отличие от предыдущего вопроса, на этот есть лишь один ответ. Ты хочешь воспользоваться онлайн-банком, но не можешь – почему?

– Например, если не помнишь пароль...А!

Как только сказал, я понял. Пароль. Ведь пароль же? Пароль, который нельзя забывать. Но она забыла. Но она – не Кёко-сан. Она должна была записать его где-то на такой случай. Так обычно поступают. Однако, записывать пароль – это палка о двух концах по причине безопасности. Например, вы забыли про это, или потеряли записку с паролем, или кто-то видел ее. Даже если зашифруете, потом можно забыть шифр. Если не уверен, попадешь в ловушку, и тогда... Не может быть!

– Неужели Сатой-сэнсэй... использовала серийные номера купюр как пароли?

Примечания

1. Детектив, который раскрывает дело, не выходя из дома и не вставая с кресла. Например, персонаж Ниро Вульф – детектив, который выслушивает дело, факты, свидетельства и улики сидя у себя в офисе и предлагая решение там же, не выезжая на место преступления.

2. Дословно, «миллион йен»

3. Как я понял, это практикуется в Японии. Но я не финансист.

– Те, кто теряют зонт, в качестве контрмеры покупают дорогой зонт... Идея та же самая. Иметь дорогие ключи, чтобы не потерять их. Однако, риск кражи ключей остается.

– Н-Но...

Можно было возразить Кёко-сан, но, что бы Кондо-сан не сказал, он был потерян. Я не так хорошо знаю Сатой-сэнсэя, чтобы говорить о ней такое, а вот Кондо-сан, который понимает девушек, видимо, догадался. По крайней мере, это более реалистично, чем теория о коллекционере необычных банкнот. Слепая точка – серийные номера. Случайные буквы и цифры – абсолютная лотерея. В таком случае, ценность банкнот возрастает в несколько, а то и в десятки раз... Сатой-сэнсэй – автор-миллионик, у которой наверняка на счету есть не меньше миллиона йен, а то и ста миллионов йен. Интересно, могла ли она выплатить миллиард йен?

И чтобы вернуть эти пароли... Нет, постойте. В таком случае, разве ей не необходимо вернуть пароль, чтобы перевести деньги? Она точно не может сделать это по интернету, но разве нельзя сходить в банк, чтобы заморозить аккаунт?

– Если это онлайн-банк, то да. Ей бы порекомендовали воспользоваться одноразовым паролем, и дело с концом. Но в конце концов, это только на сто минут. А что если украдут сто паролей?

Пароли, которые не на счет в банке? На телефоне не стоит пароль, но... Например, когда включают ПК, просят пароль? Писателю, который использует интернет для отсылки манускриптов, будет сложно не использовать ПК. Еще профиль в игре... Хотя было бы глупо красть аккаунт в игре. Еще пароли от кредитных карт и онлайн-заказов, конечно... И еще...

– ... И еще облачное хранилище, да? – Кондо-сан держался за голову, когда сказал это, – Если Сатой-сэнсэй там хранит свою книгу с идеями, то она попытается вернуть пароль любым способом, даже заплатит миллиард йен.

– Если позволите сказать... Как мне кажется, Сатой-сэнсэй не обладает хорошей памятью. Она все время называла меня «детектив»... И я представляю, что она не поставила пароль на мобильник, потому что боялась забыть его. Когда я упомянула книгу с идеями, она сильно среагировала, и это стало решающим фактором в моей логике. И я не стала затрагивать это.

Я думал, что она пыталась таким образом ослабить ее бдительность, но уже тогда Кёко-сан прощупывала почву для рассуждений. Нет, если так рассуждать, то сегодняшняя Кёко-сан не имела представления об облачных хранилищах и онлайн-переводах денег, а кажется, что она заранее об этом знала. Это весьма быстрое рассуждение, особенно для Кёко-сан. Пока она читала мангу. Когда она так говорит, это действительно кажется обыкновенным и простым делом.

– Как бы там ни было, была еще загадка, зачем ей понадобилось прятать деньги на рабочем месте, помимо того, что это также ее дом. Как я решила, если она прячет их там, значит ей они нужны для работы.

Действительно, строго говоря, серийные номера организованы одинаково, даже на купюрах разного цвета: сто разных номеров на ста купюрах. Наверняка, не все купюры содержат пароли; от четверти до половины всех купюр должны быть камуфляжем.

Если запомнить номера по алфавиту, то, даже при плохой памяти, все пароли не будут раскрыты.

— И вы подозревали ассистентов... И просьба узнать, у кого длинная карьера, это чтобы узнать, у кого выше шанс догадаться, что деньги, спрятанные в холодильнике, использовались для пароля в облачное хранилище... верно? И вы считали, что тот, кто работает там — это тот, кто не только знал место хранения денег, но и их «особенность»—

— И это тоже, — четко ответила Кёко-сан, — У меня сложилось впечатление, что преступник был уверен, что Сатой-сан заплатит сто миллионов йен за один миллион... Не законченный манускрипт, а идеи будущих работ — их ценность ведь можно установить. Я решила, что ее коллеги могли понять истинную ценность этих идей.

— ...

Кондо-сан промолчал.

Он не понимал основу рассуждений Кёко-сан. «Подозревать коллег, которые понимают истинную цену идей» — в конце концов, это не отличается от того, чтобы подозревать семью, но если так говорить, то для Кондо-сана, который уважает писательский талант, логика Кёко-сан не представляет разницы. Однако, Кондо-сан — редактор, а Кёко-сан — детектив.

— Н-Но Кёко-сан. И я, и вы считали, что Сатой-сэнсэй оценивает этот миллион в сто миллионов, и вы настолько уверены согласились. Хотя вы и не работаете вместе с ней... — произнес я в отчаянии.

Я не мог спокойно лицезить потерянное выражение лица Кондо-сана, к которому я испытывал благодарность, и, по воле судьбы, такую же благодарность я испытывал к Кёко-сан... Но на мой глупый вопрос, она сразу же ответила с улыбкой:

— Это потому что, хоть я и не автор, но я знаю ценность воспоминаниям, и знаю, как больно расставаться с ними, лучше, чем кто бы то ни был. Не могу сказать наверняка, но скорее всего, я понимаю это каждый день.

Мы смогли завершить это дело. Ничего особенно важного не произошло. Тем не менее, вот некоторые сведения на будущее.

Тот, кто украл миллион йен из холодильника, а затем позвонил Сатой-сэнсэю, был ассистентом, как и предполагала Кёко-сан. Кондо-сан провел расследование и выяснил его личность через несколько часов. Такое разрешение дела что-то, а доказало профессионализм Кондо-сана... Тот сказал, что виновник – профессиональный ассистент, который являлся шефом. И в этой фразе, «являлся шефом», сквозила печаль и скорбь. Его мотив не был установлен.

Он был мирный человек. Не из тех, что делает кому-то зла, как я понял.

Кроме того, в этом деле Кёко-сан не проявила себя как всемогущий детектив, так как не все ее рассуждения подтвердились. Например, ее логика, что Сатой-сэнсэй не распознала голос угрожавшего преступника из-за плохой памяти. То есть, что мотивом послужили плохая память мангаки и невнимательность, как гения, в плане собственного окружения. И это была промажка.

На самом деле, Сатой-сэнсэй соврала в показаниях. Когда она получила звонок с угрозой, она имела некое представление о мотиве преступника. Я слышал это из вторых рук и не могу сказать с уверенностью, но похоже, что она прикрывала преступника.

Возможно, она знала что-то о нем или они были как-то связаны... Нету доказательств, и нельзя утверждать полностью что-либо.

Связано ли это было с ее работой или с небрежностью гениев, но Сатой-сэнсэй, должно быть, было важно, вне зависимости от личности преступника, заполучить назад пароль от облачного хранилища. Клиенты лгут. Кёко-сан говорила об этом. В то же время, Сатой-сэнсэй не была клиентом в полной мере.

Еще кое-что, в поле для секретного вопроса на компьютере Сатой-сэнсэй ввела набор случайных знаков. Это была особая мера в случае утери пароля, чтобы нужно было вводить именно пароль. Сложно назвать это удачным решением, учитывая то, во что она вляпалась.

Преступник тихо ушел с работы у Сатой-сэнсэя, и, как было решено, теперь не будет работать в издательско-продюсерской компании. В результате такого спорного разрешения дела Сатой-сэнсэй вернула себе миллион йен. Как сказал преступник, «Это было лишь отвлечение. Я бы вернул и миллион, и сто миллионов йен», но в это слабо верится.

Хотя, нехорошо подозревать людей без доказательств.

– Все-таки, не странно ли? Да, использовать серийные номера для паролей глупо, если сказать об этом, но все равно лучше, чем прятать деньги в холодильнике. Я не думаю, что ее бы отругали, скажи бы это она... Скажи бы она честно Кондо-сану в начале, это дело не стало бы таким запутанным.

Поручив завершение дела Кондо-сану, мы с Кёко-сан покинули здание, и я бормотал это себе под нос. Я не ожидал, что Кёко-сан ответит мне, но та без какого-либо подтекста сказала:

– Возможно, Сатой-сан влюблена в Кондо-сана. Может, она не боялась сказать это ему, а просто смутилась. Наверное, она не хотела показаться глупой и разочаровать его.

Конечно, я не мог не удивиться.

– С-С чего такие рассуждения, Кёко-сан?

– Это не логические рассуждения, а просто женская интуиция. У меня сложилось подобное впечатление. Такие вещи так просто не забываются.

– ...

– Кондо-сан – приятный человек. Будь женщина преступницей, это могло быть мотивом... Шучу.

Я считал, что отношения Кондо-сана и Сатой-сэнсэя напоминала отца и дочь, но впечатление Кёко-сан наверняка было точное. Как минимум, в плане возраста. И Кондо-сан – холост. Нет, ведь Кёко-сан же сказала, что эти чувства исходили только от Сатой-сэнсэя. Вообще, страшно думать о том, что в этом вопросе в ней говорит не детективное чутье, а женская интуиция, так как это звучит крайне убедительно.

Если она права, то это повысит ее самооценку, а даже если и нет, то она забудет это... Если вспомнить, то почти весь список входящих звонков, за исключением преступника, на мобильном Сатой-сэнсэя составлял номер Кондо-сана. Так что подобная гипотеза могла быть и ошибочной. Естественно, если люди много работают вместе, другие начинают мнить о них всякое. Наверное, Кёко-сан так улыбалась, держа в руках смартфон Сатой-сан, потому что нашла доказательство ее гипотезы, когда не обнаружила пароль на телефоне. Тем не менее...

Тем не менее, я не стал вдаваться в подробности, хотя, будучи рассказчиком, это могло бы открыть всю правду дела. Я не знаю насколько серьезна была Кёко-сан, говоря, что Кондо-сан – «приятный человек», но мне не хотелось говорить с ней об этом.

На этом заканчивается эта история. Если что-то и осталось упомянуть, так это одна вещь. После этого случая я опять столкнулся с Кондо-саном. Он не упомянул детали, но сообщил, что Сатой-сэнсэй не приостановила публикацию и продолжает писать. Я был рад, но затем Кондо-сан спросил меня:

– Скажи, Якусукэ. Окитэгами-сан раньше не работала за границей? Когда я работал в заграничном отделении компании, я встречал похожего человека...

Когда он повстречал Кёко-сан, оказывается, он был удивлен не тому, что у нее были сплошь белые волосы, а тому, что она похожа на его старую знакомую. Я был расстроен, и в то же время, я ответил, что ничего не знал о ней до тех пор, пока не познакомился с ней два года назад.

– Вот как. Должно быть, мне показалось. Просто похожая женщина. Если бы эта была она, у нее не было причин ехать в Японию и открывать детективное агентство... К тому же, у нее совершенно другой характер. Она, хорошо это или плохо, была не такой дерзкой. Что-то я много наговорил, забудь.

Кондо-сан закрыл эту тему, и больше мы об этом не говорили.

Но я не мог просто так взять и забыть это. Для меня, с самого момента нашей встречи, Окитэгами Кёко-сан все время была детективом и помогала мне в беде. Неизменная глава детективного агентства Окитэгами.

Но до того как Кёко-сан начала терять воспоминания, та Кёко где-то существовала. Даже если та, кого встречал Кондо-сан, не была Кёко-сан, а лишь кто-то похожий на нее, то «вчерашняя» Кёко-сан абсолютно точно где-то существовала.

Я впервые полностью осознал этот факт.

Кёко-сан потеряла свое место. Возможно, она была за границей, или где-то еще, это точно. Как бы мы не искали подсказки, сколько бы мы ни думали, это место никогда не вернется, и кем бы ни является Кёко-сан, она ей не станет вновь. Думать о прошлом сейчас нету смысла. Для Кёко-сан это – не преувеличение. Для нее существует лишь сегодня.

(Позвольте представить Кёко-сан – ЗАБВЕНИЕ)

Эпизод третий. Вы свободны, Кёко-сан?

Детективы, по сути, движимы любопытством. Это что-то, в чем детективы в романах не ограничены. В случае специализирующихся в расследовании измен и проверке прошлого, так называемых прагматичных детективов, если присмотреться, их профессиональное чутье в раскрытии тайн, несомненно, основано на желании знать. Какусидатэ Якусуке, который был в центре многих инцидентов, был практически на электрическом стуле, повидавший множество детективов и видевший их со всех сторон, с каких только можно, был убежден в этом. Однако, если искать с высоты птичьего полета исключения для подтверждения этой доктрины, то первым кандидатом может быть детективное агентство Окитэгами и ее глава, Окитэгами Кёко.

Разумеется, Кёко-сан – человек, и у нее есть свои интересы и хобби. Сложно представить детектива, который не имеет чувства любопытства и воображения, когда эти качества заложены в человеке. Но даже если Кёко-сан выразит любопытство, к примеру, в поиске правды в деле, раскрытии чьих-то секретов. Ночью она ляжет спать, и проснется на следующий день все забыв.

Зато, она ни как лучше не подойдет как детектив в плане профессиональной этики и конфиденциальности. Так кажется со стороны, а вот что Кёко-сан лично думает об этом?

Собирать новую информацию, открывать что-то новое – для любого это здорово. Но если вы забываете это на следующий день, разве у вас не остается чувство пустоты? Как будто вы копаете яму. Или, сравнение получше, складываете камни в аду¹.

В прошлом деле о мангаке Сатой Арицугу про «миллионную сделку» для раскрытия дела она залпом прочла всю работу мангаки и узнала о облачном хранилище данных, но Кёко-сан уже об этом забыла. Как она поддерживает мотивацию работать в таких условиях, для меня – загадка.

Есть ли у Кёко-сан какие-то воспоминания о детективном бизнесе? Может, она не испытывает не то, что любопытства, но и ничего приятного в этом.

Если так подумать, то мне это кажется весьма печальным.

Примечания

1. Согласно японским поверьям, души выкидышей и детей, которые скончались в аборте, попадают в ад, где, чтобы пересечь реку Сандзу для загробной жизни, им нужно построить статую Будды из камней. Однако, им постоянно мешает злой демон, который раскидывает камни. Отсюда пошло выражение 賽の河原 (Сайнокавара), что означает «тщетность».

Если бы я сказал, что не подавал крупных надежд, когда за помощь в деле Сатой-сэнсэя Кондо-сан пригласил меня в качестве благодарности на ужин, я бы лгал. Это потому, что я до сих пор не нашел новой работы. Отупляя в бедности, я продолжал свою безработную жизнь на остатки выходного пособия. Я помог Кондо-сану с делом Сатой-сэнсэя и, чувствуя себя немного виноватым, хотел попросить его помочь мне с поиском работы. В результате, после этого, думая, что я точно буду помехой ему с просьбой помочь мне разрешить мою ситуацию, я сдержал свои мысли, но он — человек надежный, так что без всяких слов с моей стороны я решил, что он точно собирается «поблагодарить меня» новым местом работы. Поэтому я пошел в ресторан с дресс-кодом на деловые костюмы, куда один я бы ни за что не зашел.

Но когда меня провели в частный зал, я убедился в обратном, когда Кондо-сан внезапно спросил меня:

— Якусуке, ты знаешь писателя по имени Сунага Хирубэ?

В прошлый раз я не знал про мангаку Сатой Арицугу, с которой работал Кондо-сан, но сейчас я не был застигнут врасплох при имени Сунаги Хирубэ.

— О боже, да как его можно не знать, Кондо-сан. Если говорить о японской литературе, то имя Сунаги-сэнсэя сложно обойти стороной. Мастер среди мастеров, это лидер детективного жанра в Японии. И я, и мои родители читают его, и, наверняка, мой дедушка тоже, он тоже писатель. Если зайти в книжный магазин, в детективный отдел, и схватить первые попавшиеся десять книг, среди них половина будет за авторством Сунаги Хирубэ.

— Хе-хе. Немного преувеличено, но сравнение достаточно точное. — довольно кивнул Кондо-сан.

Естественная реакция, поскольку его компания также выпускает книги Сунаги-сэнсэя. Кстати, до того, как стать главным редактором у мангак, Кондо-сан работал в отделе коротких рассказов. Возможно, там он и познакомился с Сунагой-сэнсэем.

— Итак? ... Неужели с Сунагой-сэнсэем приключилось что-то вроде того телефонного звонка, и вы хотите поговорить об этом? Тогда другое дело. Хотя в этот раз это я должен благодарить вас за то, что откликнулись на мой звонок.

Я слишком разошелся. Но, если он попросит еще об одной услуге, я без всяких сомнений возьмусь за дело. Хотя в прошлый раз дело Сатой-сэнсэя и телефонной угрозы раскрыла Кёко-сан, а я был всего лишь посредником. Наверняка, Кондо-сан уже выплатил соответствующую сумму Кёко-сан (для сегодняшней ее — стандартная плата), но он не должен был платить что-либо мне.

Если и говорить кто кому должен, так это я ему. Но даже если на это уйдет вся моя жизнь, я не смогу выплатить ему весь долг.

— Нет, нет, успокойся, Якусуке. Про каких бы злых демонов редакции ты ни слыхал, таких странных инцидентов у нас почти нет. И авторы, и редакторы проводят свои дни достаточно скучно, у нас не такая насыщенная жизнь, как у тебя.

– Да уж, переборщил. Не могу ничего возразить на это. Однако, что же случилось с Сунагой-сэнсэем? – спросил я.

Неужели он нанимает на подработку молодежь – об этом разговор? Не стоит отметить данный вариант, ведь он ровесник моего деда, и может ему нужна помощь от молодежи в домашних делах... Я начал эгоистично задумываться о таком удачном стечении обстоятельств, однако Кондо-сан понял, о чем я думал, и развеял мои ожидания:

– Сунага-сэнсэй в полном здравии, и ему точно не нужны молодые, неаккуратные руки.

Можно поздравить его за это, но тогда я тем более не понимаю, зачем я сюда пришел. Кажется, Кондо-сан забавлялся, глядя на мое сбитое с толку лицо.

– Сейчас с сэнсэем работает мой сотрудник Конака, и он сказал, что тот написал рукопись нового детективного романа.

– Это отличная новость. Поздравляю.

– Не стоит. Когда становятся писателями, люди быстро уходят в отставку. Такова профессия: ты делаешь ее один, не повязан браком или организацией, и можно уйти с нее, как только начинаешь отлично продаваться. Так что, Сунага-сэнсэй – это подарок издателю, поскольку он все еще продолжает писать. Но и тут все относительно. Хоть он уже в преклонном возрасте, он все еще полон задора.

– Задора...?

– «Любопытство» тоже подойдет. Как только напишет произведение, он не отдает его в издательство. Сначала он проверяет ответственного редактора.

– Проверяет... То есть, хорошо ли читается?

– Нет-нет, его задор заключается в игре. «Забава» тоже подойдет. Он не проделывал это со мной, но он протестировал моего знакомого старшего редактора. Вместо рукописи он дал ему некую карту, типа к сокровищам, и сказал: «Раз вы редактор детективного писателя, то вы сможете найти спрятанную мною рукопись».

– Хм, странный человек.

Вроде бы думаешь, что стоит как можно раньше выдать рукопись в печать, но видимо, этого не скажешь о писателях детективов.

Поиск сокровищ – стандартная забава энтузиастов-детективов.

– Что поделать, такой он чудак. Ответственный редактор получает подсказки, и, если он не отыскивает рукопись, автор отдает произведение другому издательству.

– А-А вот это совсем не весело.

– Сейчас он такое не проворачивает, разумеется. Однако, сейчас, пока бизнес идет хорошо, некоторые издательства проводят состязание между собой. Ради этого они арендуют парки развлечений и бейсбольные стадионы...

– Весьма экстравагантно. Чувствуется, что такие сейчас времена.

– Самое экстравагантное мероприятие, на моей памяти, прошло, когда издательства арендовали казино за границей. Там они повсюду рыскали в поисках пятиста страниц романа. Однако, все страницы были спрятаны по отдельности, а находившие их не могли так собрать полноценную книгу, так что они начали играть на них, ставя вместо них фишки в рулетке и карточных играх.

Слушать про дела других людей кажется забавным, но в современном обществе, где информация почти не блокируется, такое мероприятие может обернуться проблемой. У человека, которому нравится смотреть, как издатели носятся за страницами рукописи, дурной вкус, как может показаться. Но глядя на выражение лица Кондо-сана, когда он описывал Сунагу-сэнсэя, завершив это словами «Что поделать, такая вот он заноза», создается впечатление, что издатели любят этого автора. Будто это добродушный и озорной старик. Мне завидно, поскольку меня постоянно подозревают и ненавидят, но возможно это разница в обаянии.

– Получается, даже если в этот раз он написал книгу, то такая охота за сокровищем будет весьма некстати.

– Согласен, но на этот раз будет не так вычурно, как раньше. Сунага-сэнсэй организовал мероприятие в своем коттедже. Конака уже отправился туда.

При слове «коттедж» я уже подумал о вычурности, но я живу в другом мире. Не было похоже, что вопрос моей занятости будет решен. И, что бы там ни было с Конакой, у Кондо-сана, судя по всему, не было проблем. Хоть я и продолжал слушать историю о Сунаге-сэнсэе, я отделился от этой истории.

Но тут разговор поменял направление. Поклонившись передо мной, Кондо-сан вернулся к новой работе Сунаги-сэнсэя.

– Так вот. На эту игру по поиску рукописи разрешают звать помощников. Так что, Якусуке, не хотел бы ты с Окитэгами-сан съездить в коттедж Сунаги-сэнсэя?

– Э?

Он неожиданно упомянул в разговоре Кёко-сан. Я удивился.

О чем это он? Попросить Кёко-сан найти рукопись?

– Нет-нет, это невозможно, Кондо-сан. Что бы вы там ни предлагали, сколько ни просите, невозможно. Конечно, Кёко-сан – детектив. Даже известный детектив, и поиск сокровищ и пропавших вещей – ее специализация, но эта работа не для профи. Эта игра для любителей не стоит ее участия.

– Хо-хо, Якусукэ. Не слишком ли грубо? Сунага-сэнсэй, который уже более полвека поддерживает литературный жанр детектива – и любитель?

Действительно, я грубо отозвался о нем, но Кондо-сан выглядел забавляющимся. Моя реакция была ожидаема и о многом говорила. А мне, кто не знает истинных намерений Кондо-сана, лишь остается плясать под его дудку.

– Р-разумеется, я не называю Сунагу-сэнсэя любителем. Я не считаю, что найти рукопись будет легко.

– Бери выше, почти нереально. Если мы говорим о трюках и загадках, авторы детективов могут быть даже профессиональнее настоящих детективов.

– Да, наверное. Но проблема не в этом. На этой игре будет множество разных детективов, и если будет нужно решить загадку или вопрос, там уже будет много людей. Но Кёко-сан работает детективов, ее бизнес – раскрывать тайны. Но как бы ни была привлекательна загадка, она не станет ее делать, если это игра – на ней не заработать. Можно поднять ставку, но никак не урезать. Позвать ее решить игровую загадку, все равно что оскорбить ее. Сама просьба – уже верх грубости.

Вообще-то, я ничего не знаю о таком в политике детектива Кёко-сан. Но сколько бы инцидентов я не участвовал, все предсказуемо. Профи не продают свои навыки по дешевке.

– Сунага-сэнсэй легко рукопись не отдаст, и редактору нужно участвовать в этом нелепом ритуале, хотя возможно причина там одна и та же... Но, как бы там ни было, я не думаю, что Кёко-сан согласится на такую работу.

– Если это работа, так? Но что если это не работа?

– М? В смысле? Если это не работа, то что? ...Я сегодня вас совсем вас не понимаю, Кондо-сан. Разве это не значит, что она тогда не поедет? С виду и по поведению не скажешь, но она всегда интересуется деньгами. Я думаю, даже вы это поняли.

– Ты весьма твердолобый, Якусукэ. Конечно, поиск рукописи Сунаги-сэнсэя – не более, чем времяпрепровождение влиятельного автора. Ты не заметил, когда я сказал, что он отдаст рукописи другому издательству, но такой случай – редкость. Пока редактор не найдет рукопись, Сунага-сэнсэй будет давать подсказки, но он так и не нашел ее. После этого, автор сказал «Вообще, есть другая», и стал готовить другую рукопись. Если появится профессиональный детектив, будет весьма забавно.

– Тогда...

– Якусукэ, - сказал Кондо-сан. – я прошу тебя позвать Окитэгами-сан на свидание.

– Я пойду, пойду, точно пойду! Я пойду, чего бы это ни стоило! Детективное агентство Окитэгами закроется на один день! Если возможно, пожалуйста, не зовите никого еще! – удивительно твердо ответила она.

Стоп, я не сделал переход между сценами.

По настойчивой просьбе Кондо-сана, я при нем позвонил Кёко-сан. Мы вроде бы с ним хорошие друзья и почти ровесники, но сейчас это напоминало отношения старшего босса и молодого подчиненного.

Я позвонил детективу.

В офисе детективного агентства Окитэгами сняли трубку.

Поскольку сейчас была почти полночь, когда сняли трубку, как обычно, уже забывшая меня Кёко-сан была в режиме «Агентство закрыто». Затем, разговор превратился в забавную игру, где сначала она, разумеется, вошла в режим «вежливого отказа», а затем, по инструкции Кондо-сана, я упомянул имя Сунаги Хирубэ, и ее реакция мгновенно переменялась.

Кёко-сан зашлась в радостно-возбужденном голосе, который я никогда не слышал.

– Ясно. Через неделю в воскресенье. Я уже написала на руке. Это будет напоминать мне каждое утро, даже если я забуду. Ах, это будет восхитительно, проверять каждый день такое прекрасное расписание! ... Какусидатэ Якусуке-сан, верно? Увидимся в этот день.

Я ожидал, что Кёко-сан не примет приглашение, а теперь через неделю мы встречаемся. Я будто сплю, я ощущаю легкость и неверие в происходящее – какое невероятное чувство.

– Что ж, Какусидатэ-сан, спокойной ночи!

– Д-Да... Спокойной ночи, Кёко-сан.

В ресторанах не ведут длинные разговоры по телефону, не знаю почему, так что я завершил звонок. Нет, я конечно же рад, что Кёко-сан не отказала в моем приглашении, но почему все вышло так просто?

Эта мотивация от Кондо-сана и его беспечное и в то же время дерзкое «Неважно, даже если откажет, она потом забудет»...

– В-Вы можете это объяснить, Кондо-сан? Мне кажется, вы знали с самого начала, чем все обернется...

– Я в принципе догадывался. Окитэгами-сан – большой фанат Сунаги-сэнсэя. Поиск его рукописи известен ключевой аудитории, и фанат вроде нее не упустит шанс отыскать ее, прежде чем опубликуют.

– В-Вот как...?

Какой скучный ответ. Для Кёко-сан я был самопровозглашенным постоянным клиентом, незнакомцем, поэтому и не ждал, что она ответит на мое приглашение. И только сейчас я понял, в чем заключалась благодарность Кондо-сана.

– Кондо-сан, вы знали, что Кёко-сан – обожает читать Сунагу-сэнсэя. Даже я не знал об этом, а ведь я кружусь среди детективов...

– М? А, ну, знаешь, у людей в издательском бизнесе есть много связей...

Почему-то Кондо-сан здесь забормотал. Может, он узнал это от тех источников, о которых предпочитает не говорить. Думаю, не стоит углубляться в это. Мне не важно, откуда он добыл эту информацию.

Как стало очевидно в расследовании дела Сатой-сэнсэя, у Кёко-сан, до того, как она простилась с теми воспоминаниями, был любимый автор, к тому же из старого поколения. Так что мне крайне повезло.

Нет, все это – заслуга Кондо-сана.

– В любом случае, если Окитэгами-сан найдет рукопись, компания будет спасена. Для Окитэгами-сан, это будет игрой, для меня – работой. Все-таки, я – редактор.

Кроме того, приглашая Кёко-сан на игру, продюсерская компания способна будет избежать возможных издержек, так что Кондо-сана можно назвать крайне успешным вложением компании. Даже среди друзей, такой талант тяжело найти.

– Я ясно вижу, что ты испытываешь некие постыдные чувства к Окитэгами-сан.

– П-Постыдные? Так-так, можно без необоснованных подозрений, Кондо-сан? Это, как минимум, несправедливо. Сейчас вы лишь подтолкнули меня к тому, чтобы отблагодарить за помощь Кёко-сан.

– Подозрения? Знаешь ли, подобная тема уже поднималась мной с Сатой-сэнсэем.

Вот как? ...С Кондо-саном я давно знаком, но вот Сатой-сэнсэй – другое дело.

Неужели я вел себя странно, находясь рядом с Кёко-сан? ...Тогда мне следует об этом серьезно задуматься.

Значит, подозрения в мой адрес были подкреплены тем, что я позвал Кёко-сан на место преступления? Хотелось бы верить, что это лишь острый взгляд творца.

– И все же нет, Кондо-сан. Как вы уже заметили, я испытываю значительные чувства к Кёко-сан, но она для меня – недостижимая цель... Я не смогу достичь ее.

В школе я может и думал бы по-другому, но сейчас мне уже 25 лет. Хороший человек, но безработный. Я не в том возрасте, чтобы поддаваться импульсу. Нужно сначала научиться складывать, разделять и считать. Нужно все взвесить, проверить чувства, а потому уже давать ответ.

– Ну не знаю. По-моему, у тебя все сбалансировано. Ты влипаешь в неприятности, а Окитэгами-сан раскрывает эти дела.

– Но это лишь отношения детектива/клиента. Кроме них ничего нет. Так все и происходит, и я доволен этими отношениями. Но я рад слышать, что вы переживаете за меня. Благодарю, Кондо-сан, но позвольте мне разобраться с этим самому.

Я ответил якобы в крутой манере, но внутри я чувствовал себя также радостно-возбужденным, как и Кёко-сан. А что касается свидания, работа отнимала часть романтики, и мне было немного стыдно обманывать Кёко-сан... И тем не менее...

Но в этот раз снова сыграла роль моя карма, когда я решил, что это глупая игра, придуманная забавляющимся стариком, и ничего более. И что она примет направление совсем другое... Не зная ничего этого, я радостно окунулся в сон в предвкушении следующей недели.

Вообще, я хорошо знаком со многими детективами, не только Кёко-сан. Но я не думал о их личной жизни или какие они в жизни. Да, это слепое место, очевидно это или нет, но личную жизнь детективов, которые сами вмешиваются и подглядывают за чужими жизнями, в романах редко затрагивают.

Этим машинам для раскрытия дел обычно не посвящаются отступления об их обычной жизни. Да и в моем случае, когда я их зову по ложным обвинениям, я достаточно равнодушен к их личным делам.

Однако, как бы ни способны и популярны эти детективы, я необязательно там, и они необязательно гонятся за неприятностями каждый день. Сложные дни происходят не так часто. Дни, когда у них полно времени, дни когда они умирают от скуки, можно ожидать с определенной частотностью. Например, когда они не работают до пота над загадкой закрытой комнаты, они возвращаются домой посмотреть телевизор или почитать книгу. Это не значит, что детективы работают с утра до ночи, без перерыва. У них может быть любимая еда, а может они живут с семьей.

По указке Кондо-сана я позвал Кёко-сан на свидание, но если подумать, у нее может быть любимый человек. Я знаю столько всего о себе, и ничего о ней.

...Кстати, она не до такой степени знает меня, и то, что она поехала по приглашению незнакомого мужчины в коттедж ее любимого автора ради некой игры, немного безрассудно для взрослой женщины. Такая уж ли она великий детектив, когда не раскрывает дела?

— А, здравствуйте. Вы, я полагаю, Какусидатэ-сан? Окитэгами Кёко, очень приятно. Рассчитываю на вас сегодня.

Через неделю, напротив станции, я встретился с ней, как и договаривались. И она сказала "Очень приятно".

Я — первый, кого она встретила после инцидента у Сатой-сэнсэя.

Кроссовки на высокой платформе, джинсовые шорты. Майка с короткими рукавами под оранжевым жилетом выставляет напоказ здоровую кожу. Она была одета в повседневной манере. Это потому что делает приоритет на мобильность в сегодняшнем мероприятии, или она сегодня не глава детективного агентства, а частная персона? Думаю, что последнее, учитывая, как она показывает кожу на руках и ногах...

— Очень приятно. Рассчитываю на вас. Я уже купил билеты, так что давайте сядем на поезд.

Обменявшись приветствиями и поклонившись, ощущения свидания, как Кондо-сан говорил, моментально испарилось, но я все еще был доволен. Даже если я не планировал идти с Кёко-сан на свидание, мне было приятно.

— Какусидатэ-сан, вы фанат работ Сунаги-сэнсэя?

Она спросила это крайне счастливым тоном. Если отвечать честно, я довольно редко читаю его книги. Его имя мне, конечно, знакомо, и иногда я читаю его для удовольствия, но вообще-то я не прочел и десяти его работ. Однако, я не мог сказать правду его фанатке, так что я кивнул и сказал:

– Да.

– Понятно. Все-таки, сегодня прекрасный день. Самый лучший. Неопубликованная книга Сунаги-сэнсэя. Если я найду ее, я смогу прочесть ее.

– В-Возможно... Все-таки, это неопубликованная версия, и ее может быть сложно читать. Но можно попросить у него копию с автографом.

Как только я это сказал, она удивилась:

– Разве вы не в курсе, что Сунаги-сэнсэй ненавидит давать автографы? Будьте осторожны, не просите его о такой грубости.

Она сильно разозлилась. Сейчас я не ее клиент, так что она не прощает. Такая личность... Лучше не говорить много, чтобы не выдать лишнего, особенно про Сунагу-сэнсэя.

Порешив на этом, я сел с ней на экспресс-поезд. Разговор не клеился, но Кёко-сан не обращала внимания. Она была в приподнятом настроении. То ли для подготовки, то ли ради удовольствия, на соседнем сиденье Кёко-сан читала маленькую книгу Сунаги-сэнсэя. Название гласило: «Подсчет денег между двумя братьями»... Я не могу угадать из названия, о чем книга. Может, она перечитывает ее, а может и нет. Если человек читает книгу, находясь в компании других, то у этого человека крепкие нервы... К сожалению, в отличие от Кондо-сана, я не умею легко вести разговор, но мне было достаточно смотреть на Кёко-сан.

Но на полпути к коттеджу писателя, ситуация кардинально изменилась. Ничего драматичного, никакой проблемы с поездом – я просто получил звонок по телефону от Кондо-сана.

Я пробормотал «Прошу прощения», вышел из вагона, снял блокировку на экране и ответил.

– Якусуке. Прости, вы уже на поезде?

– Да. А что-то случилось?

Кондо-сан и временный редактор Сунаги-сэнсэя Конака-сан приехали в коттедж вчера и сегодня должны встретить нас на ближайшей станции... Возможно, у них появилась работа, и они опаздывают. В случае Кондо-сан это возможно, он занятой мужчина, ему могли позвонить по работе. Но если что, он заранее подготовил для нас карту, и в худшем случае, мы сами дойдем до коттеджа.

Но дело было не в этом.

Совсем не в этом.

– Стучилась страшное. Сунага-сэнсэй умер прошлой ночью.

– Не пойми неправильно. Это не убийство... И не несчастный случай. Вчера ночью, когда он спал, у него остановилось сердце, так что он умер мирной смертью.

Это меня немного успокоило, а то я забеспокоился, что снова притянул неприятности... Я не знал точного возраста писателя, но он, должно быть, был старым, так что можно представить смерть от инфаркта. Но я бы ни за что не подумал об этом, когда узнал, что он был в полном здравии и написал новую работу.

– В общем так, теперь его рукопись стала посмертной...

Похоже, что Кондо-сан еще не собрался с мыслями, он говорил слабо. Я весьма стеснительный парень и я не был уверен, что мне сейчас стоит выражать соболезнования. Я не был заядлым читателем сэнсэя, так что у меня не было слов про смерть великого писателя, поддерживавшего японскую литературу.

– Так вот, Якусуке, по поводу сегодняшних планов.

– А, да, Кондо-сан, я понял. Охота за рукописью, я так понимаю, отменяется? Эм... Тогда мы поедем обратно, чтобы не мешать вам.

Я не был другом покойного, так что мне глупо наносить ему визит. С Кёко-сан все очевидно, по ее шортам, и даже я, честно говоря, был полон энтузиазма отправиться в коттедж писателя с его гениальной поклонницей. Такая радость там не к месту. Жаль, но придется вернуться. Сойдем на следующей станции... А, мне ведь еще надо сообщить Кёко-сан.

– Эй, погоди. Если вы уедете, у меня будут проблемы. Мне нужен талант Окитэгами-сан.

– А? В смысле? Вы же только что сказали, что это не криминальное дело. Тогда вам и детектив не нужен.

Более того, им не нужен я на второстепенных ролях, однако Кондо-сан сказал:

– Я ведь только что сказал, что новая работа Сунаги-сэнсэя теперь посмертная. Как мне известно, только он знал, где она спрятана.

– Э... Тогда...

– Вот именно. Сэнсэй спрятал ее лично, без всякой помощи, в своем коттедже... То бишь, мы не знаем, где находится последняя работа Сунаги Хирубэ.

– ...

Мне передалось его волнение.

После того, как умер человек, мысль, хороша ли его единственная работа, не говорит о том, что кто-то не разделяет мнение большинства, если позволите мне высказать свои мысли.

Нельзя допустить, чтобы последняя работа Сунаги Хирубэ канула в Лету. Если говорить серьезно, потерять посмертную работу равносильно потере завещания и даже больше.

Это исходит от меня, кто никогда не претендовал на титул главного фаната писателя, но уверен, что Кондо-сана и руководящий редактор Конака-сан чувствуют себя не в своей тарелке. Не публиковать рукописи сэнсэя, должно быть, преступление.

– В-Вы уже начали искать?

– Да, но пока безрезультатно. Честно говоря, я даже не знаю где искать.

Кондо-сан считается крайне проницательным среди остальных своих коллег, но, к сожалению, он лишь редактор, и тайны не его специальность. Если уж редактор самого писателя, Конака-сан, не смог найти рукопись, то она точно хорошо спрятана.

Обычно, до того, как редактор находит рукопись, Сунага-сэнсэй дает подсказки, но теперь он мертв, и подсказок ожидать не стоит. Нужно отыскивать самим.

Нет, не совсем самим.

Можно было позвать помощников.

– З-Значит, Кёко-сан.

– Да, Окитэгами-сан. Понимаю, непростительно портить твое свидание, но я бы хотел нанять ее для работы. Конечно, я все возьму и заплачу ей стандартную сумму. Мог бы ты попросить ее? Я хочу, чтобы она нашла последнюю рукопись Сунаги Хирубэ.

«Хорошо, положитесь на меня», выпалил я и в последний миг проглотил эту браваду.

Нет, не то, чтобы я был мямлей.

Если сказать Кёко-сан о потерянной посмертной рукописи Сунаги-сэнсэя, то, будучи его одержимой фанаткой, она возьмется за это дело и двух предложений не сказав.

И если ее дедуктивные способности настолько хороши, насколько я в них верю, то она быстро отыщет рукопись в коттедже. Поэтому, в этом плане нечего и раздумывать давать ли ее агентству это поручение.

Однако...

– Кондо-сан, насчет компенсации. Могут я попросить вас об услуге?

– М? Что такое? Даже если бы ты не сказал, я помог бы.

– Сегодня хороший день. – сказал я. – Можно ли не говорить Кёко-сан, что Сунага-сэнсэй умер?

– То есть, притвориться, что игра идет по плану? Нет, это...

Кондо-сан не мог ответить мне с уверенностью, все-таки, моя просьба была непомерной.

– Не беря в голову этический вопрос, ты предлагаешь замаскировать работу под игру, что жестоко. Едва ли это можно назвать игрой... Да и чего ты добьешься этой ложью?

– Не поймите меня неправильно, Кондо-сан. Я не предлагаю это, потому что хочу продолжить свидание с Кёко-сан...

Не могу гарантировать, что я был уверен в собственных словах. Но, по крайней мере, я мог сказать, что моим главным мотивом было не разочаровать Кёко-сан, которая поехала сегодня со мной к коттеджу Сунаги-сэнсэя в предвкушении поиска рукописи. Пусть это информация, которую скоро все узнают, я не хочу, чтобы сегодняшняя Кёко-сан, большая поклонница трудов писателя, узнала о его кончине.

Это будет для нее большим шоком.

И я не был уверен, что смогу деликатно сообщить ей эту новость.

– По сути, охота за рукописи остается в силе. И ваша компания выигрывает от того, что Кёко-сан принимает участие в этой охоте, разве нет?

– Но если ложь вскрыется, это будет для нее шокирующей...

Кондо-сан оборвал себя на полуслове, кое-что осознав.

Все верно. Кёко-сан живет только сегодняшним днем.

Что бы она ни пережила сегодня, завтра она это забудет.

В этом ключе я и рассуждал.

Конечно, *если* она забудет. Поэтому я хочу, чтобы один день для нее прошел приятно. Если с ней останутся хорошие воспоминания, то так будет лучше. Может, это немного самонадеянно с моей стороны... Но я не могу сдерживать в себе это чувство. Я не думал о Кёко-сан не как о детективе, но хочется подарить ей хоть один день, где она – не детектив. И я уже думал о том, что лезу не в свои дела.

– ...Не могу сказать наверняка, но действительно, посмертная рукопись Сунаги-сэнсэя станет большой наградой для компании.... Хотя, я говорю «награда», но, в конечном итоге, вы двое выиграете больше нас. Я понял тебя. Я не сообщу Окитэгами-сан о смерти писателя, так что положитесь на меня по приезду.

– Спасибо. Я у вас в долгу, Кондо-сан.

– Учти, у тебя лишь день. Завтра это попадет в новости.

– Я думаю, что все обойдется. Кёко-сан должна найти сегодня рукопись и официально завершить мероприятие.

– Ты очень сильно в нее веришь, – натянуто усмехнулся Кондо-сан.

Согласен, даже не от меня эта уверенность была абсурдна. Особенно в отношении Кёко-сан, которая не детектив-на-все-руки. Да и не в роли детектива сегодня. Тем не менее...

Это не доверие, ведь так? В таком случае, прав ли я?

– Однако, остается одна проблема, Якусукэ.

– Какая, Кондо-сан?

– Если вы собрались искать рукопись под предлогом игры, мы оплатим только расходы на проезд... Это бухгалтерская проблема, которую я не могу оставить на волю забывчивости Окитэгами-сан.

– А, у меня есть план на этот счет, – ответил я.

В этот момент, обнадеживая Кондо-сана, перед глазами промелькнуло лицо Кёко-сан в приподнятом настроении, которое я до сего дня не видел.

– Когда Кёко-сан найдет рукопись, позвольте ей прочитать ее первой. Это будет идеальной наградой.

По прибытии нам передали набросок плана коттеджа. На другой стороне были написаны 4 подсказки почерком Сунаги-сэнсэя.

1 – Рукопись может быть прочитана примерно за 120 минут.

2 – Она спрятана в деликатном месте, поэтому будьте осторожны в поисках.

3 – Ищите, не там, где есть, а там, где нет.

4 –

... Только четвертая подсказка была прикрыта корректирующей лентой. Он решил ее скрыть? Как только я подумал об этом, Кёко-сан схватила листок, направила на свет и прочла прикрытое сообщение.

– «Возможно, вам понадобится карандаш»? Не самая удачная подсказка. Он стер ее по этой причине? Хм...

Кёко-сан окунулась в размышления и попутно вернула мне листок. Содержание сохранилось в ее голове. Ясное дело: коттедж небольшой, комнат немного, и с ее (однодневной) памятью ей было не сложно запомнить скетч при первом просмотре. Я – другое дело, постоянно поглядывал на него.

В коттедже были четыре большие комнаты: столовая, кабинет, аудиовизуальная комната¹, спальня. Затем туалет, ванная, кухня и так далее. Но вряд ли стоит рассматривать варианты помещений с водопроводом. Все-таки, спрячь рукопись там, и она может намокнуть... Правда, я начал сомневаться, глядя на вторую подсказку. Такое рискованное место могло быть в самый раз. Я не был близко знаком с писателем, так что не могу сказать, насколько он азартен.

...После звонка Кондо-сана я вернулся к Кёко-сан и сообщил, что у Сунаги-сэнсэя возникли неотложные планы и он не сможет появиться на охоте за рукопись. Я думал, что это ее расстроит, но она выглядела крайне мотивированной:

– Значит будем искать рукопись без дополнительных подсказок.

Если подумать, Кёко-сан не хотела автограф писателя, и больше увлечена его работой, чем личностью. Так или иначе, награда прочесть неопубликованную работу Сунаги-сэнсэя подходит ей. Прибыв на станцию, Кондо-сан поприветствовал нас и подвез на машине до коттеджа писателя. Никаких других людей там не было. Тело покойного Сунаги-сэнсэя смотритель коттеджа и ответственный редактор Конака-сан увезли в больницу. Мы троим приехали в коттедж, лишившийся хозяина. Разумеется, Кондо-сан обставил все так, чтобы Кёко-сан приняла это за игру...

– Если мы надолго задержимся, семья умершего может нанести нам визит из больницы... Так что поторопитесь, Якусуке, – прошептал мне на ухо Кондо-сан.

Я думаю, что такой лимит для молниеносного детектива Кёко-сан – не проблема...

– Ладно, не стоит тратить время на размышления. Это игра – будет скучно сидеть и строить догадки с серьезным лицом. Давайте займемся оперативной работой, Какусидатэ-сан. В первую очередь, нам следует разделиться и обыскать коттедж. – предложила Кёко-сан.

Как простодушно. Как будто мы действительно играем в игру. Поглядев на ее невинную улыбку, Кондо-сан сказал мне:

– Я понимаю, что ты чувствуешь. Во время дела у Окитэгами-сан совсем другое выражение лица.

– Ага... Только я все еще думаю о нашем обмане.

Однако, энтузиазм Кёко-сан заставил меня отбросить это чувство вины. Наверное, как только ей рассказали о праве, подаренном Кондо-саном, первому нашедшему прочесть неопубликованную (теперь уже посмертную) работу по нахождению, напряжение усилилось... Для читателя все-таки здорово прочесть рукопись раньше редактора.

– Что ж, полагаюсь на тебя. – сказал Кондо-сан мне. Он отдал ключ Кёко-сан и покинул коттедж. Он этого не сказал, но он точно поехал в больницу. Итак, игра началась. На мне был план коттеджа. Кёко-сан исследует первый этаж, я – второй. На втором этаже был писательский кабинет. Звучит банально, но я начал искать рукопись именно там.

Войдя в комнату, я был удивлен. Стены были заставлены плотно забитыми книжными полками. Количество книг было огромным, но не таким большим, чтобы равнодушно называть это помещение архивом. Поэтому я остановился на «библиотеке». «Действительно, нужно столько материалов, чтобы писать романы». Но если взглянуть на эту кипу книг, то помимо словарей, технических книг, фотоальбомом, большую часть ее составляла проза. Похоже, что Сунага-сэнсэй был заядлым книгоцелем. Интересно, сколько времени у него ушло, чтобы поглотить все это?

– ...

«Наверное, целая жизнь ушла», подумал я и загрустил.

Эти расставленные книги – не просто случайный список. Сунага Хирубэ был писателем, и это была его жизнь. Говорят, что по книге можно определить личность читающего. Подумав об этом, я, как последний простак, с трепетом уставился на массивные полки.

Однако, мне это не по силам.

Если по прочтенным книгам можно судить о жизни человека, то это можно сделать и по написанным им книгам. Не стану отрицать, что мне гораздо важнее, чтобы Кёко-сан осталась в благоприятном расположении духа. у меня не было такого же рвения, как у Кондо-сана, вывести на свет последнюю работу Сунаги-сэнсэя.

Если просматривать одну за одной книги из этой кипы, пройдет целый день... Можно пока что построить какую-нибудь гипотезу. Тут я заметил на полке рядом с массивным, словно верстак, столом книги, все за авторством Сунаги-сэнсэя.

Книги в мягком и твердом переплете, переиздания, коллекционные издания, рекламные издания и так далее. Все абсолютно разного формата, так что считать бесполезно, но даже если попытаться подсчитать в одном издании, можно поразиться объему написанных работ. Я еще раз восхитился жизнью Сунаги-сэнсэя.

...Может быть, он переплел свою неопубликованную рукопись и положил сюда?

Кто-то другой отметет прочь такую дикую мысль, я же приступил к поиску. Это заняло какое-то время, но потом до меня дошло, что мы не знаем в каком виде новая работа спрятана в коттедже.

Поскольку здесь жил писатель, то и рукопись должна быть написана от руки или же напечатана.

Я подумал об этом, но это звучит слишком предубежденно. Откуда нам знать, если автор придерживался привычных нам рамок?

Тому подтверждение, на столе лежал ноутбук. Разве это не значит, что Сунага-сэнсэй остановился в своем коттедже, что написать на ноутбуке новое произведение? ...И еще, если вспомнить случай в лаборатории Сарасина, автор мог поместить роман на SD-карту и где угодно спрятать ее. Необязательно SD-карта, это мог быть USB-флэш-накопитель или компакт-диск. Или, как в случае с Сатой-сэнсэем, спрятать роман в облачном хранилище за паролем, который затем записать и спрятать.

Надо было мне обсудить это с Кондо-сан... Я мог бы позвонить и узнать, говорил ли ему Сунага-сэнсэй в каком виде тот спрятал свою работу, но игра уже началась и звонить сейчас было бы слишком нечестно. Такой уровень сложности был бы в духе игрового писателя, да и не хотелось лишать Кёко-сан удовольствия поучаствовать в охоте за сокровищем.

— И все же...

Я протянул руку и вытащил случайную книгу. «Дела детектива Мейко. Автор: Сунага Хирубэ».

Это детектив для детей, первая его произведение, которое я прочел в начальной школе. Одна из любимых мною книг Сунаги-сэнсэя — серия «Детектив Мейко». В ней было много иллюстраций и красных строк, как в типичной подростковой литературе. Но сейчас она мне кажется более взрослой: я припоминаю в той книжке хорошую сатиру. Сунага-сэнсэй, видимо, любил писать социальные детективы²... На меня нахлынула ностальгия, как когда со смущением смотришь на свои детские фотографии.

Я совсем об этом забыл.

А теперь вспомнил.

Понятно. Узнавать что-то новое – это словно читать новую книгу. Это так же приятно, как вспоминать что-то забытое из своего прошлого. Приятное чувство.

Кёко-сан, в свою очередь, постоянно теряет свои воспоминания. Надо быть начеку и не говорить с ней о подобном, поскольку мы никогда не сможем разделить это чувство.

Кстати о Кёко-сан, сколько из этих книг она помнит? Ведь она, должно быть, забывает каждый раз, когда читает новую книгу...

– Какусидатэ-сан, вы что-то нашли? – донесся голос из-за спины.

Это была Кёко-сан. Что и ожидалось от молниеносного детектива: закончила обыск первого этажа и поднялась на второй. Готов поспорить, ничего дельного не нашла, вот и пришла сюда... Я так сильно поразился количеству книг, что так и не приступил к полноценному поиску.

– Э-Эм...

– Ух ты, какая восхитительная комната, она точно принадлежит Сунаге-сэнсёю! – ее глаза заиграли как у девочки (Я смутился, но она не обратила внимания), и она пристально оглядела весь кабинет.

– Я хочу жить здесь!

– Р-Разве что землетрясения будут проблемой.

Услышав эти сильные слова, она посмотрела на меня жутко удивленным взглядом, не понимая, о чем говорит этот необразованный гигант».

– В-Вы же не мечтаете умереть под грудой книг? – пояснил я, чтобы снять напряжение.

Она поняла, что это была шутка и, растеряв свой профессионализм, смущено ответила:

– А, я об этом и не мечтаю.

Милашка.

Я не стал бы говорить такое, если бы книги вправду упали и убили кого-то... К счастью, Сунага-сэнсэй скончался, мирно лежа в постели.

– Я пока что ничего не нашел, – вернул я разговор в прежнее русло.

– Что, правда? Удивительно... – удивленно наклонила голову Кёко-сан. – Я думала, что кто-то вроде Какусидатэ-сана³ смог бы что-нибудь найти.

– ?

Я не понял, о чем это она, но решил, что Кёко-сан наверняка хотела осмотреть коттедж любимого писателя вдоль и поперек, поэтому начала с первого этажа, где рукопись вряд ли бы спрятали.

Действительно, если бы рукопись нашли, игра бы сразу закончилась... Этот всеохватывающий стиль игры позволял ей дистанцироваться от окончания поиска. Подобное отклонение от расследования Кёко-сан в деловом обликии никогда бы не допустила.

За один день я увидел столько выражений ее лица, как никогда раньше. Я еще раз выразил благодарность Кондо-сану, за то, что тот не рассказал о смерти Сунаги-сэнсэя, хотя и знал о ценности посмертного произведения.

Кёко-сан должно быть решила, что если я не найду подсказки, то ей это на руку, ведь игра продолжится.

— Тогда я присоединюсь к вам, — сказала она и встала сбоку от меня.

— Здесь много книг, которых я не знаю, но у нас нету времени читать... — с сожалением сказала Кёко-сан, взглянув на работы Сунаги-сэнсэя.

Пока я думал над тоном сказанного, я заговорил:

— Половину этих книг я даже не читал... А сколько прочли вы, Кёко-сан?

Вообще, из того, что я реально прочитал, наберется гораздо меньше половины.

— Дайте подумать... Ой! — Кёко-сан оборвалась на полуслове. — Нет уж, это слишком опасно. Я не помню новые книги, публиковавшиеся после определенной книги, поэтому по дате публикации той книги я могу сказать, как давно я потеряла память. Но это секрет фирмы.

— В-Вот как? Простите, если задал неуместный вопрос. — я запаниковал и извинился. Честное слово, я не хотел совать нос не в свое дело.

— О, вы не волнуйтесь. Я сегодня не на работе. Если отвечать на ваш вопрос, я прочитала около половины книг.

— Э? Вот как?

Удивительно, что так мало. Учитывая, какой она ярый фанат, я подумал, что она к той «определенной книге» прочла все произведения.

— Когда я увлеклась его творчеством, его книги стало сложно добывать. Таков был период... Но я счастлива, что он все такой же активный, каким я его помню. И теперь опубликуют его новую книгу.

— ...

Сунага-сэнсэй уже не такой «активный».

Он сейчас на небесах.

Наверняка, отдыхает в тишине.

Я сам решил скрыть это от Кёко-сан, но, чтобы мое молчание не показалось странным, я заговорил, но мои слова опять показались девушке грубыми:

– И-И все-таки, почему же Сасуга-сэнсэй решил вновь писать после стольких книг? Мне кажется, если он создал столько хитов, он мог бы на этом остановиться.

– А?

Как и ожидалось, я вызвал подозрения.

Хотя что в этом удивительного? За ее оживленной улыбкой, которую можно увидеть лишь в свободное от работы время, скрывался полноправный член общества, держащийся с достоинством и уважением.

– О чем вы говорите, Какусидатэ-сан? Для писателя естественно продолжать писать, разве нет?

– Н-Нет, я, это... Может, он работал ради заработка, а потом ему не хватило мотивации писать дальше? Мы говорили об этом с Кондо-сан, и похоже, что для писателей это норма – рано уходить в отставку...

Я придумал оправдание на месте, и тут же пожалел, решив, что я подливаю масла в огонь. Было абсолютно глупо сопоставлять творческую сторону человека с желанием заработать. Однако, Кёко-сан серьезно относится к финансовой стороне работы, так что без всякой злобы она сказала:

– Ну, подобные писатели существуют в реальности. Может, тогда им не стоит писать, если они пишут из необходимости, а не из желания. Кроме того, не все работы Сунаги-сэнсэя были успешными.

– П-Правда?

Если подумать, она упомянула, что некоторые его книги было сложно достать. Звучало так, будто она говорила о тяжелом труде, что демонстрировало мое невежество и низость.

Сейчас я нахожусь в поисках работы, так что я случайно подумал об этом... В этом же смысле (типичное беспокойство) Кёко-сан искала со мной посмертное произведение Сунаги-сэнсэя. Такое важное наследие для семьи покойного вероятно обернется трудностями.

– Кстати, а Сунага-сэнсэй был женат?

– ...Какусидатэ-сан, вы ничего не знаете про Сунагу-сэнсэя, – Кёко-сан была крайне шокирована, что меня удивило. – Он не женат. Он живет ради работы. И я уважаю его за то, как он полностью посвятил себя жанру детектива.

Тогда, значит, его имущество унаследуют братья или сестры, если они есть у него. И если учесть среднюю продолжительность жизни, то их родители вероятно еще живы.

– Н-Но Кёко-сан, возможно, что после того, как вы потеряли память, он женился, а вы не успели узнать об этом.

Глупо, если учитывать его возраст, но возможность есть. Тем более, что если подобный случай имеет место, то вопрос с наследованием осложнится.

– Сунага-сэнсэй не стал бы связывать себя такими узами. – убежденно заявила Кёко-сан. Вместо логического рассуждения детектива, это напоминало ворчание подростка, влюбленного в поп-идола...

– ...Какусидатэ-сан, возможно, вы женаты? В таком случае, простите меня, я погорячилась. Не подумайте, что я не одобряю институт брака.

– Н-Нет, я холост.

– Вот как? Это было невежливо... Совсем невежливо, верно? Хе-хе. У вас есть планы на этот счет?

– В-В принципе-то...

– А вот девушка, с которой вы встречаетесь, может ждать этого в обозримом будущем. Она не будет злиться, что в выходной день вы проводите не с ней, а со мной?

– Я ни с кем не встречаюсь... – из меня будто выбивают признание.

Похоже, что Кёко-сан не считает сегодняшний день свиданием. Я лишь пригласил ее, так что ничего не поделаешь.

– Вы, должно быть, тоже живете ради работы? Это прекрасно.

– А-А что насчет вас, Кёко-сан?

Сейчас я не живу ради работы, ведь у меня ее нет.

Но я ответил вопросом не для того, чтобы избежать разговоров о моей безработице. Я давно хотел узнать, существует ли любимый человек у Кёко-сан. Возможно, это приготовленное Кондо-саном свидание превратится в фарс, если у нее окажется любовник... Как бы мой неосторожный вопрос не сочли сексуальным домогательством. Но я всего лишь ответил вопросом на вопрос, так что беспокоиться нечего, и я набрался храбрости.

– Я тоже живу ради работы. У меня нет в планах иметь семью, – равнодушно ответила Кёко-сан. – Ведь кого бы я ни полюбила, я его сразу же забуду.

Примечания

1. Рекреационное помещение с аудио- и видеооборудованием

2. Поджанр детективной литературы в Японии – «социальный детектив». Стал популярен в 1950-х гг. В основе произведений этого поджанра лежат реальные события жизни страны. Стал проявлением «серьезного детектива» в стране, до этого детективные истории часто включали элементы приключенческих и фантастических романов.

3. Фамилия персонажа Какусидатэ – омоним фразы «хранить в тайне».

– Итак, что касается рукописи Сунаги-сэнсэя, я не думаю, что нам нужно много думать, а следует взглянуть на вещи иным взглядом. Бритва Оккама. Можно сохранить рукопись на смарт-карту и спрятать ее в трещине стены или в потолке, но Сунага-сэнсэй скорее всего решил не делать этого. А все потому, что это игра, которую задумал Сунага-сэнсэй – писатель детективов. Ответ должен быть в неочевидном месте, куда вы посмотрите и удивитесь: «Неужели здесь?» Будет интереснее, если игра закончится тем, что игроки в ее конце скажут: «Не может быть, чтобы книга пряталась здесь».

Неожиданно, Кёко-сан вошла в режим детектива. Возможно, она уже наговорила с «незнакомцем», то есть мной, в свое свободное время и теперь переключилась. Но меня эта смена поведения лишь успокоила. Как мне показалось, я переступил границы дозволенного насчет не только частной жизни Кёко-сан, но и ее сердца, а это мучило меня сильнее, чем обман с сегодняшней игрой.

Кондо-сан точно бы отругал меня за такую трусость. Я не был готов и мне не следовало звать Кёко-сан на свидание. Но сейчас я не могу избегать разговора с ней.

– Д-Да, да, рукопись... Можно предположить, что Сунага-сэнсэй написал свой роман на линованной бумаге¹? Я ведь не знаю, как именно он писал свои произведения...

– Он пишет перьевой ручкой на линованной бумаге, как в старые времена...

Кёко-сан рассказала мне то, чего я не знал о Сунаге-сэнсэе. Затем, она обратила внимание на ноутбук на столе, который скорее всего проверили.

– ...Нам, читателям, может показаться, что произведение сначала было написано от руки, а затем оцифровано, но автор мог поступить и иначе. Получается, самый короткий путь к ответу – это использовать те подсказки, – гордо произнесла Кёко-сан, походив вокруг да около.

Я сунул руку в карман и вынул план коттеджа, чтобы припомнить подсказки.

1 – Рукопись может быть прочитана примерно за 120 минут.

2 – Она спрятана в деликатном месте, поэтому будьте осторожны в поисках.

3 – Ищите, не там, где есть, а там, где нет.

4 –

Если отбросить отсутствующую четвертую подсказку, у нас их три... Какую выбрать? Если позволите, я не думаю, что данный текст – это какой-то шифр...

– Написано «120 минут», то есть 2 часа, но не написано, сколько страниц. Да и люди читают с разной скоростью. Я, например, могу прочесть где-то сто страниц небольшой книги...

Нужно еще учитывать формат рукописи. Если переводить текст из книги карманного издания на линованную бумагу, выйдет порядка 150 страниц. Это будет достаточно массивное чтиво, которое не удастся легко спрятать.

– С другой стороны, Кёко-сан, если переводить в цифровой формат, то количество страниц не имеет значения. Так что, если судить об объеме рукописи по подсказке №1, мы можем предположить, что она написана на бумаге... Кстати, а сколько вы можете прочесть за два часа?

– За два часа я могу прочесть почти всю книгу целиком.

Кёко-сан взяла с полки книгу «Золотое правило кражи» и начала ее перелистывать. А ведь правда, пока мы ехали сюда, она успела прочесть ту книжку. Молниеносный детектив даже книги читает с молниеносной скоростью.

Скоростное чтение. Специальная методика чтения. Скорость чтения у людей все-таки разная, и необязательно благодаря этой методике.

И все же, это дает нам какой-то минимум.

Не меньше пятидесяти страниц, но и не больше тысячи. Роман, которую мы ищем, – средней толщины.

– Хм, если хотите это так интерпретировать... почему бы и нет? – согласилась Кёко-сан.

Но мне она показалась несколько отстраненной – может у нее другое мнение?

Но я получил какое-никакое одобрение и перешел ко второй подсказке.

– Что может значить «в деликатном месте»? Я сначала решил, что имеются в виду места с водопроводом.

– Естественно, так можно подумать, если вспомнить озорной характер писателя. Однако, разве не было бы с его стороны рискованным прятать рукопись в туалете, на кухне, в ванной комнате или за раковиной?

– Но это было бы сюрпризом.

– Какусидатэ-сан, представьте, что вы редактор. Какое впечатление вы бы составили о писателе, который прячет рукопись в туалетном бачке?

– ...

Я не знал, что ответить на такой щекотливый вопрос... Однако, будь я писателем, я бы точно осторожно обращался со своим детищем. Мы ведь ищем «сокровище», так сказать. Очевидно, ведь изначально игра была задумана для ответственного редактора.

Так что же все-таки имеется в виду под «деликатным местом»? Если учесть все эти нюансы, может быть спальня? Постороннему не так уж легко войти в чужую спальню, и ее можно назвать «деликатным местом».

Вот только Кёко-сан уже осмотрела первый этаж и вернулась с пустыми руками... Думаю, столовую и спальню можно спокойно вычеркнуть. Тут я уже бессилён. Если Кёко-сан ничего не обнаружила, то я и подавно ничего не найду...

– Третья подсказка мне ничего не говорит. «Ищите не там, где есть, а там, где нет»... По мне это просто описывает суть охоты за сокровищем. А вот четвертая подсказка, прикрытая лентой, мне кажется полезной.

– «Возможно, вам понадобится карандаш» – эта? Я обыскала первый этаж, но не нашла ни одного карандаша, даже здесь в кабинете. Только механический. – Кёко-сан скрестила руки.

Я ожидал, что Кёко-сан строила какую-то гипотезу, но видимо мои надежды напрасны. Мы связались с неординарным писателем детективов. Даже великие детективы не могут сходу решить сложные загадки. Конечно же, в реальных играх все по-другому... Игрок в сёги не обязан выигрывать у компьютерного соперника, разве не так?

Тем не менее, это было некстати. Я пошел на все это, думая, что Кёко-сан легко найдет рукопись, и я даже не предполагал обратного.

Кондо-сан говорил мне о подобной проблеме, и в таком случае мне придется взять ответственность на себя. Среди записанных на моем телефоне детективов был один, чья раскрываемость была 100%. Судя по всему, мне придется позвонить «Всемогущему детективу»... Мне не хотелось делать этого.

– Тяжело, – сказала Кёко-сан. – Не похоже, что он в этом кабинете... Не столовая, не спальня, не кабинет, не аудиовизуальная комната. Если рассуждать методом исключения, то остаются туалет и кухня.

– Э? Погодите, Кёко-сан, я еще не обыскал ту комнату.

– Почему это? – Кёко-сан повысила голос.

Удивление было неподдельным. Должно быть, она ошибочно полагала, что я уже расследовал аудиовизуальную комнату, и потом перешел в кабинет.

Вы меня переоцениваете. Хотя с ее стороны было разумным предположить, что я закончил с обыском хотя бы одной комнаты, когда она сама уже обыскала две комнаты на первом этаже... Простите, что я не такой способный. Не думайте, что другие столь же быстры, как и вы. Я еще не успел пройти по аудиовизуальной комнате.

– Что же вы делаете, Какусидатэ-сан? Зачем вы отложили обыск самой подозрительной комнаты...?

Я не стану запоминать Кёко-сан, которая с удовольствием осматривала коттедж Сунаги-сэнсэя и попутно искала рукопись, а затем отругала меня... Но «самое подозрительное место»

– аудиовизуальная комната? Я думал, что самое подозрительное или подходящее место, чтобы спрятать рукопись будет писательский кабинет...

– Пойдемте же... По четырем подсказкам понятно, что Сунага-сэнсэй намекает на определенную комнату. Это должно быть очевидно. – Кёко-сан не стала дожидаться моей реакции и вышла из кабинета.

Растерянный, я поспешил за ней. Стыдно признавать, но я уже вдоволь насмотрелся на эту комнату... Кёко-сан почему-то спешила.

Нет, не спешила. По мне это было обычное для Кёко-сан поведение. Поведение молниеносного детектива – Окитэгами Кёко.

Детектив, относящийся к своей работе с профессионализмом.

Но для сегодняшней Кёко-сан это лишь игра... Изменилась ли она хоть сколько-нибудь внутри? Самый очевидный знак – то, что она уже натерпелась моей тупоголовости... А это весьма печально.

Когда я догнал Кёко-сан, она, как подобает молниеносному детективу, уже во всю исследовала комнату. Я хотел бы помочь, но вряд ли бы я смог: если такой гигант вошел бы туда, это стало бы помехой. Мне пришлось встать в проходе и наблюдать.

Нет, я и так побоялся бы заходить в комнату, не только потому, что я мог помешать работе Кёко-сан, но и потому что аудиовизуальная комната была прекрасно отделана.

Она не могла сравниться с кабинетом: новейшее звуковое оборудование и звуковая изоляция создавали впечатление студии звукозаписи. Разве я мог догадаться о том, что Сунага-сэнсэй – ценитель музыки, только по наличию аудиовизуальной комнаты в коттедже? Посреди комнаты располагалась софа, на которой можно сидеть и слушать музыку – уверен, ощущения неповторимые. Каждый элемент превосходно дополнял общую картину.

Если битком забитые полки в кабинете рассказывали книжную историю, то встроенные в стены этой комнаты стеллажи рассказывали историю музыкальную. Пластинки, кассеты, CD, MD, расставленные в аккуратные ряды, большая музыкальная шкатулка, музыкальный автомат, стоящий словно оборудование для караоке. Такая комната может по праву называться музеем музыки.

Значит, Сунага-сэнсэй был коллекционером?

Даже если и нет, музыкальный невежда вроде меня все равно захочет здесь послушать классическую музыку. Но в контексте нынешней ситуации такое скопление предметов – помеха в поиске, как бы хорошо не было это расставлено. И все же, почему Кёко-сан сосредоточилась на этой комнате вместо кабинета...? С другой стороны, моя идея, что рукопись спрятана среди книг, судя по всему, имела право на жизнь.

– О... А может быть... – мне пришла на ум одна мысль. – Продиктовать... текст?

Сейчас стали популярны текстовые программы, но раньше, насколько я знаю, такой метод был в ходу у писателей. Они проговаривали текст романа вслух, затем шли к специалистам, которые перепечатывали надиктованное.

Сунага-сэнсэй пользовался перьевой ручкой, но откуда нам знать, если он за свою длительную карьеру ни разу не воспользовался таким методом? Что если он спрятал запись своего голоса на каком-нибудь носителе?

– То, что книга читается за 120 минут, не означает, что мы должны ее прочесть. Это значит, что автор проговорил текст своей работы за столько времени...

– Нет, не значит.

Кёко-сан лаконично отвергла мою мысль. Она произнесла это, не поворачиваясь ко мне, пока ползала по ковровину и изучала стеллаж. Дополнительной причиной не направлять на нее взгляд были короткие шорты.

– Если диктовать историю вслух, то текста будет ужасно мало. Максимум, что может получиться, – это короткий рассказ.

– ...Пожалуй. Ну... А что если он сохранил, например, аудиозапись в облачном хранилище?

– Облачное хранилище? Каким образом тут замешаны облака? – в этот момент Кёко-сан обернулась.

Ползающая на четвереньках Кёко-сан выглядела слишком эротично, так что я отвел взгляд, и, чтобы не вызвать подозрения, начал спокойно как мог рассказывать о предыдущем деле. Я уже говорил об этом, но Кёко-сан никак не могла знать о прошлом деле, поэтому я вкратце объяснил, что такое облачное хранилище.

– Тем более не может быть. Это означало бы, что рукопись не находится в коттедже, и что игра с самого начала была нечестной. Я не могу согласиться с такой идеей.

– Аа... Вы точно не можете признать ее? Я не жалею, просто подсказок в самом деле мало.

– Нет, их слишком много. Соперником Сунаги-сэнсэя является не читатель, а редактор, поэтому логично, что он облегчил бы тому задачу. И то, что подсказок немного, делает загадку интереснее.

Взгляд Кёко-сан уже возвратился к стеллажу, пока она это говорила. Похоже, что ее больше интересовал софт, нежели само оборудование... Какой у Кёко-сан сейчас план действий? Похоже, что она перестала отвлекаться от поиска, по какой-то причине...

– Вообще, Какусидатэ-сан, вы были на верном пути, – этот спокойный и безразличный тон был свойственен «расследующей» Кёко-сан.

Это говорила не обыкновенная девушка, а Окитэгами Кёко – глава детективного агентства Окитэгами.

– Весьма прискорбно. Какусидатэ-сан, вы вполне могли бы найти рукопись и без моей помощи.

– Х-ха... Я так совсем не думаю. Вообще, я начинаю сомневаться, есть ли эта рукопись на самом де—

– Есть.

Кёко-сан прервала мои рассуждения, достала кое-что из стеллажа и показала мне.

И это «кое-что»

Меня крайне удивило.

Примечания

1. Гэнко-ёси — японская линованная бумага для письма. На ней размечены квадраты, обычно 200 или 400 на лист, причём в один квадрат предполагается поместить один знак японского письма или пунктуации. В прошлом гэнко-ёси использовалось для любых рукописных работ. Текст на 10 000 знаков занимает 40—45 листов гэнко-ёси.

Это была аудиокассета.

Она была на полке среди других таких же кассет.

Давно я не видел такую вещь. В отличие от пластинок, кассеты используются до сих пор, и это нормально встречать их в чем-то обиходе.

Кстати, точное название вроде бы «компакт-кассета»? Я не знал, по какой причине это название не так популярно¹.

На корпусе этой кассеты не было наклейки – почему Кёко-сан выбрала именно ее? Я слышал ее «Есть», значит она хотела порадоваться тому, что найдет рукопись Сунаги-сэнсэя, но вдруг она не это имела в виду? Может она нашла что-то, что поможет нам найти рукопись, или какую-то странную, но не важную вещь?

Однако, Кёко-сан встала и произнесла:

– Игра пройдена. Спасибо за участие, – на ее лице была ухмылка детектива, раскрывшего тайну.

– П... Погодите-ка, Кёко-сан. Я не понимаю, почему вы решили, что игра окончена, раз вы достали эту кассету. И разве сейчас время благодарить за участие? Пожалуйста, объясните это и предъявите доказательства.

– В этом месте будет сложно предъявить доказательство.

В ответ на мои слова, прозвучавшие как реплики второстепенного персонажа, Кёко-сан повела себя на удивление скромно. И, конечно же, она продолжила играть главную роль:

– Но объяснить будет несложно. Во-первых... Одна из четырех подсказок была скрыта, помните?

– Ну да, но что с того? Какое отношение карандаш имеет к кассете?

– Первой подсказкой было то, что текст не замазали корректирующей жидкостью, а закрыли лентой. Корректирующей лентой. Очень похоже на аудиокассету, не так ли?

– Э? Д-Да.

Все так, как она говорит... Но как можно было провести связь между лентой и кассетой? Такую подсказку можно было бы написать, а так связь сомнительна.

– Скрывающая за корректирующей лентой надпись: «Возможно, вам понадобится карандаш». А теперь, посмотрите на кассету.

Кёко-сан держала кассету, вынутую из футляра, и указала на два отверстия в центре.

– Чтобы настроить время проигрывания, надо вставить карандаш и покрутить ленту.

– ...

Она дала объяснение, но я уже знал об этом. Может, так и делают, но вообще можно догадаться использовать мизинец вместо карандаша, подумал я. Но теперь подсказка, скрытая за корректирующей лентой, имела смысл.

– Кёко-сан, получается, что прочитав четвертую подсказку, вы догадались, что речь шла о кассете, и сочли аудиовизуальную комнату самой подозрительной?

– Ни в коей мере. Я ни за что бы не догадалась, что в корректирующей ленте содержится намек на аудиокассету. Четвертая подсказка была лишь прикрытием рационального зерна. Очевидно, что сам текст был лучшей подсказкой.

– Очевидно, говорите...? Если бы вы не сказали, я бы не догадался.

– Вот, посмотрите, что здесь написано.

Кёко-сан показала на число «120», нанесенное на корпус непомеченной кассеты. Это означало, что кассета может записать до 120 минут музыки...

– Э? Не может этого быть. Подсказка про чтение за 120 минут означала эти 120 минут...

– Да, верно, – Кёко-сан с невинным взглядом кивнула. – Я тщательно осматривала стеллажи и искала кассеты, которые могут записывать 120 минут звука, но такая была только одна, а остальные записывали 45, 60 и 90 минут. Кстати, диски CD и MD не способны записать столько времени. Так что, я опознала в данной кассете спрятанную рукопись.

– Н-Нет.

Что же вы наделали, Кёко-сан?

Я так сильно разволновался.

Ведь это же она сказала мне, что за два часа невозможно надиктовать историю больше небольшого рассказа. Неужели она об этом забыла? Может, она ненадолго прилегла и ее память стерлась? Или обратное, что если хвастаться превосходством своей памяти в дневное время, симптомы только ухудшатся? В таком случае, Кёко-сан не стоит заниматься расследованием и охотой за сокровищем, а спешить в больницу–

– К-Кёко-сан, пожалуйста, напомните мне. Вы ведь говорили, что метод диктовки невозможен?

– Верно, говорила. Метод диктовки невозможен.

Кёко-сан подтвердила сказанное. Слава Богу, она не потеряла память.

– За 120 минут невозможно надиктовать историю больше небольшого рассказа. К тому же, язык начнет заплетаться.

– Н-Ну да.

– С другой стороны, это возможно. Возможно использовать кассету как программу, чтобы записать на ней роман.

– Ч-Что?

Хорошо, что Кёко-сан не потеряла память, но мое удивление лишь нарастало. Надиктовать роман на кассету невозможно, сохранить в облачном хранилище тоже... Так почему же она утверждает, что на этой кассете рукопись Сунаги-сэнсэя?

– Именно так. За то, что вы любезно предоставили мне новые знания об облачном хранилище, Какусидатэ-сан, я передам вам знания, полученные мной давно, об аудиокассетах.

Кёко-сан сказала:

– На них можно хранить цифровую информацию.

Примечания

1. В тексте были указаны кальки "cassette tape" и "compact cassette". Персонажи гораздо чаще употребляют первый вариант вместо "официального" второго.

– Все дело в магнитной ленте. Если это лента из двухчасовой кассеты, то на ней можно сохранить примерно 500 килобайт информации. А в таком объеме можно сохранить текстовый файл с длинным романом.

Подобное объяснение заставило меня вспомнить. Не знаю, узнал ли я это с какой-то целью, но вспомнить было приятно.

Точно.

Где-то с четверть века назад на компьютере запустили программу, считывающую аудиокассету. Сейчас кассеты считаются только средством для прослушивания музыки, но оригинально они были таким же информационным носителем, как компакт-диск, USB-флеш-накопитель и даже облачное хранилище.

Так вот что значило «деликатное место» из второй подсказки... Когда ты слушаешь музыку, тебе незачем волноваться за кассету, но если ты используешь ее как носитель информации, то она становится хрупкой. Все из-за магнитной ленты... Если несколько раз ее считывать, то с каждым разом повреждения будут серьезнее.

– ...По первой подсказке можно было предположить, что информация может быть считана за 120 минут, верно?

– Это не мог быть голос, ведь ему не хватит 120 минут, поэтому такой вывод логичен, согласны?

– Т-Тогда, что означает третья подсказка?

– Я думаю «ищите там, где нет» означает, что устройство для записи данных на кассету находится не в коттедже. Поэтому я говорила вам, что не могу предъявить доказательства... Но когда мы найдем старый компьютер, который стоит где-то для показухи, мы считаем кассету и узнаем правду.

Все так и есть.

Сунага-сэнсэй был автором, пишущим от руки, но на его столе в кабинете лежал ноутбук – может это был своего рода намек...? Вообще-то, когда я увидел его, мне в голову пришла идея, что рукопись была переведена в цифровой формат. А самой большой подсказкой было то, что упоминались «120 минут» вместо «2 часов». Писатель подчеркнул, что, как и на компакт-диск, на аудиокассету тоже можно записать простые данные.

Но я не развил мысль до того, чтобы догадаться про аудиокассету. Кроме того, с данным решением можно было согласиться. Зная ответ, заявление Кёко-сан о том, что подсказок слишком много, становится убедительным. Это слишком очевидно. У Кёко-сан было полно времени, после того, как она взглянула на первую подсказку и увидела аудиовизуальную комнату, отмеченную на плане коттеджа, чтобы разгадать загадку.

Я словно слышал громкий смех Сунаги-сэнсэя. Нет, может он не стал бы смеяться, но то, что я так долго и бесплодно метался по кабинету известного писателя, точно доставило ему удовольствие. Заметив, что я устыдился из-за своей промажки, Кёко-сан поддержала меня:

– Все-таки, с того момента моя память не обновлялась. Если бы Какусидатэ-сан воспользовался знанием об аудиокассетах, то у вас было бы преимущество.

Может и так, но Кёко-сан не смущало то, что хоть она и живет в современности, она помнит про те времена, когда кассеты могли быть использованы как информационный носитель.

Вообще-то я должен восхвалять ее способности как детектива. Однако, даже Кёко-сан не способна на все.

Может быть из-за того, что я расслабился, когда работа была завершена, но в конце я совершил непростительную ошибку. Положив кассету обратно в футляр, Кёко-сан протянула ее мне.

– Позаботьтесь о ней, Какусидатэ-сан. Это неопубликованная рукопись Сунаги-сэнсэя. Нужно его сначала распечатать, поэтому сейчас он не годится как плата. Но вы обещали, что я буду первой, кто прочтет его, поэтому берегите его, хорошо? Публикация займет время, но, если у вас есть связи в издательстве, скорее всего, вам удастся найти устройство для считывания данных. Я не смогла его найти среди вещей покойного, но думаю, если вы еще раз поищите, вам удастся найти его...

– Хорошо, так и поступим, – я взял в руки футляр с кассетой, и вдруг до меня дошло.

– В...Вещи покойного?

– Ах, – вырвалось из ее губ.

Было слишком поздно.

– В-Вы это заметили, Кёко-сан? Что Сунага-сэнсэй скончался—

– ...

Кёко-сан стыдливо отвела взгляд и ничего не сказала, но такая реакция говорила громче всех возможных подсказок.

Какое-то время спустя я встретился с Кондо-саном в кафе рядом с издательством, что забрать распечатанную последнюю рукопись Сунаги Хирубэ. Мне дали задание отнести ее Кёко-сан... Видимо, моя реакция была слишком подозрительной, и полагая, что я воспользуюсь этим поручением как предлогом снова увидеться с Кёко-сан, Кондо-сан допросил меня насчет деталей, которые я до сего момента умалчивал.

– Выходит, Якусуке, что Окитэгами-сан сразу раскрыла твою ложь?

– Нет, думаю она поняла это позже и поэтому быстро перешла в режим детектива... Она перестала отвлекаться на пустяки и всерьез занялась разгадкой игры.

В тот момент Кёко-сан предположила, что работа Сунаги-сэнсэя может быть посмертной, и игра приняла серьезный оборот. Если так и было, то это должно быть случилось за один миг. Она проявила себя как профессионал. А я, в свою очередь, вел себя как последний дилетант.

– В кабинете я часто при Кёко-сан упоминал Сунагу-сэнсэя в прошлом времени, сам того не замечая... Видимо тогда она и догадалась. Может, она до того заметила что-то в его спальне или что-то почувствовала. И даже если не в этом дело, мое поведение до начала игры после разговора с вами, Кондо-сан, могло вызвать подозрения...

– Ясно... Ты только не вини себя, Якусуке. Ты ничего плохого не сделал. Никому не дано обвести великого детектива вокруг пальца.

– Спасибо, что пытаетесь меня успокоить, Кондо-сан, но я не могу не испытывать чувство вины. И дело даже не в наивной лжи... После того как она узнала, что Сунага-сэнсэй умер, Кёко-сан продолжила подыгрывать мне – этого нельзя не стыдиться.

Я хотел позаботиться о ее чувствах, а она в итоге позаботилась о моих.

Какой же позор.

Для большого поклонника было бы шоком услышать, что его любимый автор скончался. И Кёко-сан ничего не сказала, разыграла незнание и продолжила игру... Должно быть, она злилась на меня, того, кто не позаботился о ее чувствах, а нагло обманул.

...Но теперь я не могу за это извиниться. Прошло несколько дней и память Кёко-сан стерлась – она уже не помнит мой обман. Рукопись покажется ей приятным сюрпризом, истинной сущности которого она уже не помнит.

Память Кёко-сан гораздо более деликатная, чем магнитная лента.

Нет, может быть лучшим словом будет «легко стирающаяся»?

Даже такой спор не может существовать внутри нее.

– Тебе будет приятно вновь увидиться с Окитэгами-сан, которая беспокоилась за твои чувства. Уверен, и она будет счастлива, Якусукэ, когда узнает про то, как ты переживал за нее. Неплохой обмен, на мой взгляд.

– Звучит убедительно, конечно... Но мне все равно неловко.

Правда, это чувство не обоюдно... Я бы предпочел отправить распечатанную, еще неопубликованную рукопись по почте.

– ...Вот только есть проблема. Раз ты так считаешь, то мне будет неудобно просить тебе об одолжении. Давай тогда в другой раз обсудим это?

– У вас какая-то проблема, Кондо-сан? Вы хотите, чтобы я сделал что-то еще, помимо доставки рукописи? Не надо стесняться, просите меня о чем угодно. Это все равно поможет мне отвлечься от моих переживаний.

– Вот только это опять связано с Окитэгами-сан. Не мог бы ты передать мое обращение за услугой, когда принесешь ей рукопись?

– За услугой?

– Да. Данная работа без сомнения требует услуг великого детектива. Недавно прошли похороны Сунаги-сэнсэя... И выяснилось, что в его смерти есть подозрительные обстоятельства.

(Вы свободны, Кёко-сан? – ЗАБВЕНИЕ)

Эпизод четвертый. Прошу прощения, Кёко-сан

Если подумать, я никогда не нажимаю кнопку остановки в автобусе. Когда надо выходить на остановке, я жду, что кто-то другой нажмет кнопку. В таком случае, непонятно, действительно ли ты хочешь выйти на этой остановке или ты жмешь кнопку под давлением стоящих позади пассажиров.

Я не столь волевой и активный человек – я буду ждать, пока кто-то другой сделает первый шаг. Пусть течение судьбы унесет меня. Вы может быть посмеялись над тем, что «Это лишь кнопка выхода!», но, по-моему, это в точности описывает мою жизнь, некий символ. Такой человек, как я, который ведом толпой, не выйдет из автобуса первым, и он не видит в этом проблемы. Но если никто не нажмет на кнопку, то я, скорее всего, поеду дальше, не сойдя на остановке, которая была для меня.

Те, кто думают иначе, сами нажмут кнопку. На словах это все просто, но почему мне кажется, что в экстренной ситуации можно поступить иначе, чем в обыденной?

А так я отношусь ко всему.

Я не начну действовать.

Я буду стоять как столб и тупо реагировать на происходящее. Я этим напрашиваюсь на то, чтобы впутаться в какое-то происшествие.

Как, например, в это дело. Если бы не Кондо-сан, я ни за что бы не пошел с Кёко-сан на свидание, которое потом обернулось жутким чувством неловкости между ней и мной. Затем, держа в себе это чувство и надежду, что я больше не встречу с Кёко-сан, я снова принял просьбу Кондо-сана. Официально и беспечно я сел на этот автобус, поскольку нет лучшей замены моей воле, решил я.

– Ну уж нет, Кондо-сан. Я считаю, что не стоит давать Кёко-сан это дело. Я не имею ничего против нее, но думаю, что вам стоит позвонить другому детективу, – я попытался хоть как-то отвязаться, однако Кондо-сан был непоколебим.

– Я хочу поручить это Кёко-сан.

– Почему? Я понимаю, в деле Сатой-сэнсэя вы были под впечатлением от многообразного гения Кёко-сан. Однако, в списке рекомендованных мной детективов вы не найдете ее имя в верхних строчках. Я не хочу сказать, что она слабовата но, без сомнения, она темная лошадка среди детективов. Если действительно есть странные обстоятельства, которые говорят о возможности насильственной смерти Сунага-сэнсэя, то лучше подыскать более подходящего кандидата—

– Я считаю, что Окитэгами-сан – подходящий кандидат... Все-таки она поклонница Сунага-сэнсэя.

– ...?

Непонятно, что он этим имел в виду, но его уверенность убедила и меня. Стоит к тому же учитывать, что Сунага-сэнсэй был писателем детективов.

Это несколько предосудительно, но для профессиональных детективов те тайны, что описаны в художественных произведениях, – полная выдумка. К ним относятся весьма пренебрежительно из-за того, что сравнивая их с реальной жизнью, «реальная профессия и работа оказываются не столь привлекательными». Если к классическим шедеврам еще сохранилось уважение, то на современную детективную прозу смотрят косо. Так что Кондо-сан считает, что обычные детективы используют свою работу как отмазку, а Кёко-сан вряд ли так поступит, поскольку она детектив и поклонница Сунаги-сэнсэя.

Это было убедительно, но, когда я отправился в детективное агентство Кёко-сан на следующий день, эта причина показалась мне сомнительной.

Может, не стоит поручать ей дело только из-за того, что она поклонница творчества писателя? И мы не сможем участвовать в деле, пока полиция будет расследовать членов семьи, ведь так? Одна только поездка в коттедж Сунаги-сэнсэя взбудоражила Кёко-сан. Если ей поручить расследовать его смерть, она, скорее всего, не сможет работать спокойно... Мне уже хочется надеяться, что для профессионала своего дела это невозможно. Пока я прокручивал в голове все эти расклады, кто-то уже нажал за меня кнопку выхода. Держа в руках неопубликованную посмертную рукопись Сунаги Хирубэ, я встал с сиденья и вышел из автобуса.

Детективное агентство Окитэгами располагалось на третьем этаже здания, в котором находится также и дом Кёко-сан. Здание зажато в тесноте небоскребов в деловом районе города. Как выкупленное для создания частной детективной фирмы, оно однозначно выделялось на фоне остальных строений своей многозначительностью. Кроме того, крупные деньги были вложены в самую современную систему безопасности, так что в надежности здание Окитэгами по всем фронтам опережало своих соседей по району.

Само собой.

По долгу службы детектив вскрывает всю подноготную человека, лезет в его тайны и личную жизнь. Иногда их презирают за это, иногда – нет. Это рискованная работа, где приходится переступать грань между черным и белым. Кёко-сан как-то сказала, что «нельзя поднимать руку на детектива – это нечестно», но случаи, когда детектив сам становится жертвой, не редки.

Кёко-сан не может не понимать этого, и поэтому ей необходим такой уровень охраны.

Кроме того, основания политика Кёко-сан – полная конфиденциальность клиентов, поскольку на следующий день все, за что она отвечала, стирается из ее памяти. И есть риск, что она потеряет бдительность, если она не знает, кто имеет на нее зуб. Когда девушка-детектив ведет свой бизнес, такой риск еще выше, и кто знает, повезет ли ей в той или иной ситуации.

Поэтому в крепости детектива Окитэгами, ее офисе, стоит чрезмерная система безопасности. Наверное, это здание было так спроектировано одной из версий Кёко-сан. Каждый день она обновляет систему как антивирусную программу. Я говорю об этом, как знаток, но сам я посещаю это здание лишь третий раз.

В большинстве случаев, когда мне надо воспользоваться услугами Кёко-сан, я прошу разрешения на месте преступления сделать звонок, а не иду в само агентство. Поскольку она работает одна как «молниеносный детектив», я считал, что мне нет нужды ходить.

В общем, я беспечно приблизился к зданию и, забеспокоившись, как во времена своего первого ареста, осторожно позвонил в интерком.

– Слушаю, – прозвучал голос Кёко-сан.

Никто, кроме нее, не работал в детективном агентстве Окитэгами. Она также выполняла обязанности секретаря. Я представился:

– Это Какусидатэ-сан, я звонил вам. Какусидатэ Якусукэ.

– Ясно. Прошу, заходите, – ответила она, и дверь открылась.

Похоже, я прошел идентификацию. Но не время отдыхать: до приемной будет еще много проверок, как аэропорту.

Возможно, Кёко-сан стала жертвой в этом здании. С чувством, когда не получается отличить реальность от выдумки из-за этого подобию «закрытой комнаты», я вошел в здание.

Спустя час я наконец-то добился аудиенции с великим детективом Окитэгами Кёко-сан. Пройдя два этажа, я присел в приемной на диван для клиентов.

На кухне, совмещенной с приемной, Кёко-сан заваривала кофе, а я оглядывал комнату, в которой уже давно не был. Я не заметил крупных изменений – честно говоря, здесь все такое же неживое.

Не то, чтобы совсем ничего не изменилось.

Интерьер окрашен в белый цвет, самый минимум мебели. Наверное, здесь легко убираться. Здесь был такой же порядок, какой был у Сатой-сэнсэя, которая совмещала современность рабочего места с заурядной квартирой, но назвать эту комнату какой-либо, кроме как безвкусной, язык не поворачивается. Однако в распоряжении владелицы целое здание, и вполне вероятно, что она использует остальные комнаты, которые клиенты проходят по пути к приемной, для хранения вещей...

– Можете пить, если пожелаете, – Кёко-сан поставила чашки с кофе на стол и села передо мной.

Я сравнил ее нынешнее лицо с той жизнерадостной улыбкой, которую я видел в день игры, и стало ясно, что детектив нацепила на себя «рабочую» улыбку.

Я чувствовал, будто этой улыбкой была воздвигнута стена между нами.

Если это так, то я рад, что она не помнит про то время, когда у нее была честная улыбка, но с этим сложно было что-либо поделать. Я не Кёко-сан, я не забываю вещи.

Особенно тот самый раз, когда мы с Кёко-сан ехали на поезде к Сунаге-сэнсэю, к тому времени уже скончавшемуся. Я думал, что, хоть и не стоит, но мне не хотелось упоминать при ней о смерти писателя, ведь она была так счастлива. Я этого никогда не забуду.

...Другой очевидной деталью был наряд Кёко-сан – она сегодня не полная энергии девушка, а уравновешенный детектив. Зеленая юбка-клеш, белая блузка и шарф, обернутый вокруг шеи. В сравнении с той неформальной одеждой, сейчас она выглядела еще изящнее.

– ...

К кофе не были поданы сахар или сливки. Типичный кофе детективного агентства Окитэгами всегда черный и крайне горький, чтобы мгновенно пробудиться. Я пригубил приготовленный Кёко-сан кофе, и она тоже взяла в руку чашку.

– Итак, Какусидатэ-сан, по поводу вашего дела... Я так понимаю, мы договорились на бартер... Что касается нынешнего дела...

– П-Погодите, Кёко-сан. Перед этим, возьмите пожалуйста, – я протянул ей конверт. – Это с прошлого дела... ваша оплата. Думаю, вы забыли о нем, это был весьма странный случай.

Я разволновался и поэтому не дал дельного объяснения. И я не упомянул, что мы ходили на свидание, так что, что бы я ни сказал, это прозвучит непонятно.

– О.

Кёко-сан дала безразличный ответ. Она не помнит свой энтузиазм по тому делу. Словно соблюдает свой рабочий кодекс детектива.

– Это неопубликованная работа Сунаги Хирубэ, а также посмертная.

Я не стал скрывать эту деталь. Не скажи я это, разговор бы никуда не продвинулся. Как только я сказал это, Кёко-сан выплюнула кофе.

...Реакция была иной, чем я представлял. Я выбрал не лучший момент. Не надо было говорить, когда она так элегантно пила кофе.

– П-Прошу прощения. Подождите здесь немного.

Прикрывая рот, Кёко-сан встала и исчезла в противоположной от офиса комнате. Вернулась она уже в другой, неиспачканной одежде. Теперь я догадался, что за этой дверью скрывалась личная комната. На девушке была тонкая, вязаная водолазка и длинная джинсовая юбка. Если подумать, я никогда не видел Кёко-сан в одной и той же одежде. Она где-то держит у себя бесконечный гардероб?

– Простите за ожидание. Вы сказали, что это – посмертная работа Сунаги-сэнсэя? – она моментально перешла к сути.

Довольно мило – она будто пыталась спрятать свое смущение.

– Я узнала о смерти Сунаги Хирубэ-сэнсэя из утренних новостей... Вы можете рассказать в деталях, почему его рукопись передали мне? – с проснувшимся любопытством спросила она.

Новость про кончину Сунаги-сэнсэя уже известна всему миру... Сейчас это одна из самых горячих новостей, которые потрясли мир, и, судя по всему, Кёко-сан уже в курсе. Какое счастье, что мне не надо уже объяснять это самому. Интересно, как сильно она отреагировала на новость о смерти ее любимого автора? Вероятно, это было шокирующей вестью... Новости уже дали ей некое представление об этом случае, и отсюда будет проще объяснять.

Как минимум тот факт, что она была в коттедже покойного.

– Вы не против обсудить то, как это стало оплатой за мою предыдущую работу?

– Нет, я не против. Без этого я все равно не смогу поговорить о предстоящей просьбе. Но сначала возьмите это, пожалуйста. Давайте проведем грань между тем случаем и этим.

Я лично сделал акцент на работе вместо Кёко-сан. Я не собирался рассказывать о том, что это была игра или же свидание.

– Верно... Если я получаю посмертную рукопись Сунаги-сэнсэя, значит прошлой мне досталась неплохая работа.

Деловая улыбка на лице Кёко-сан исчезла, и та широко заулыбалась при виде конверта. Она крепко прижала его к себе, будто желая, чтобы он стал рукописью.

– И-Извините, но это не его личный почерк. И-И еще, вы только можете прочесть его первой, а потом, насколько я понимаю, надо будет опубликовать его... – я не мог не прокомментировать ее действия.

В результате, я свел преждевременную радость Кёко-сан на нет.

– Ах, вот оно что, – разочаровано протянула она. Ее лицо немного поникло, но она не ослабила хватку на конверт.

– Кроме того, от того, примитесь ли вы за работу или нет, зависит публикация этой книги, но...

– Мне все ясно. Положитесь на меня.

Кёко-сан сказала это, не расспросив о деталях. Видимо, тот факт, что судьба книги зависит от нее, дал ей большую мотивацию. Она сейчас целиком и полностью погрузилась в работу, так что напряжение, связанное с тем случаем, исчезло...

– Как бы скромны ни были мои способности, положитесь на мою помощь. На следующий день я все это забуду, – сказала Кёко-сан.

Все случится так, как она сказала.

Кёко-сан все забудет, и я исчезну без следа.

Для удачного разрешения дела нужна определенная информация. Но когда я запросил услуги Кёко-сан, мне пришлось опустить некоторые детали в моем рассказе о «поиске спрятанной посмертной рукописи». Нам было бы неловко, расскажи я всю правду. Я также не собирался сыпать соль на вызванную мной рану.

Клиенты всегда врут.

Я невольно подтверждал слова Кёко-сан.

Я рассказал о спрятанной в аудиокассете рукописи, что сначала ей сообщили про кончину Сунаги-сэнсэя, потом поручили поиск его посмертной рукописи, и она нашла ее. То есть, представил все как обычное дело, от начала до конца. Выслушав меня, Кёко-сан наклонила голову:

– Хм. Ваш рассказ мне показался несколько странным... Но не будем об этом... Вы закончили?

Как я и предполагал, она почуяла мою ложь. В принципе, меня подозревают по любому поводу – возможно, во мне и здесь засомневались.

– Таким образом, я разыскала посмертную рукопись Сунаги-сэнсэя, и в качестве оплаты мне предоставили ее распечатанную копию. Какое облегчение. Но вы упомянули, что ваша нынешняя просьба связана с тем случаем, значит той «сказке не конец»? Что-то произошло?

Наверное, потому что дело в Сунаге-сэнсэе, Кёко-сан живо подалась вперед. Глядя на Кёко-сан, ведущую себя как поклонница Сунаги-сэнсэя, я начал соглашаться с выбором Кондо-сана.

– Сначала мы думали, что Сунага-сэнсэй скончался от естественных причин, однако недавно в его смерти были обнаружены некие странности. Возможно даже криминального характера...

– Криминального? Ооо... – глаза Кёко-сан загорелись.

Это была реакция великого детектива на слова о возможном преступлении. Ее профессиональное чутье, так сказать.

– Пожалуйста, просветите меня. Вы хотите сказать...

– Нет, мы еще не пришли к этому выводу. Мы лишь хотим провести расследование... Может быть, Сунага-сэнсэй совершил самоубийство.

– ...

Я беспокоился, что мне стоит брать в расчет фанатизм Кёко-сан по отношению к автору. Выдав свое предположение, Кёко-сан замолчала.

Я продолжил с большей осторожностью.

– Я лишь хочу сказать, что, судя по всему, Сунага-сэнсэй регулярно принимал снотворное, и, как показали результаты вскрытия, в ту ночь он превысил дозу...

– Вскрытие? – Кёко-сан нахмурила свои прелестные брови. – Это дело не считают криминальным, однако провели... вскрытие? Обычно так не поступают... Хм. Нужно было получить согласие семьи. Значит, кто-то в семье предполагал, что смерть Сунаги-сэнсэя не случайна. Но не будем пока об этом. Вы говорили, что причиной смерти стала сердечная недостаточность. Получается, она была вызвана передозировкой снотворного?

– Сказать точно нельзя, но шанс есть, правда, смутный. Все-таки, он был здоровым человеком до недавнего времени. Можно допустить, что возраст дал о себе знать, и когда он принял обычное лекарство, скончался – это весьма обыденный случай... Но нельзя с уверенностью сказать, что превышенная доза снотворного была принята с целью убить. Стоит учитывать вероятность, что это не преступление, и что писатель состарился и умер от сердечного приступа. Об этом говорит и принятое лекарство.

– Значит, поэтому вы хотите провести расследование. То есть... Вы хотите услышать мое мнение по поводу того, был ли убит Сунага-сэнсэй или нет? Это... честно говоря, может быть весьма сложно. Что-то сделать возможно, но, учитывая сколько прошло времени, не думаю, что один детектив способен сделать больше, чем полиция и медэкспертиза.

Это было разумное рассуждение, в духе Кёко-сан.

– Да, я вас понимаю. Но если выяснится, что Сунага-сэнсэй совершил самоубийство, ажиотаж будет еще сильнее, чем уже есть... Если так случится, то с этим уже ничего не будет поделать.

– «Он не совершал самоубийство» – вам нужны доказательства этого утверждения? – предугадала Кёко-сан.

– Доказательства, опровергающие самоубийство... Я догадываюсь, что это может быть сложно, даже сложнее, чем доказать, что он правда покончил с собой.

– Попробуйте подумать об этом как о просьбе решить дело, о котором вы многое узнали. К тому же, издательство просит вас подойти к этому делу иначе, чем полиция и врачи. И еще, дело в этой рукописи.

Я указал на рукопись, которую Кёко-сан держала в руках.

– Как вы уже поняли, эту рукопись Сунага-сэнсэй написал незадолго до своей смерти. Если смерть писателя не была случайностью, а самоубийством, в его работе могут быть на это намеки, понимаете?

– Вы так думаете? Хм... То есть, вы хотите, чтобы я воспользовалась своим правом первого читателя и узнала это? ...У меня не будет времени насладиться произведением, знаете ли. – Кёко-сан уловила мою мысль. – Если, конечно, это действительно предсмертная записка.

Я кивнул.

– Так и есть... Сунага-сэнсэй не оставил завещания, так что между членами семьи идет спор о наследовании...

Упс, я выдал лишнее? Но для детективов не бывает «слишком много» информации.

– Следовательно, родственники хотят докопаться до сути. – размышляла Кёко-сан. – Наверное, они подозревают, что это не самоубийство, а умышленное убийство... Что кто-то подсыпал лишних таблеток снотворного писателю.

– Т-Такое возможно? – я наклонился вперед в ожидании ответа.

– Кто знает? – Кёко-сан пожала плечами. – Если даже и так, мне этого мало.

– Мало... А, вы говорите об оплате? Ну да, странно, что вас просят найти намеки на самоубийство в рукописи. Еще бы вы не попросили высокую плату от издательства за консультацию—

– Вы меня не поняли. – она покачала головой. – Как бы близко мы не были знакомы в прошлом, я это уже забыла. Какусидатэ-сан, какой бы жадной вы меня ни считали... вы заблуждаетесь. Я не до такой степени меркантильна. Я хотела сказать, что даже если я прочту рукопись Сунаги-сэнсэя от корки до корки, я не смогу найти намек на самоубийство. Чтобы выяснить подоплеку романа, я должна прочитать другие произведения автора.

– Д-Другие произведения, говорите?

Посмертная работа как предсмертная записка.

Если так представлять это, то за всю жизнь Сунага-сэнсэя им было создано множество работ... Я недавно был в коттедже писателя и видел, что его произведениям был посвящен целый книжный шкаф.

– Какусидатэ-сан, вы в состоянии прислать мне все произведения Сунаги-сэнсэя?

– Д-Думаю, что да, – одерганный энтузиазмом Кёко-сан, я кивнул в согласии.

Я не подумав дал обещание. Впрочем, если что можно попросить Кондо-сана достать книги, которые уже не публикуются.

В худшем случае, ничто не помешает мне обратиться в библиотеку или букинистический магазин.

Когда я только представляю, сколько книг потребуется найти...

– П-Послушайте, Кёко-сан... Если мы исключим те книги, которые вы читали и помните, то получится разумное количество. Иначе вам не удастся прочесть все за один день.

– Мы не будем исключать прочтенные мной книги. Нужно тщательно перечесть непубликующиеся книги, те, что я не стала читать, те, что я помню и не помню. Даже если я не в состоянии завершить чтение за один день, я сделаю это с толком.

Ее речь прозвучала громко. Шлепнув себя по щекам, она заявила:

– Я подойду к этому с тщательностью... и не буду спать.

Покинув агентство Окитэгами, я сразу же заказал у Кондо-сана все произведения Сунаги Хирубэ.

– Хорошо. Полагаю, я успею собрать все к завтра. – отпрапортовал Кондо-сан.

– Спасибо, надеюсь я вам не обуза. Кроме того, нужны книги, которые сейчас уже не найти в книжных.

– Их пруд пруди на полках в коттедже автора.

– Ах да. Они будут кстати. Было бы долго заказывать их по почте... Похоже, все книги уже скоро будут у нас.

Наверняка, Кёко-сан будет недовольна тем, что ей придется возвращать все эти книги. Не может такого быть, что тогда у нее не созрел план по изъятию всех работ Сунаги. (Небось идея появилась после разговора со мной – прихватить побольше книжек из коттеджа.)

– Уж простите меня, Кондо-сан. На это уйдет какое-то время.

– Не переживай, я сам изначально предложил эту абсурдную затею. Якусуке, я правильно понимаю, что Окитэгами-сан взялась за это дело?

– Да, хоть это меня немного удивило... Она не та, кто берется за дела, длящиеся больше одного дня. Как вы и предполагали, она настоящая поклонница Сунаги-сэнсэя.

– Так уж вышло, что Окитэгами-сан читает произведения Сунаги-сэнсэя, а такого детектива я и искал.

– Э? Правда, что ли?

– Нет, просто я так решил. Все-таки, вела она себя как его ярая поклонница.

– ? ....Хм.

Мне показалось это несколько странным, но прежде чем я смог уточнить, что он имел в виду, Кондо-сан поспешил спросить:

– А что сейчас делает Окитэгами-сан? Если получится, я смогу передать все книги Сунаги-сэнсэя к концу дня...

– Сейчас почти вечер, так что она скоро пойдет ко сну... А разок задремав, она забудет все прочитанное. Я предложил ей поспать и с утра взяться за работу.

Так, к началу работы она уже будет отдохнувшей и подзарядившейся. Это расписание на завтра будет в самый раз.

– Вот, значит, как? Однако, Якусуке, ей придется осилить огромную кипу книг Сунаги-сэнсэя... Она выдержит такой объем работы в таком режиме?

– Выдержит. Я уверен. Однако, как я узнал, это лишь один из вариантов плана.

– Один? А есть еще?

– Не знаю, мне она не сказала. До определенного дня это должно оставаться конфиденциальной информацией.

– Хм... Что ж, это девиз детективного агентства Окитэгами. Видимо, мы, как клиенты, не узнаем деталей раньше назначенной даты. Это может прозвучать банально, но не может ли быть такое, что Кёко-сан просто-напросто забудет детали своего плана?

– Нет, важные детали она пишет на своей руке. Не думаю, что стоит за это волноваться... Она точно запишет такой важный план где-нибудь на своем теле перед сном.

– Понятно. Так вот как забывчивый детектив обходит свою слабость.

– Кстати, Кондо-сан, я говорил уже об этом с Кёко-сан, но спрошу вас. Что вы думаете?

– М? Ты про что?

– Была ли смерть Сунаги-сэнсэя самоубийством или же нет. Хотя даже если Кёко-сан решила на данный момент, что это самоубийство, я сомневаюсь в том, стоило ли убеждать ее в этом. Я переживаю, что неправильно интерпретировал ваше мнение, и что я проявил неуважение к покойному Сунаге-сэнсэю.

– ...Я говорю от чистого сердца, что, даже если это и правда, мы не можем отвернуться от нее. Мне не понравится, если мы не сможем расчислить эту муть.

– ...

– К тому же, ты не проявляешь никакого неуважения к писателю, говоря о самоубийстве. Разумеется, мотив самоубийства зависит от определенных обстоятельств... И если возможно отыскать мотив в его работах, то я положусь на Окитэгами-сан, как бы незтично это бы ни было.

– Я понял. Я передам это завтра Кёко-сан. – я повесил трубку.

Вот только от этих слов понятнее мне не стало. Мнение Кондо-сана, что я не топчу честь писателя, говоря о самоубийстве, было весьма разумным. Если изучить историю, то существовало много писателей, покончивших с собой, но непонятно только какой период он имел в виду.

Такая точка зрения естественна для главного редактора, а вот читатели обязательно начали бы горевать о печальной судьбе писателя, восхвалять и чествовать его. Но, какая бы причина смерти Сунаги-сэнсэя не была бы истинной, вряд ли хоть кто-нибудь одобрил бы самоубийство.

Тем не менее, сейчас нет доказательств отсутствия у него суицидальных наклонностей, так что Кёко-сан обязана прочесть все его произведения, а затем выяснить правду в посмертной рукописи.

82 романа и 17 рассказов, итого – 99 произведения. Все это – труд писателя Сунаги Хирубэ. Если быть точным, еще приличное число сборников бесед и эссе, фанатские книги и прочее, но сейчас они нам ни к чему. Есть издания медиафраншизы: сценарии киноадаптаций, манги по мотивам произведений, но они также не нужны. Мы ограничились только печатными произведениями Сунаги-сэнсэя, и вышло такое число.

Несмотря на все отсеивания, его труды не поместились в одну коробку. Преобладали книги превосходного качества в твердом переплете. Весьма внушительное количество книг для 50-летней карьеры. В наши дни становится все меньше людей, которые прочли за свою жизнь больше 99 книг. Поэтому не думаю, что возможно сохранить рассудок, когда собираешься читать их все, не давая себе время на сон.

Стоит отметить, что все эти книги были написаны от руки, даже не публикуясь в каком-либо периодическом издании. Вероятно, у него еще с дебюта сохранилась ментальность, что романы должны существовать как отдельные сущности. Не то, чтобы это было бы странно для писателя, но поражает то, что за 45 лет ему удалось создать 99 работ.

– Плюс еще одна.

Кёко-сан положила посмертную рукопись Сунаги-сэнсэя, что я принес вчера в конверте, на стопку из остальных книг, находившихся в приемной детективного агентства Окитэгами.

Точно, посмертная рукопись – его последняя работа. 99 работ, «плюс еще одна».

Итого: 100 произведений.

Неплохо, для совпадения.

– Ну... Может быть, это не совпадение, Какусидатэ-сан. Я допускаю, что Сунага-сэнсэй вполне мог хотеть написать сотню произведений, после чего оборвать свою—

– Т-Так, все-таки, такая возможность есть?

– Скорее всего, нет. – она мгновенно отвергла возможность. – Если бы все 100 произведений были написанными от руки романами, это можно было бы допустить, но остается целых 17 рассказов... Будь такой критерий возможен, он бы покончил с собой только после публикации всей сотни книг. Вот к какому выводу я пришла.

– Понятно... Т-Тогда как насчет такого сценария? Его последнее произведение должно было стать шедевром, над которым он долго и упорно трудился, и решив, что он достиг вершины мастерства, он покончил с собой.

Разумеется, я не был уверен, говоря про «шедевр» и «долго трудился», но если это правда, может Кёко-сан признает мою совершенно необоснованную гипотезу после прочтения этой рукописи.

– Нет, я так не думаю. – Кёко-сан отшила мою версию. В ее ответе чувствовалось некое презрение. – Сунага-сэнсэй не был таким мелодраматичным. Он продуктивный сверх меры автор. Он всегда, всегда стремился к совершенству.

То, как она говорила, сродни вульгарной манере речи, но в этом читалось ее фанатское отношение к писателю и критичное ко мне.

– Кроме того, это уже поздно говорить, но между тем временем, когда я проснулась и когда пришел Какусидатэ-сан, я потратила этот период на чтение последней работы Сунаги-сэнсэя. Честно говоря, я не думаю, что эта работа стоила того, чтобы отдавать за нее жизнь.

– Э? Правда?

– Разумеется, произведение приятное, но я бы не стала употреблять слова вроде «шедевр» или «лучшее»... Я получила тот же уровень наслаждения, какой я помню от других работ Сунаги-сэнсэя.

Неужели? Тогда отпадает немало версий. Я убедил себя в том, что эта работа, шедевр она или нет, связана со смертью автора. Может быть, я поспешил с выводами?

– Да. После чтения этого романа я сильнее убедилась, что это не может служить причиной самоубийства Сунаги-сэнсэя... Разумеется, это всего лишь мое предположение. Может вчерашняя я уже говорила это, но нельзя прийти к выводам, прочитав одну книгу. После того, как прочитаешь все 99 книг, а также посмертную работу, вкусы в литературе могут измениться.

Так Кёко-сан обрисовала весь труд Сунаги-сэнсэя.

– Для начала, давайте расположим книги по порядку... Чтобы была ясна хронология книг. Потребуется время, но мне хотелось бы увидеть их выпускные данные...

– А, этого делать не нужно. Кондо-сан предполагал нечто подобное, так что, если вам нужно, вот список.

Я вынул из кармана список Кондо-сана, составленный за ночь. Еще одно подтверждение тому, что он – не человек.

– Хм. Что ж, это облегчит мне работу. Передайте, пожалуйста, этому Кондо-сану мою благодарность.

Она уже дважды встречала его, и это все равно не изменило ее профессиональный тон. Однако я вспомнил, что сегодняшняя Кёко-сан слышит о профессионале своего дела по имени Кондо Фумифуса впервые. Как бы то ни было, я действительно уважал человека.

– С этим все понятно. Числа над датами публикации – это ведь рабочие года писателя? С первого до сорок пятого... Получается, с каждой новой книгой список пополнялся. Здесь места для нового романа не хватит. Разве что... осталось место для его последнего произведения?

– Давайте выясним, можно ли дополнить список. Как там, еще раз, название?

– Роман остался без названия. Сунага-сэнсэй оставлял название на последний момент. Похоже, что перед публикацией об этом будут споры... Возможно, что писатель и добивался этого.

Подобный вывод еще больше отрицал версию с добровольным уходом из жизни писателя. Логичнее было бы, если бы он скончался после того, как озаглавил свой труд.

– Он серьезно относился к озаглавливанию книг... Вы это подразумеваете?

– Есть версия, что ему было тяжело придумывать названия. Будь это моим решением, я бы озаглавила эту рукопись «Стержень кукурузы».

– Хмм... «Стержень кукурузы»?

Я не читал рукопись и не могу судить о приемлемости данного названия. Будет хороший вариант – его и напишут. Кто в день публикации станет оставлять пустым место для названия?

– Давайте сделаем так. Я оставлю вам свой номер. Когда вы прочтете все произведения и что-нибудь узнаете, свяжитесь со мной, когда вам будет удобно.

У меня будет много свободного времени, решил я и уже начал подниматься со стула, когда Кёко остановила меня.

– Что? Я-Я не хочу вас беспокоить.

Я немного смутился.

– Разве я вчера вам не сказала?

– С...Сказали что?

– А, ясно. Я гарантирую конфиденциальность клиентов, поэтому я никому ничего не рассказываю. Простите. Присядьте пожалуйста, Какусидатэ-сан. Я подам вам еще одну чашку кофе.

– Л-Ладно, будьте добры...

Что это с ней? Ну, у меня не было причины отказываться от заваренного кофе Кёко-сан (с любыми добавками он оставался горьким), как и причины торопиться с уходом (статус безработного). Однако я начал волноваться, что с каждой проведенной здесь минутой я трачу ценное время Кёко-сан, которое она могла бы потратить на работу. Мне оставалось надеяться, что она приступит к чтению как можно скорее...

Кёко-сан вернулась с двумя чашками кофе и сказала:

– Если быть честной, я была бы признательна вам, Какусидатэ-сан, если вы мне поможете.

– Э...А, да, чем смогу, тем помогу. – я согласился на работу, не выслушав детали. Все-таки я не мог отказать Кёко-сан, после того, как попросил взяться за дело, связанное с именем Сунаги-сэнсэя.

– У меня не получится прочесть сотню книг, ни разу не сомкнув глаз. Но это возможно, если рядом будет человек, который не даст мне заснуть. Если я хоть на секунду засну, я уже не смогу вспомнить содержание прочитанных книг. Это бремя «Забывчивого детектива».

– А...Вот оно как. – промолвил я, хотя мне это уже было известно.

Кёко-сан понимала это, и ей следовало бы взять это дело, о котором детективное агентство Окитэгами не обмолвится и словечком. Но я призадумался – не стояло ли за этим какое-то намерение?

– Да. Намерение в буквальном смысле¹. – произнесла Кёко-сан и погладила себя по животу.

– Не просто буквально, а слово в слово. Рано утром я обнаружила на себе надпись «Если тебе захочется уснуть, Какусидатэ Якусуке (гигант) тебя разбудит».

– Э? Я-Я разбужу, то есть...?

– Прямолинейно, но суть послания ясна. Прошлая я решила, что вы, Какусидатэ-сан, должны следить за тем, чтобы я не заснула. Вы возьметесь за такое задание?

Меня слегка покорило, что Кёко-сан называет меня гигантом, но меня порадовало, что она решила положиться на меня. До меня не дошло, что это ночное наблюдение за ней означало также, что и мне придется не спать, но затея уже вскружила мне голову.

– Разумеется, я оплачу каждый день нашей совместной работы, но, как я считаю, это не займет много времени. Возможно, я уже говорила это, но половину этих книг я читала несколько раз...

– А...

Пошел разговор об оплате моей работы? Я не буду читать книги, мне лишь надо приглядывать за Кёко-сан. Поскольку я все еще оставался без работы, такое предложение было даром божьим.

– Если вы откажетесь, само собой, я не буду вас принуждать. Тогда, будьте добры, передайте мое предложение Кондо-сану...

– Я вас понял. Я согласен на сотрудничество. Точнее, позвольте мне поработать с вами. Если Сунага-сэнсэй действительно совершил самоубийство, я бы хотел знать причину.

Это не совсем вранье, но все же я не хотел отдавать Кондо-сану такую возможность. Как можно заявить о том, что не хочу отдавать подобную привилегию: получать деньги за то, чтобы смотреть на Кёко-сан? И даже то, что я хотел знать причину неожиданной кончины крайне успешного автора, было немного, но правдой. Меня подозревали, ложно обвиняли, увольняли, я терялся в трех соснах, но я ни разу не подумывал о самоубийстве... Пусть Кёко-

сан прочтет все книги Сунаги-сэнсэя, тщательно изучит их и ничего не найдет – такой исход будет для меня лучшим.

Каким бы болезненным ни был вывод, я хочу его узнать.

– Значит, вы возьметесь за работу? Я рада, что вы готовы мне помочь. Тогда у вас не составит труда подписать договор о неразглашении вместе с трудовым контрактом?

– А, да. Я теперь тоже должен сохранять конфиденциальность. Вот только я не предполагал подобный исход, поэтому у меня с собой нет штампа.

– Такой официальности не требуется, мне хватит нескольких строк. Я нанимаю вас по своей воле, так что этого будет достаточно...

Похоже, когда она приносила кофе, она также взяла со стола маркер. Кёко-сан передала его мне, а затем засучила правый рукав.

– Напишите здесь свою клятву.

Список книг Сунаги-сэнсэя		Издательство: "Сакусосэ" Кондо Масафуми	
50	Длиная смерть	17	10 / 8
49	Жаля прохладного ветра	16	4 / 17
48	Ободраный труп	15	3 / 15
47	Проклях	14	3 / 10
46	Твоя заплата	13	1 / 25
45	Смена законов	12	11 / 24
44	В ожидании убийства	11	10 / 18
43	На месте преступления	10	9 / 20
42	Имя подорожная	9	5 / 12
41	Предотвратить убийство	8	10 / 16
40	Оставить без помощи	7	10 / 4
39	Бьющий баклуши	6	9 / 29
38	Неопознанный труп	5	1 / 31
37	Неулыбчивая девушка	4	4 / 20
36	Наша записка книжка	3	2 / 14
35	История перевода	2	8 / 27
34	Беспорядочные нищиды	1	4 / 4
33	Удавленная месть		4 / 2
32	Торжественная нежданность		10 / 10
31	Побег старшего брата		6 / 12
30	Камушек и шанс		1 / 7
29	Поспешишь - насмешишь		7 / 1
28	Поспешишь - насмешишь		3 / 15
27	Поспешишь - насмешишь		5 / 8
26	Поспешишь - насмешишь		2 / 20
25	Поспешишь - насмешишь		2 / 1
24	Поспешишь - насмешишь		1 / 20
23	Поспешишь - насмешишь		12 / 13
22	Поспешишь - насмешишь		2 / 2
21	Поспешишь - насмешишь		6 / 30
20	Поспешишь - насмешишь		1 / 10
19	Поспешишь - насмешишь		10 / 10
18	Поспешишь - насмешишь		6 / 22
17	Поспешишь - насмешишь		3 / 13
16	Поспешишь - насмешишь		12 / 4
15	Поспешишь - насмешишь		11 / 5
14	Поспешишь - насмешишь		8 / 1
13	Поспешишь - насмешишь		5 / 9
12	Поспешишь - насмешишь		2 / 1
11	Поспешишь - насмешишь		9 / 2
10	Поспешишь - насмешишь		4 / 4
9	Поспешишь - насмешишь		3 / 9
8	Поспешишь - насмешишь		2 / 2
7	Поспешишь - насмешишь		8 / 10
6	Поспешишь - насмешишь		7 / 6
5	Поспешишь - насмешишь		1 / 4
4	Поспешишь - насмешишь		10 / 17
3	Поспешишь - насмешишь		2 / 9
2	Поспешишь - насмешишь		
1	Поспешишь - насмешишь		
51	Шум из-за убийства	45	5 / 28
50	Позовни, когда будет убийство	44	9 / 17
49	Разрушенная смерть	43	3 / 26
48	Ничего нет	42	11 / 2
47	Духи дождей	41	7 / 5
46	Трагедия пчеловодки	40	1 / 3
45	Обнаженный Киро	39	9 / 14
44	Старшая дочь	38	2 / 9
43	Твой шпин	37	12 / 10
42	Пятно от свечи	36	8 / 9
41	Внутри любимого	35	1 / 31
40	Дела детектива Мейко	34	2 / 19
39	Парк монстров в школе	33	8 / 4
38	Внезапный тест тайного прохода	32	11 / 7
37	Летние каникулы детектива	31	4 / 8
36	Кубок плавления кровей	30	2 / 19
35	День рождения без Мейко	29	8 / 19
34	Мат детектива	28	2 / 22
33	Фестиваль счастья и смущения	27	8 / 19
32	Правительство преступление	26	6 / 19
31	Как правильно забыть до смерти	25	4 / 19
30	Не так много врагов	24	2 / 19
29	Доказательство с ногами	23	5 / 11
28	Раз, два, три - смерть!	22	1 / 11
27	Изнасилованный бог	21	12 / 9
26	Зеркало запертого вида	20	11 / 7
25	Неизменное преступление	19	1 / 9
24	Меня здесь быть не должно	18	2 / 3
23	Зеленый молодой	17	6 / 19
22	Определённый	16	2 / 3
21	У подражающих есть фантазия	15	10 / 8
20	Важный убийца	14	1 / 31
19	Расследование в отставке	13	5 / 26
18	Мобильный детектив	12	3 / 22
17	Мобильный детектив 2	11	8 / 22
16	Урасть снегу	10	10 / 10
15	Предательство имеет красный цвет	9	12 / 10
14	Голубой тайник	8	7 / 13
13	Курс старшего и младшего братьев	7	2 / 9
12	Кровавый след	6	1 / 14
11	Позовни, когда будет убийца	5	9 / 27
10	Позовни, когда будет убийца	4	4 / 3
9	Позовни, когда будет убийца	3	1 / 5
8	Позовни, когда будет убийца	2	8 / 2
7	Позовни, когда будет убийца	1	7 / 5
6	Позовни, когда будет убийца		1 / 3
5	Позовни, когда будет убийца		11 / 23
4	Позовни, когда будет убийца		3 / 2
3	Позовни, когда будет убийца		9 / 26
2	Позовни, когда будет убийца		3 / 2
1	Позовни, когда будет убийца		9 / 26

Примечания

1. Автор использовал иероглиф "живот", который имеет дополнительное значение "намерение"

Я, Какусидатэ Якусукэ, будучи временным работником детективного агентства «Окитэгами», клянусь будить главу упомянутого агентства Окитэгами Кёко в соответствии с установленным графиком.

Работа, состоявшая в том, чтобы следить за Кёко-сан, – восхитительное занятие, вне всяких сомнений. Мне понравилось то, что не нужно было много думать или читать. Вообще-то, мне несказанно повезло. Побывав много раз подозреваемым – второстепенным персонажем – , я оказался здесь.

Интересно, что мысль о моем успехе настигла меня, когда я написал клятву на правой руке Кёко-сан. Правая рука. После увольнения из лаборатории Сарасина, я оказался на месте помощника великого детектива.

На месте Ватсона.

Поскольку детективы – это любимцы богов преступлений, роль Ватсона для обычного человека – лучшая из лучших. Кроме как повышением, это ничем нельзя назвать.

Разумеется, когда тайна смерти Сунаги-сэнсэя будет раскрыта, контракт потеряет силу, и я стану обычным членом общества. Я постоянно возвращаюсь к этому варианту А (хотя, может это вариант Б или В)... Но будь что будет – сейчас ничто не могло испортить моего настроения.

Все-таки сейчас я должен концентрироваться на одном.

Какая работа мне ни предстоит, я буду делать ее с ней.

Перевод: я должен был следить за тем, как Кёко-сан, сидевшая передо мной, читает. Кёко-сан не обратила на меня никакого внимания и приступила к чтению первой работы Сунаги Хирубэ.

Название гласило: «Убийство на дне».

Книга была опубликована сорок пять лет назад. Заглавие и дизайн шероховатой книги вызывали ощущение классической детективной истории. Моим первым знакомством с творчеством Сунаги Хирубэ была книга «Дела детектива Мейко». Я представлял себе его как популярного автора романов для молодежи, так что такой классический стиль мне был в новинку... Честно говоря, помимо этого я ничего не знал ни о карьере Сунаги-сэнсэя, ни о его стиле.

– Интересно. Пока к нему не пришла известность, он набивал руку, писав, главным образом, детективы. Это прозвучит невежливо, но правда ли, что ему не удалось дебютировать в период расцвета жанра?

Я рассуждал, просматривая список Кондо-сана. Так-так, я нашел его первое произведение.

– Он дебютировал в тридцать лет... как я понимаю. Для писателя это слишком рано или слишком поздно?

– Пожалуй. Стоит уточнить, что тридцатилетний Сунага-сэнсэй скрыл свой возраст на момент первой публикации, поскольку счел себя слишком молодым для жанра серьезного

детектива. Подобный ход мысли характерен для юных людей, хотя я допускаю, что пожилой автор Сунага Хирубэ в момент своего дебюта считал себя молодым.

– То есть, это похоже на то, как Сатой-сэнсэй рисует сёнэн-мангу под мужским псевдонимом?

– Не могу говорить за эту Сатой-сэнсэй, но, вероятно, это иной случай. – Кёко-сан ответила на мой вопрос, пока переворачивала страницу.

Прерывать процесс чтения разговором было бы не лучшей идеей, поэтому Кёко-сан умудрилась быстро мне ответить. Кстати, она только начала читать книгу, а дело уже склонялось к закату. Чтобы Кёко-сан не заснула, мне надо было поддерживать разговор... Скучная беседа только сильнее бы клонила ко сну.

– Понятно. Чтобы не казаться молодым, он выбрал себе столь архаичный и странный псевдоним.

– Сунага Хирубэ – это настоящее имя. – возразила Кёко-сан.

– Что? Такое странно— То есть, оно такое оригинальное. Я был уверен, что это псевдоним...

Вообще, кто я такой, чтобы критиковать имена других людей, когда родители называли меня так¹...

– Кёко-сан, какую книгу Сунаги-сэнсэя вы прочли первой?

– Банальное чтиво, но это был «Извивающийся бог».

Я не понял, что она имела в виду под «банальным чтивом», но мне показалось, что я знал эту книгу. Не читал, но слышал, что есть одноименный сериал с известным актером в главной роли. Видимо, книгу экранизировали.

– Да, я когда-то видела его. Скажу честно, я фанатела по нему, но ничего не могла с собой поделать. Посмотрев его, я скопом купила все книги Сунаги-сэнсэя... – Кёко-сан рассказывала это с улыбкой на лице.

Как в старые добрые дни. Должно быть, для Кёко-сан это было дорогое ей время.

– Ч-Что вас так привлекло в работах Сунаги-сэнсэя, Кёко-сан? Довольно странно видеть детектива, любящего детективные истории... Кстати, поэтому Кондо-сан и обратился к вам с этим делом.

Кроме этого, Кондо-сан говорил, что из-за произведений Сунаги-сэнсэя Кёко-сан решила стать частным детективом. Получается, что этот писатель продиктовал ее судьбу.

Но, какие бы дифирамбы не воспевали этому автору детективов, сложно представить, что Сунага Хирубэ настолько влиятельный писатель. Хороший он или плохой человек, работающий ради удовольствия читателей, с корыстными или бескорыстными целями, его авторский стиль не имел такого влияния, чтобы дать цель кому-то в жизни, изменить судьбу

мира или даже помочь выиграть приз в скачках. Может, в честь него и назовут премию, но сам он премию не получит. Он такого рода писатель.

– Я люблю творчество Сунаги-сэнсэя по простой причине. Сунага-сэнсэй всегда смотрит в лицо жизни.

– В лицо жизни...?

– Разумеется, он всего лишь автор детективов, и как человек он смертен. Но он никогда не плевал на жизнь. В мои подростковые годы его стиль меня покори.

– О... – столь ревностная речь меня удивила, но мне такие мысли не приходили в голову, поэтому я не кивнул в согласии.

Я решил, что каждый извлекает что-то свое из книг. «Детектив Мейко» доставил мне удовольствие как молодежная книга, но я не размышлял о таких вещах как жизнь и смерть. Кёко-сан не заботило мое мнение, и она продолжила:

– И это показалось мне странным. С чего бы Сунага-сэнсэю, который так ценил жизнь, совершать самоубийство? Я не могу поверить, что у него была хоть какая-то причина на это.

Услышав это, я забеспокоился. Кондо-сан предложил это дело Кёко-сан потому, что она поклонница работ Сунаги-сэнсэя. А со слов Кёко-сан, именно по этой причине она не станет официально расследовать его смерть. Я мысленно сжался от нервозности.

Как поклонница, она расследует его смерть на предположении, что его смерть не была самоубийством. Какие бы не предпринимались шаги, чтобы поклонник читал сотню книг – где такое можно представить? Зачем читать свыше самых необходимых книг?

Я тоже, бывает, чересчур увлекаюсь какими-нибудь книгами и поглощаю большое их количество за раз. Видимо, Кёко-сан обратила внимание на мои размышления, потому и стала объяснять:

– Я припоминаю, насколько мне позволяет память, что за всю свою успешную карьеру Сатой-сэнсэй брал отпуск лишь два раза.

Услышав это, я заглянул в список.

Действительно, есть промежутки между 20-м и 23-м годом и 27-м и 30-м. Почему-то за это время он не опубликовал ни одной книги.

– Конечно, в тот период его издания в бумажном переплете стали превращаться в франшизы, так что сомнительно, что это заставило его приостановить работу. Позднее, в своем эссе Сунага-сэнсэй писал, что в первый раз он исчез из-за кончина матери, а во второй раз – из-за кончины отца.

– Он утверждает, что носил траур?

– Да, именно так. Или же он был так подавлен, что не мог взяться за перо.

Я готов был поверить, что смерть родных шокировала человека, который стал уважаемым членом общества за двадцать лет карьеры, настолько, что это отразилось на его работе. Но неужели эти новости были настолько шокирующими, что он сделал два трехлетних перерыва? Может быть, сказалось его «уважение к жизни», хотя все равно странно.

– Немного странно. – промолвила Кёко-сан, глядя в книгу. – Из прочитанных мною книг, которые я помню, я не помню ни одного персонажа, который бы покончил жизнь самоубийством.

– Что...? Н-Ни одного?

– Да, ни одного. Ни второстепенного персонажа, ни упоминаемых вскользь... Создавалось впечатление, что Сунага-сэнсэй намеренно избегал этой темы.

– ...

Эти слова заставили меня задуматься.

Возможно ли такое? Я понимаю, например в серии «Детектива Мейко», где он избегал хоть какого-то упоминания мертвых и смерти в принципе... Но чтобы во всех своих работах?

– Разумеется, у каждого правила есть исключения. В разговорах персонажей проскальзывают имена исторических фигур, которые наложили на себя руки. Однако, никто не говорит о том, как они ушли из жизни.

– Это несколько...

Может это лишь совпадение, но его стоит рассмотреть. Подобное совпадение, конечно, все еще возможно в карьере обычного писателя, но Сунага-сэнсэй – уважаемый автор детективов. Возможно ли такое, чтобы автор детективов ни разу не использовал слово «самоубийство»? Это также сложно, как и для обычного писателя избежать слова «наука» во всех своих трудах. Самоубийства, замаскированные под убийства и убийства, замаскированные под самоубийства. Как автор может избегать подобных штампов сорок пять лет...?

– Нет, делать выводы еще рано. Возможно, что-то моя память подводит меня. Чтобы убедиться в этом, я и читаю все работы Сунаги-сэнсэя.

– Вы предлагаете попросить Кондо-сана конвертировать последние работы Сунаги-сэнсэя в электронный формат, а потом отсмотреть каждую страницу...?

– Самоубийство, суицид, сеппуку, самоумерщвление, вскрытие вен. Подобных выражений бесчисленное количество. Я не могу рассматривать структуру каждого выражения, как и отыскивать нужные слова в одиночку. А такой способ надежнее.

– В-Вот оно как?

Я тут же подумал, что это могло стать главным аргументом против версии самоубийства. Получается, что эти шаги она предприняла вчера.

– Верно. Я вчера высказала гипотезу, что «Сунага-сэнсэй не мог покончить с собой», но я признала, что «этого недостаточно, и что версия самоубийства имеет место быть». В любом случае, следовало провести тщательный анализ.

В этот момент до меня дошло. Это некий детективный парадокс, точнее, парадокс доказательства противоположных теорий.

Нет, Кёко-сан решила провести анализ текстов, а здесь этому нет места... Читать все сто книг мне казалось пустой тратой времени... Но может у Кёко-сан были свои взгляды.

– Кстати говоря, моя любимая работа Сунаги-сэнсэя – «Дела детектива Мейко», первая книга в серии «Детектив Мейко».

– ЧТО?!

Кёко-сан упомянула это вскользь, на что я среагировал невероятно громко. Более того, удивительно, что из всех книг Сунаги-сэнсэя, она выбрала ту единственную, что я читал. К посмертному произведению она отнеслась со всей строгостью, но, когда она назвала свою любимую книгу, я был несравненно счастлив найти единомышленника. Хотя я не был таким уж поклонником Мейко...

– Это так. Не такая успешная серия, как вызывающие «Блестящий шармом» или «Побег старшего брата», или гротескный «Грудь над животом»... Но сегодня я уделю внимание и ей. – сказала Кёко-сан и закрыла «Убийство на дне».

– О, вы хотите сделать перерыв? Я, если что, готов поболтать. Извините.

– Нет, не стоит меня баловать. Благодаря вам, я, наоборот, быстрее прочла эту книгу.

– Д-Да что вы?! – удивленно воскликнул я.

С того момента, как она взяла в руки книгу, и часа не прошло. Даже когда она сказала «Благодаря вам», я думал, что мой разговор лишь замедлил ее чтение. Может таким темпом ей удастся покончить со всей сотней книг?

– Не стоит бежать впереди паровоза. Я читала «Убийство на дне» уже много раз, а сейчас я листала его на максимальной скорости... Книги, которые я не читала и которые забыла, будут читаться гораздо медленнее.

Я все это помнил, и все же, когда Кёко-сан положила эту тонкую книжку на гору остальных, я понял, что подниматься нам еще долго.

– В таком случае, Какусидатэ-сан, почему бы вам не расположиться на диване? Нас ждет долгий путь впереди... Достаточно того, чтобы я не спала.

Звучало логично, но мне было бы стыдно лежать перед Кёко-сан, которая собралась бодрствовать всю ночь. Она, тем временем, взяла в руки вторую книгу.

Осталось еще девяносто девять книг. Битва великого детектива только началась.

Примечания

1. Имя Якусукэ (厄介) может читаться как «хлопоты, помеха» и содержит иероглиф для «невезение».

Хоть это и совпадение, но если смерть Сунаги-сэнсэя была самоубийством с использованием снотворного – это весьма иронично. Снотворное – главный враг Кёко-сан, если вспомнить случай в лаборатории Сарасина.

Не спящая Кёко-сан расследует смерть Сунаги-сэнсэя во сне – может здесь свою роль сыграла судьба? Мое присутствие здесь случайно, но я готов остаться свидетелем разрешения этого дела, несмотря на неловкость своего положения.

Тем не менее, «гонка» продолжалась. Я внимательно следил, что звучит жутковато, за Кёко-сан, которая все еще бодрствовала. Пока она смотрела в книгу, я решил заняться расчетами. Сколько нужно времени, чтобы прочесть сотню книг? Нужно учесть, что Кёко-сан уже читала почти половину этих книг...

Если на одну книгу уходит в среднем час, получается – двести часов? Нет-нет, это же целых восемь дней. Для человека это колоссальное усилие, на это не хватит никакой воли. А в худшем случае от бессонницы можно даже умереть. Насколько мне известно, рекорд Кёко-сан – три дня без сна. Сегодня она специально выпалась, и я думаю, что все будет хорошо.

Да и в тот раз обстоятельства были неопределенными, ей до самого конца приходилось туго. Говоря о бессоннице, обычные люди лежали бы на кровати, пытались заснуть, но для Кёко-сан это было недопустимо. Все-таки, обычный человек не читает перед сном кипу книг.

Первая книга – «Убийство на дне» – заняла где-то полчаса... Если она будет придерживаться такого темпа, мы сможем довести эти «гонки» до конца. А вот когда настанет пик сонливости, начнется «финишная прямая». Торопливое чтение непрочитанных (или забытых) книг будет серьезным испытанием для Кёко-сан.

Ей было важнее читать в порядке публикации, но возможно эффективнее было бы читать в обратном порядке, начиная с рукописи (временно названная «Стержень кукурузы»)? Или лучше было бы сосредоточиться только на непрочитанных (содержание которых не сохранилось в памяти) книгах? Нет, я не могу говорить наверняка. Кёко-сан лучше других знает, какой метод для нее лучше. Более того, мне стоит держать язык за зубами, раз она решила читать по порядку.

Я лишь наблюдатель...

Нет смысла рассуждать, но, будь это моим решением, я бы читал сотню книг по сериям. Поразмыслив, я еще раз взглянул на список. Сунага-сэнсэй выпустил много серий за всю свою жизнь... Сколько всего серий он написал? Я хотел спросить Кёко-сан, но, рассудив, что она не все их знает, я решил сам подсчитать. Это полезная информация, на которую я готов потратить свое время, и, к тому же, это может пригодиться Кёко-сан. Это будет лучше, чем просто смотреть за ее работой со стороны, как Ватсон... Я сверялся с аннотациями, поскольку только по названиям сложно судить о сюжете.

Результат моего труда приведен ниже.

1) «Медицинский детектив»: 2, 3, 4, 6, 8

- 2) «Безымянная логика»: 5, 7, 9, 10
- 3) «Помощник инспектора по делам о праве давности»: 11, 12, 13, 14, 16, 19
- 4) «Ухаживания»: 15, 17, 24, 30, 31
- 5) «Эксперт по сносу зданий»: 18, 23, 27, 28, 29
- 6) «Организация дьявола»: 20, 21, 22
- 7) «Специалист по тайным ходам»: 26, 32, 33
- 8) «Журнал иллюзий»: 34, 37, 40
- 9) «6 лет, 6 групп»: 35, 36, 43
- 10) «Детективные мемуары Койвай»: 38, 39, 42, 44, 46, 54, 55, 58
- 11) «Детектив фразеологизмов»: 41, 45, 47
- 12) «Судья Сориминэ»: 49, 52, 53
- 13) «Детектив в эвтаназии S»: 50, 59
- 14) «Лаковая морковь»: 56, 60, 61
- 15) «Пострижение Кирю»: 57, 70, 71, 77
- 16) «Детектив Мейко»: 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69
- 17) «Доктор-звезда»: 72, 74, 81
- 18) «Магазин часов»: 73, 82, 96
- 19) «Инспектор в отставке»: 75, 76, 78, 80, 83, 94
- 20) «Мобильный детектив»: 84, 85, 92, 93, 97
- 21) «Призрачный вор Блю»: 86, 87, 88, 99
- 22) «Почти братья»: 89, 90, 91, 95, 98

...Сгруппировав почти все 99 книг по сериям, получился такой список.

За спиной писателя было целых 22 серии. Глядя на это количество, я поразился.

Возможно, главная причина популярности Сунаги-сэнсэя среди масс заключалась в количестве И качестве своих книг.

Он ни разу не бросал серию, сколько бы лет ни уходило на ее завершение. Будучи профессиональным писателем, Сунага-сэнсэй, судя по всему, считал своим долгом завершить историю, даже если у нее был лишь один читатель. Верно и обратное: сколь ни была популярна любая серия, он заканчивал ее в среднем на пятой книге, не растягивая историю сверх меры. Он стремился писать истории – серии или одиночные книги – для всех возрастов, которые можно читать где угодно и которые длились целую жизнь... Однако, хоть Сунага-сэнсэй и производил впечатление мастера детективов, встречались работы, которые неожиданным образом разрушали это впечатление. Кёко-сан не понравились некоторые серии, она назвала их «вызывающими», «гротескными» и «нонсенсом». Находились серии в жанре фэнтези и беллетристики. Этого писателя стоило бы назвать разнонаправленным, а не профессиональным. Однако, Конан Дойл, создавший знаменитого детектива Шерлока Холмса, не причислял себя к авторам детективов. Он предпочитал называть себя писателем фантастики и главной работой считал роман «Затерянный мир». Возможно, заключать писателя в рамки одного жанра – ошибка сама по себе.

Если широко смотреть на это, то, что Сунагу-сэнсэя считают автором детективов, и кем он считал себя сам – разные вещи.

– ...М? Кёко-сан, возможно, я заметил что-то важное.

– Да, что такое? – Кёко-сан оторвала взгляд от книги и направила его на меня.

Она отреагировала на мое восклицание с неким подозрением вместо интереса, все из-за моего драматичного тона. Я успокоился, прочистил горло и продолжил:

– Только что я изучил работы Сунаги-сэнсэя по сериям... Несколько лет он не начинал новую серию. Вместо этого он стал заканчивать прошлые серии по порядку. Выглядело так, будто он знал, что его жизни подходит—

– А, сегодня утром кто-то говорил об этом по телевизору. Всё это – толк несведущих. – не дослушав мои выводы, Кёко-сан вернулась к книге.

«Толк несведущих». Вот это фраза.

– Это ничего нового. В прошлом такое случалось часто, когда поклонники начинали жаловаться.

Я еще раз взглянул на список. Сунага-сэнсэй написал много книг, так что довод Кёко-сан имел смысл. И было как минимум два раза, когда он подолгу не начинал новую серию. Когда этот период проходил, вполне естественно, что он стал писать что-то новое...

Что он и делал – один раз, второй раз.

Похоже, что мое гениальное открытие – лишь брызжание фанатов.

– Следовательно, посмертная рукопись – его новая серия?

– Нет, «Стержень кукурузы» – самостоятельная книга.

– Самостоятельная... То есть, он не стал включать ее в существующие серии?

Хоть и немного, но за всю долгую карьеры Сунаги-сэнсэя из-под его пера вышло несколько таких книг. Например, после его дебютного романа «Убийство на дне» через восемь лет на свет появился «Глаз Царя Обезьян». Были и другие книги, тут и там... Я встречал разные, незнакомые мне названия.

– Именно. Не считая «Убийство на дне», поклонники считают такие самостоятельные произведения своего рода аперитивом. Не читательским перерывом, а перерывом в карьере писателя... Сунага-сэнсэй старался писать такие истории, которые переворачивали ожидания читателей и издательств.

– Аперитив... значит?

– Вполне емкое слово.

– ...

Звучит помпезно... Проще было бы сказать «перерыв в писательстве»... Если уж она так его описывает, то он точно был одержимым.

Даже если не брать в расчет самоубийство, не могла ли такая абсурдная манера работы сократить у Сунаги-сэнсэя продолжительность жизни? Бывают гении в школе, которые учатся в перерывах между занятиями, но если судить по карьере Сунаги-сэнсэя, он должен был хотя бы чувствовать, что он переходит черту.

И я чувствовал такую же эксцентричность от сидящей передо мной Кёко-сан. Я не мог не заметить этого от детектива, которая собралась прочесть сто книг, не делая перерыв на сон.

– ...Кёко-сан, я тут думал – почему вы стали детективом? – спросил я.

Я не собирался проверять, стала ли она детективом, прочитав работы Сунаги-сэнсэя, как мне рассказал Кондо-сан, но почему-то все равно спросил.

Я почувствовал невыносимое напряжение от того, что, будучи нанятым ею как помощник, немного переступаю черту с этим интимным вопросом.

Поэтому и поспешил дополнить:

– Нет, я, это, сейчас ищу себе работу... И я таким образом хотел выразить благодарность за предоставленную мне работу... Я в общем-то размышляю о том, что буду делать в будущем. Какую бы работу ни делал, никогда не приживаюсь. Меня всегда удивляло, каково это – иметь профессию на свою жизнь.

– Хм. – безразлично ответила Кёко-сан.

Ее помощник-гигант неожиданно просит жизненного совета – как тут сразу ответишь? Учитывая также, что сегодняшней Кёко-сан не известно про неполную занятость случайно вовлеченного второстепенного персонажа.

Кёко-сан стала отвечать:

– Мне не известна ситуация Какусидатэ-сана, но причины, по которой я стала детективом...

Даже если причиной, по которой эта девушка стала детективом, стали книги Сунаги-сэнсэя, она вряд ли скажет встреченному лишь сегодня (как она думает) мне. Несомненно, ее уникальная черта – ежедневное стирание памяти – находит частое применение в работе детектива. Я ожидал ответа в таком духе, но мои ожидания были разрушены.

– Не существует.

Если не брать в счет писательскую карьеру Сунаги Хирубэ более чем в 45 лет, в мире нет комфортной работы. И, как говорят, кто не работает, тот не ест. Нет, у Сунаги-сэнсэя в любой момент были запасы, так что он мог не работать и есть, но он все равно продолжал работать. Наверное, как бы ни было тяжело, работа была смыслом его жизни.

Однако, мне, который имел опыт работы в различных сферах и увольнении, тяжело с этим согласиться. Даже работа моей мечты – следить за трудящейся и не засыпающей Кёко-сан, которая так и пялилась в книги, – имела темную сторону. Нет, «даже» не подразумевает от меня никакого жуткого опыта, просто это тяжелый труд.

До меня быстро (в первую же ночь) дошло, что в мои обязанности входит не спать вместе с Кёко-сан, но не сразу дошло, что нужно еще и «следить». Когда скорость ее чтения заметно снизилась уже к вечеру второго дня, для меня это стало очевидно. Из-за политики «коммерческих тайн» Кёко-сан я не мог с уверенностью сказать, сколько она прочла книг, сколько забыла, сколько успела и не успела прочесть сейчас. По прикидкам, их было больше пятьдесят, и скорость переворачивания ею страниц значительно снизилась. Да и потом, нельзя сказать, что будет с незнакомыми книгами. Очевидно, что все будет иначе. Опубликованные 50-я и 51-я книги были до рождения Кёко-сан. Если бы она их не знала, она бы даже имя Сунаги Хирубэ не вспомнила.

Однако, темп явно снизился. Причина проста – Кёко-сан к тому моменту очень устала и это проявлялось во всей ее фигуре.

– Может, это мое воображение... но я, наверное, устаю от чтения, хаха...

В тот момент Кёко-сан спокойно смеялась, но я про себя не смеялся. И это чутье меня еще не подводило.

Я мог заснуть раньше Кёко-сан – что было бы весьма эгоистично с моей стороны.

Тут уж ничего не поделаешь – оставалось лишь быть парнем, который следит за тем, как концентрируется на книге, и надеяться, что не сойду с дистанции раньше Кёко-сан.

Ставшая перед таким идиотом проблема долго не находила конкретного ответа и возникла примерно через 72 часа после начала марафона чтения – с лица Кёко-сан исчезла улыбка.

Если быть точнее, она пребывала в плохом настроении.

Примерно за одну бессонную ночь она стала работать гораздо напряженнее, и я пытался поддерживать разговор на разные темы, помимо Сунаги-сэнсэя (кстати, именно тогда был пик ее радости), но на третий день беседы сошли на нет, а на слова вроде «Держитесь»:

– Я и держусь. Разве не похоже, что я держусь? – я получал такой вот резкий ответ.

– Давайте вы побудете на моем месте, а я вас буду поддерживать. Давить так же, как вы на меня.

...И реплики в таком же духе, так что я замолчал.

Однако даже на мои просьбы отойти в туалет:

– Ходите, пожалуйста, потише, мне сложно сосредоточиться. Прошу, не мешайте мне. – звучали подобные ответы.

Да, было глупо радоваться работе с Кёко-сан, когда понимаешь, что имеется в виду. Я был очарован желанием провести вместе бессонную ночь и взял на себя работу «человека, который всегда ее разбудит, если она собиралась заснуть». Принудительное бодрствование и пробуждение портило настроение не только Кёко-сан, но и мне.

В итоге, я оказался на позиции не «сторожа».

А, скорее, «мучителя».

И я не преувеличиваю, ведь всему миру известно, что самая эффективная пытка – не давать человеку спать.

Когда Кёко-сан готова лечь спать, я повышаю голос или издаю какой-нибудь звук и прерываю ее попытки заснуть. Ее первоначальная благодарность в виде «Благодарю вас, Какусидатэ-сан. Вы мой спаситель» постепенно переросла в недовольство к сторожу. Также, в мои обязанности входило готовить кофе с сильными, стимулирующими специями. В перерывах между попытками будить Кёко-сан, я придумывал изощренные рецепты. Было мучительно пробовать такие невероятные комбинации первым. Конечно, это мучительно и для того, кто пьет... Устраивать пытки над любимой женщиной, доставать ее, быть презренным ею, ненавидимым – неприятная работа. Ни от чего другого, даже от ложных обвинений, меня так не тошнило, как от этой адской работы.

Разумеется, это то, о чем Кёко-сан лично попросила, предложила, спланировала. Когда Кёко-сан взялась за работу, она была готова пойти на все это.

Я же не имел такой решительности.

Написанная на правой руке Кёко-сан клятва не подготовила меня к такому.

От всегда улыбающейся, держащейся с достоинством перед людьми Кёко-сан, исходила громадная ненависть. Хотя, если бы эта ненависть действительно была такая громадная, я бы, наверное, не выдержал.

Другой вопрос: ненавидел ли я Кёко-сан?

В экстремальных ситуациях Кёко-сан демонстрирует свою выдержку и силу воли и в словах, и в делах, и я понимаю, что не должен воспринимать ее презрение всерьез, что я лишь делаю порученную мне работу. Однако если я и дальше продолжу принимать такие резкие слова на сердце, оно не выдержит.

Сожалею, но Какусидатэ Якусуке не является столь добросердечным.

Меня ранило, что Кёко-сан, которая много раз вытаскивала меня из передряг, которую я часто просил о помощи, благодарил ее сполна, хотя всех моих благодарностей было бы мало, ведет себя в такой отталкивающей манере.

Нет, меня это не просто ранило.

Раздраженная Кёко-сан выводила меня из себя.

Недостаток сна ломает рассудок человеку. И я думал, что ненавижу Кёко-сан.

В результате, атмосфера в приемной детективного агентства Окитэгами стала такой неприятной, какой никогда прежде не была. В коттедже Сунаги-сэнсэя был неприятный опыт, но не до такой степени.

За ту короткую поездку я узнал о личной стороне Кёко-сан, какую она прежде не показывала, и я был счастлив... Но сейчас все наоборот. Я взялся за это задание, чтобы увидеть скрываемые лица и чувства Кёко-сан, но все начало рушиться. Мне приходилось смотреть, как она доходит до ручки, а процесс ее разрушения контролировал я. Нельзя было даже говорить «Отдохните, пожалуйста». Забывчивому детективу Кёко-сан отдыхать было нельзя. Ей позволено отдыхать только по завершению дела.

Даже если бы я был роли Ватсона, а не помощника ее Кёко-сан, я, к сожалению, не смог бы работать. Со всем желанием, я не смог бы это выдержать. Вообще, такая неоднозначная работа для мужчины вроде меня не подходит.

— Какусидатэ-сан, стакан с кофе опустел. Это меня сбивает.

Будь это обычная Кёко-сан, она бы постаралась избежать последней ремарки, но меня клонило в сон, так что без всяких возражений я пошел по ее требованию доливать кофе.

— Какусидатэ-сан, вы могли бы меня ущипнуть?

— А...?

Вернувшись с наполненным до краев стаканчиком кофе, я вытер лицо мокрым полотенцем, и Кёко-сан выказала тихим голосом такую просьбу.

До меня сразу не дошло, что она просила это, чтобы отогнать сонливость.

— Мои силы на пределе. Ущипните меня за щеку посильнее, пожалуйста.

— 3-За щеку...

Я подумал, что если уж щипать, то может лучше ладонь или руку, хотя и не стоит, пока она читает книгу.

— Пожалуйста, поторопитесь. Если ния отогнать сонливость, вся моя работа пойдет насмарку...

Кёко-сан действительно говорила голосом того, кто вот-вот заснет. Её уже не удавалось членораздельно произнести слог «не». Не время противиться, хотя щипать женщину за щеку не очень хотелось.

– Это мое наказание за грубость, которую я проявила к вам, моему сотруднику. Прошу вас. – сказала Кёко-сан с апломбом.

Затем ударила по больному:

– Или вы забыли о клятве, которую составили?

Сказав это, неотказываемое основание, без значительной готовности, что станет не подумав, составивший клятву я был зло.

Не дав волю чувствам, я ущипнул Кёко-сан за обе щеки.

– Хавашо. Прадажайте в таком духе.

Теперь Кёко-сан не могла произносить другие звуки, помимо «не». К моему удивлению, это возымело эффект, и ее темп несколько увеличился.

В то же время, если я и дальше буду ее щипать, она привыкнет, поэтому я менял точки: нос, брови, под глазами. Короче говоря, я щипал разные части ее лица. Вообще, трогать лицо немного неприятно и это будило Кёко-сан, но ее недовольство не испарилось, а скорее даже, усилилось. В тот момент я думал сдаться, но скорости ее чтения увеличилась, чему я порадовался и потерял бдительность.

Тем не менее, бодрствование Кёко-сан продолжилось, и она умудрилась продержаться так сто часов. Если подсчитывать, это была четвертая бессонная ночь.

Насколько я знаю, срок после четырех дней – неизведанная территория для Кёко-сан. Говоря откровенно, я успел несколько раз прикорнуть.

Когда я засыпал, щипая Кёко-сан за щеки, верхняя часть тела Кёко-сан опрокидывалась на стол, и мы оба отбивали сонливость болью. Однако такая удача долго продолжаться не могла.

Серьезно.

На пятый день Кёко-сан так устала, что на нее невозможно было смотреть.

Я не выдержал и сказал:

– Хватит, Кёко-сан. Эта работа с самого начала была невозможной. Если вы продолжите читать в таком состоянии, вы не поймете содержание... Я передам Кондо-сану.

– Я... аказываюсь здаваца.

Пробурчала пухлощекая Кёко-сан, но, похоже, она бы также говорила и без моего рукоприкладства.

– Когда... берусь, работа, до конца. – с усилием пробормотала она.

Такая сила воли в этих словах, что кажется, будто прошло меньше ста часов. Но ее руки еле-еле переворачивали страницы. Я взглянул на оставшиеся из горы книг издания. Мое сознание было весьма мутным и считать было сложновато, но оставалось... где-то с десятков книг? Кёко-сан прочла значительное количество книг за эти сто с лишним часов... Но сейчас еще одну, да что там, целую стопку книг прочитать кажется сомнительным, не так ли?

Я не знаю.

Какого черта Кёко-сан такая упрямая? Причины стать детективом «не существует», но е-мое. Она как эксцентричный детектив, который концентрируется на том, чтобы разгадать загадку. Я думал, она умнее этого, если не брать в расчет слова «забывчивый» и «молниеносный», а она...

– В-Все-таки, только читать бессмысленно, Кёко-сан. Из прочитанного ведь вы не сделали никакой вывод...? Может, стоит сдаться?

– Простите меня... Выводы ииияяять.

Ииияяять? То есть? Выводы есть или нет? Я не понял из контекста и того, как она это сказала, хотя не думаю, что я могу читать между строк.

– Можете молчать, но щипайте меня за сёки... Ния давайте мне шпать... - Кёко-сан вставала, пока говорила это.

Софа прельщала сном, поэтому это время Кёко-сан сидела на коленях на полу. Ноги затекли, и пока она колебалась как новорожденный ягненок, куда-то пошла.

– К-Кёко-сан, вы куда?

– Ополоснусь в душе... Я подумала, что уже больше дня не мылась. Только подумать, сидеть перед мужчиной в грязной одежде...

Вообще, обо мне можно сказать то же самое, но такая ремарка напомнила мне стесняющуюся школьницу.

Горячая вода уж точно ее разбудит, так что не было причин останавливать ее. Отдыхать было нельзя, но освежиться было необходимо.

– Пока я моюсь, приготовьте, пожалуйста, ужин... Ужин? Обед? Завтрак? ...Нияважно, шонибудь сделайте, я съем. Используйте кухню, как пожелаете... Я это уже говорила? ...Там дальше моя комната, ни в коем случае туда ния заходите.

– Ага... Вас понял.

Я, не глядя на нее, кивнул. Тут же я подумал, что Кёко-сан сказала слишком много вещей. Про дальнюю комнату, и что туда нельзя заходить. Даже без чьих-то слов, я, как здравомыслящий взрослый человек, не стал бы рыться в чужом офисе. Есть же журавлиная

благодарность, когда мы призываем к осмотрительности, а в ответ получаем обратный эффект.

Нетипичная для Кёко-сан ошибка, однако очевидно, что на пятый день ее одолевала сонливость. Вообще, я сначала ее не понял, но у меня не было сильного желания заглянуть за дверь, да и сил бы не хватило.

Когда мне сказали про кухню, я устремился туда и стал готовить порции на двоих. Однако, ингредиенты в холодильнике почти иссякли. Интересно, когда придется сходить за продуктами в магазин?

Рпасно оставлять Кёко-сан одну (она может захотеть прилечь), так что придется привести себя в порядок и сходить вместе...

Вообще, в таком состоянии я не могу продолжать доверять себе обращаться с ножом или огнем... Может, взять готовое бенто? ...Нет, может заказать на дом? Не выйдет, с таким высоким уровнем охраны в здании уйдет много времени забрать еду... Пока я прочесывал варианты в голове, я успел приготовить ужин/обед/завтрак.

Перед этим я держал в голове установку «Добавь пряностей, чтобы глаза не слиплись», но это уже не было необходимо. Руки сами добавили невообразимые специи.

Вот.

Мое сознание в один миг отключилось.

Поправка, не «в один миг». Я донес тарелки до стола, затем я собрался размять хрустевшие конечности, лег на диван и, по-видимому, опять уснул.

Но не на миг или два – короткая стрелка часов передвинулась на девяносто градусов. Я вскочил. В отличие от Кёко-сан, я часто засыпал, но после четырех бессонных ночей три часа сна не сняли бы с меня усталость, но в тот миг я не мог разлеживаться.

Если я заснул, Кёко-сан тоже могла заснуть, и тогда все ее усилия пропадут зря. Ни о какой дальнейшей работе и терпении недовольства со стороны любимой девушки и речи быть не может. У меня были все причины беспокоиться. А за столом не было Кёко-сан, мирно сопящей во сне.

Я почувствовал моментальное облегчение в груди, но снова забеспокоился и стал метаться. Ни посапывающей Кёко-сан, ни чего-либо еще на столе не было.

Что? Она куда-то ушла? Я не мог сразу вспомнить. Куда она могла уйти?

Так, еда на столе, но к ней не притронулись. Да и книги никто не двигал.

Я встал с дивана. Конечно, было бы опасно строить заключения из данной информации. В любом случае, пока я спал, что-то случилось, и в голове проносились разные варианты. Но в данный момент я мог думать только о самом худшем раскладе.

Выйдя из приемной, я отправился в комнату, которая располагалась в другой части здания. Я побежал туда, куда Кёко-сан отправилась принимать душ три часа назад и не вернулась.

– Прошу простить!

Я раскрыл дверь без стука. Будь это ошибкой, не обошлось бы без катастрофы, однако люди обычно не засиживаются в ванной на три часа. Если Кёко-сан все еще там, то это уже катастрофа и необычная ситуация. Мое плохое предчувствие меня не подвело. Кёко-сан была на полу. Ее голое тело растянулось на плитке. Из головки душа шла холодная вода, которая продолжала обдавать тело девушки. Неплохой способ отбить сонливость, но Кёко-сан включила холодную воду вместо горячей. Ее кожа уже начала синеть.

Однако, в сознание девушка не приходила.

Она спала, крепко-крепко.

– Кёко-сан! – закричал я в чувствах.

Мой голос пытался достучаться до разума детектива. Ответа не последовало.

(Прошу прощения, Кёко-сан – ЗАБВЕНИЕ)

Эпизод пятый. Прощайте, Кёко-сан

Может, человек и расслабится после трехчасового холодного душа. Однако, и в луже можно утонуть. Увидев лежащую на полу ванной комнаты Кёко-сан я, не теряя времени, остановил поток воды из головки душа.

Пока я закручивал кран, мою спину успело обдать водой, и по телу пробежал холод. Неужели Кёко-сан обливалась водой такой температуры целых три часа?

— Кёко-сан, пожалуйста, держитесь! — снова крикнул я, но ответа не было.

Насквозь промокшие белые волосы теперь отливали серебром. Я не мог почувствовать жизни в этом теле. Не веря в смерть девушки, я легонько дотронулся до ее шеи. Слава богу, пульс был.

Если прислушаться, то можно услышать слабое дыхание. Похоже, Кёко-сан израсходовала последние силы и рухнула на пол. Все-таки, четыре ночи — это гораздо дольше ее предела. Она спала как убитая.

Я почувствовал облегчение. Конечно, я не обладал достаточными познаниями в медицине, чтобы простым прикосновением мог понять, был ли пульс сильный, слабый или это аритмия. Я понимал, что лучше не перемещать ее, но, тем не менее, я не мог оставить ее на полу в таком состоянии.

Надо было вытереть и согреть ее тело.

— Аа...

До меня постепенно дошло, что Кёко-сан сейчас абсолютно голая. Смутившись, я отвел взгляд. Естественно она голая, она же шла мыться, но если Кёко-сан откроет глаза в таком виде, это будет кошмар. Да, это нелепое оправдание, но если она сейчас проснется... Вчерашняя, а, точнее, память прошлых четырех дней абсолютно исчезнет.

И эта Кёко-сан обнаружит себя голой в ванной с незнакомым мужчиной (гигантом). Абсолютно исключено. Хрупкая женщина в такой ситуации умрет от инфаркта.

Вместо того, чтобы насильственно будить Кёко-сан, которая глубоко спит, лучше будет позаботиться о ее здоровье. Да и тяжело будить того, кто боролся четыре дня с бессонницей...

Кроме того, даже если я скажу ей, что она забыла все прочитанные книги, задремав разок, и что вся ее детективная работа канула в Лету, ничего не изменится.

Сейчас стоит положить девушку в постель. Честно говоря, я не мог больше смотреть в глаза раздраженной и озлобленной Кёко-сан.

По сути, сам план прочесть сто книг ни разу не задремав был невыполним. Наивно было предполагать, что Кёко-сан на это уйдет мало времени. Хоть я и думал, что делать дальше, сейчас наступил момент покоя.

Тем не менее, нужно было что-то сделать с наготой, и я ненадолго отошел искать банное полотенце и сменную одежду. Полотенце нашлось сразу, а вот одежда — нет. Значит, когда Кёко-сан открывала душ, она прикрывала себя только руками. Или же она была такая сонная, что совершила такую непредусмотрительную ошибку... Да, это не было ей свойственно, но надо понимать, что ее силы были на пределе.

Несмотря на это, я думал, что одежда и белье, в которых она была все эти дни, где-то здесь... И, к моему удивлению, они крутились внутри прачечного вида стиральной машины, стоящей рядом с раздевалкой.

Ах, вот оно как...

Пока я думал, какая беда, что Кёко-сан умудрилась заснуть в душе, я обматывал вокруг нее банное полотенце. Я вытер ее тело, которое даже через полотенце невозможно было не потрогать целиком... Она спала. Мое чувство вины было немного приглушено, и я боролся с малодушием своего сердца, хотя здоровье Кёко-сан требовало максимальной концентрации.

Ах, да. За себя я вообще не переживал. Меня не волновало, квалифицирован ли я как ее помощник.

В любом случае, я должен был ей помочь.

Я подумал согреть Кёко-сан в ванне, но я слышал, что заход в ванну требует больших усилий. Лучше будет аккуратно положить Кёко-сан в постель.

Одного полотенца было мало, так что я принес полотенце для рук, чтобы вытереть волосы. У меня не было широких медицинских познаний, но я раньше работал в отделении ухода за пожилыми, пока меня, само собой, не уволили, так что что-то полезное я смог усвоить. Я не считал себя опытным, поскольку перекачивался из одного места в другое, но меня радовала полезная информация, которую я сохранял.

— Хм...?

Хоть я и старался не разглядывать вплотную тело Кёко-сан, пока вытирал ее, краем глаза я кое-что заметил... Кроме того, сняв мокрый пиджак, я был спокойнее и рассудительнее, когда увидел это.

На голом теле Кёко-сан то тут, то там были разные надписи, сделанные несмываемым маркером. Впечатляло то, что эти надписи, которые не стерлись за пять дней и, тем более, за три часа душа.

На правой руке была моя подписанная клятва, на левой — суть нынешнего дела... На животе было написано «План», и прямо над ним текст, который я уже видел: «Меня зовут Окитэгами Кёко. 25 лет. Глава детективного агентства «Окитэгами». Белые волосы. Очки. Каждый день моя память стирается». Я уже знал, что Кёко-сан использует свое тело для письма... Но любопытна была надпись на левом бедре: «Дата публикации «Стержень кукурузы»?»

— .....?

Несомненно, если сравнить с другими надписями, это почерк Кёко-сан, но я не понимал смысла предложения. Когда она успела нанести это себе на ногу? «Стержень кукурузы» — то название, которое Кёко-сан дала посмертной рукописи Сунаги-сэнсэя... Я спрашивал ее, и она размышляла о его временном названии. Должно быть, она нанесла надпись после того момента.

Я помню момент, когда она попросила меня ущипнуть ее за щеки. Уже тогда я был достаточно сонный, так что вспоминается это плохо, но тогда я не стал щипать ей руки и мешать читать. Поэтому, может быть, я щипал ее за ноги, а потом за лицо? Но на самом деле дело было не так: Кёко-сан сама с книгой на коленях попросила меня ущипнуть щеки. Она хотела использовать ноги на крайний случай? Получается, эта надпись... — «Дата публикации «Стержень кукурузы»?» — означала, что Кёко-сан, которая традиционно во время дела не делает записи, оставила подсказку к раскрытию дела...? Она рассудила пределы своей сонливости, и соблюдая рабочую конфиденциальность, оставила для завтрашней себя малопонятную надпись...

Как это по-геройски.

И это не преувеличение: она рисковала здоровьем из-за бессонницы, сказала это не прямо, но с намеком к решению дела, соблюдая свой детективный долг...

Еще даже не дочитав сто книг Сунаги-сэнсэя, Кёко-сан успела что-то обнаружить. Кстати говоря, прежде чем уйти в душ, на мой вопрос о выводах, она в полусонном состоянии пробурчала «Выводы ииияяять».

Но вот дата публикации... Что она подразумевала под датой публикации посмертной рукописи? Я понятия не имел. Кёко-сан специально, следуя профессиональной этике, сделала послание понятным только себе и никому другому...

Дата публикации... Может, стоит спросить Кондо-сана? Нет, сейчас главная задача — вынести Кёко-сан из ванной. Оставив размышления о смысле послания из несмываемых чернил, которое вполне себе выдержало трехчасовой душ, на потом, я вытер тело спереди и сзади.

Волосы от полотенца так и не высохли, но зато их цвет вернулся к привычному белому. Я взял Кёко-сан в обе руки и поднял с пола. Из-за моего огромного тела, полученного от родителей, я постоянно страдал — я выделялся, и меня все боялись —, но сейчас я был ему благодарен. Похоже, что мое тело стало таким большим, чтобы я мог спасти дорогого мне человека в подобные моменты.

И все же, поднять Кёко-сан было несложно. У нее была маленькая фигура, и она мало весила. Девушка, далекая от образа великого детектива, раскрывшего множество сложных дел, мирно спала. Я все время полагался на этого маленького человека, но сейчас я впервые чувствовал каково это — поддерживать кого-то.

— ...

У меня было много времени подумать об этом. Вместо этого я вынес Кёко-сан из ванной. Так, если я правильно помню, ее спальня... Точно, за приемной...

Я занес глубоко спавшую Кёко-сан в эту комнату. «Ни за что не входите» были ее слова — вспомнил я, когда повернул ручку и оказался внутри.

Если я правильно помню, в случае экстренной ситуации, мне можно игнорировать этот приказ... Кроме того, чтобы она там ни говорила, ее спальня была самой обыкновенной комнатой.

Я не заметил невероятный беспорядок, за который было бы стыдно, полок со странными коллекциями или чего-либо подобного. Приятная, хорошо убранная комната.

Меня это даже немного разочаровало... Двухспальная кровать, жидкокристаллический телевизор на стене, диски, новейший планшетный компьютер, старинный шкаф и ворсистый ковер... И так далее: здесь было полно всяких удобств и мелких вещиц, не то, что безвкусная приемная. Не просто обычная, а даже роскошная и со вкусом комната, но тогда тем более непонятна причина, по которой мне сказали ни в коем случае не входить сюда.

Если бы мне показали эту комнату, я был бы гораздо более лучшего мнения о Кёко-сан, чем до этого. Или она из тех людей, которые, неважно, убрана ли комната или нет, не любят пускать чужих в свою комнату? Естественно, как девушка она не пустила незнакомого мужчину в комнату, но в моем случае зачем было говорить это напрямую?

Она была на грани сна, ей не нужно было и все-таки она предупредила меня... Неважно, ее комната была чистой, так то я не видел никаких проблема. Я положил маленькое тело Кёко-сан на кровать. Затем я снял банное полотенце и вытер ее. Тщательно.

Мне показалось, что лицо Кёко-сан, чья голова тонула в большой перьевой подушке, выглядело намного спокойнее, чем когда я обнаружил ее в ванной. К тому же, цвет лица был здоровее, а Кёко-сан мирно дремала. Почти как убитая, но я не имел это в виду буквально.

Обычный мирный сон.

Я дотронулся до своей груди и вздохнул с облегчением. Наконец-то, я почувствовал ее дыхание. Какое-то время я беспокоился, но сейчас худшее было позади.

Или же нет?

Жизнь Кёко-сан не была так важна, в то время как потеря ее воспоминаний стала серьезной проблемой. И я снова почувствовал безнадежность. Она забыла содержание всех прочитанных ею книг Сунаги-сэнсэя.

Тот факт, что пятидневная работа Кёко-сан канула в Лету, вызывал у непосвященного меня чувство абсолютной беспомощности. Одной перезагрузкой здесь не обойдешься.

Чего уж говорить о той, кто взялся за дело — Кёко-сан. Нет, Кёко-сан не способна была почувствовать эту беспомощность, ведь она ее забудет, в том числе и сделанную за пять дней работу.

...Если подумать, она такая слабая.

Этот детектив, который стоит на шатких, неустойчивых подмостках, подумал я.

Молниеносный детектив, забывчивый детектив.

И такая практичная, активная и невероятно умная.

Но есть много других детективов. Да даже если она и не была бы детективом, любой другой человек успел бы прочесть сотню книг. Теперь неизвестно, раскроем ли мы это дело или нет... Даже я мог бы прочесть эти книги. Не за пять дней, это все-таки невозможно, но за пару месяцев я смог бы. А вот Кёко-сан не сможет.

Кёко-сан существует лишь сегодня.

И в таком случае она не может не быть детективом. Если бы ей хотелось применять собственные навыки, так почему бы не выбрать другой род деятельности? Что за глупый вопрос. Не было никакой причины и не будет. Ведь не будь Окитэгами Кёко детективом она не смогла бы жить.

Она не сильная, но и не изнеженная.

Кёко-сан может быть только детективом.

Каждый раз, когда я был вовлечен в трудное дело и меня ложно обвиняли, я полагался на Кёко-сан. Каждый раз я был так заиклен на себе, что не видел Кёко-сан.

— ...А.

Пока я думал об этом, я, блин, уже долгое время паялся на лежавшую на кровати голую Кёко-сан. Отвлекаться было некогда, я уже закончил ее вытирать, так что надо было одеть ее.

В этом гардеробе должны быть белье и пижама. Затем пускай она спит, пока не проснется как ни в чем ни бывало. За это время я успею что-нибудь для нее приготовить. Я как-то работал поваром, и вот я опять демонстрирую свои разнообразные навыки. А затем.

— ...

А затем... Кёко-сан опять возьмется за работу. Разумеется, она прочтет содержание работы на своей левой руке и вспомнит, точнее, поймет что делать, почувствует стыд за свою беспечную дремоту и начнет штудировать все работы Сунаги-сэнсэя, начиная с первой. И, разумеется, как планировалось, взглянув на левую руку, она еще раз попросит меня последить за ней. Затем, разумеется, комната снова погрузится в неловкую, тяжелую атмосферу, а мне придется выслушивать оскорбления, пока Кёко-сан будет с болью читать книги.

Читать с болью книги любимого автора.

Нет, этого нельзя сказать наверняка. От «Вчерашней Кёко-сан» осталось лишь сделанное в последнюю минуту временное послание. Однако... как ни посмотри, это ее гипотеза, и что бы оно ни значило, Кёко-сан нужно будет прочесть сто книг.

В конце концов, она попытается прочесть их, исчерпает свои силы где-то на 88-ой, рухнет на пол, забудет, и процесс повторится. Даже не так, ее воспоминания исчезнут, но физические силы не восстановятся — было бы проще, будь у нас около десяти или двадцати книг.

А так это целый труд.

Поэтому, Кёко-сан, вам лучше не браться за это дело... Однако, взявшись за это дело и даже находясь на пределе своих возможностей, Кёко-сан не была готова так легко сдаваться. Она продолжала быть детективом до самого конца. Если бы вы только забыли об этой боли, я мог бы вас убедить— Погодите-ка?

Погодите-ка?

Я второй раз взглянул в глаза Кёко-сан. Это не значит, что я не видел ее голое тело. Я еще раз взглянул на надписи, расписанные по всему ее телу.

Точно.

Был.

Единственный, но способ был.

Я беспомощен — но я был способен сделать кое-что для Кёко-сан.

Если уж делать это, то делать это нужно основательно. Мой противник — исключительного ума детектив. Великий детектив. Будь это скоростная гонка, благодаря своему ужасно острому уму, она одна из лучших. Даже если она будет лениться, она мгновенно раскроет чужой план, мой или чей-либо другой.

И я собираюсь обмануть этого великого детектива.

Основательно. Я должен стать преступником.

...Какая ирония. Впервые тот, кого Кёко-сан постоянно спасала от ложных обвинений, собирался бросить вызов великому детективу.

Однако я должен был это сделать.

Я не мог придумать ничего получше.

Наверное, кто-нибудь поумнее и посообразительнее смог бы придумать что-нибудь, но я не такой. Я неловкий и трусливый парень. Тем не менее, я должен был сделать хоть что-то для Кёко-сан. Кто-нибудь умный и сообразительный обязательно сделал бы что-то для Кёко-сан.

Стараясь не шуметь, я тихонько вышел из спальни и направился на кухню. Разумеется, речь не шла об идеалистической картине, где я готовил завтрак для Кёко-сан в постель — эту идею я откинул. Я собирался взять необходимые мне вещи.

Стоящее напротив раковины кухонное моющее средство. Заодно я захватил рулон бумажного полотенца.

Возможно, были и более простые средства для очистки, но я не собирался оставлять следы. Эта идея мне пришла на ум как та, которая займет меньше всего времени. А именно — стереть с тела Кёко-сан все надписи, оставленные несмываемым маркером.

Легко и просто уничтожить все следы.

...Когда ты пишешь, иногда на руке и пальцах остаются чернила, и ты смываешь их водой и мылом. Но с моющим средством дело пойдет быстрее — я надеюсь.

Возвращаясь в спальню, я не стал стучаться. Уже в этот момент я был преступником, и такая вежливость могла разбудить Кёко-сан, так что я был осмотрителен. Кёко-сан, хоть и не «спящая красавица», к счастью, не подавала признаки маловероятного пробуждения.

Это кажется незначительным, но взглянув на ее спокойное, сонное лицо, все мои прежние сомнения и надежды испарились. Я подумал, что готов ради нее сделать все, на что способен.

Мне следует не смущаться, глядя на это спящее лицо, а мгновенно приниматься за работу. Открыть глаза сейчас для Кёко-сан будет еще большей катастрофой, чем когда она была в ванной.

Сидя сбоку от нее на кровати, я взял ее за правую руку. Правильнее было бы начать с левой руки, но то, что я собирался сделать будет явным предательством для Кёко-сан со стороны ее помощника. Так что я начал стирать составленную мной клятву. Я больше не являюсь правой рукой Кёко-сан.

Одним движением бумажного полотенца я стер свою клятву с правой руки. Подумал я, однако от средства исходил зловонный запах. На кухне оно так сильно не пахло... Запах был не такой сильный, чтобы пробудить, но надо еще немного протереть руку каким-нибудь полотенцем.

Раз за разом я думал, сколько уже раз я вытирал тело Кёко-сан и повторял процесс, недовольный результатом, но только так и возможно совершить идеальное преступление. До нынешнего момента я никогда не думал о том, как сильно волнуются преступники на моем месте, когда меня ненамеренно обвиняли в преступлениях.

К счастью, все это было не напрасно — надпись на правой руке Кёко-сан полностью исчезла. Такое ощущение, что эта клятва была какой-то временной, ненадежной вещицей. Нет, так и должно быть. Я никогда не слышал, чтобы Ватсон предавал Холмса.

Клятва ассистента стала макулатурой, а моя все еще присутствовавшая нерешительность наконец-то превратилась в убеждение. Я понял, что перешел черту, когда назад пути нет. Я вспомнил гнев Кёко-сан по отношению к преступнику в деле лаборатории Сарасина, когда у нее украли память. Но тот гнев будет несравним с нынешней ситуацией.

Поэтому я должен ничего не упустить. Я стал стирать две надписи на животе.

Насчет «Я Окитэгами Кёко» я размышлял — стирать или нет — , но данная надпись сейчас располагалась не там, где я видел ее в лаборатории Сарасина. Это послание не из тех, которые Кёко-сан стала бы наносить ее перед тем, как лечь спать.

Если подумать, раз у Кёко-сан есть визитка, и она известная личность, даже ее найдут спящей и ничего не знающей, у нее будет время идентифицировать себя и найти путь домой в офис.

Определенно, «молниеносный» способ вспомнить себя.

Поскольку Кёко-сан не занята делом» будет лучше будет стереть это послание с остальными. Меня поглотило сильное чувство вины, пока я стирал послание «Я Окитэгами Кёко», будто я стирал факт существования девушки. То же самое, когда стирал «Какусидатэ Якусуке-сан (гигант) тебя разбудит», написанное ее рукой — я предавал ее доверие, и моему сердцу хотелось кричать.

Я будто разбудил Кёко-сан и говорил ей, что человек, на которого ты надеялась, предал тебя.

Но презренный я не стал бы делать что-то такое честное.

Сразу чувствовалось, что вытирать тело кухонной бумагой совсем не то, что вытирать полотенцем. Я умудрился хорошо изучить живот Кёко-сан. Будто трогал его напрямую. Она была по-модельному стройная, но только потому, что последние несколько дней плохо сказались на ее теле, глядя на ее малые руки и ноги.

Можно было предположить, что Кёко-сан почувствовала бы щекотку, будь я неосторожен, стирая надпись с ее живота, но, к счастью, она всего лишь пару раз вздрогнула. Как и с посудой, мягкое поглаживание было эффективнее, чем жесткое соскребание. Опыт работы на кухне мне здесь пригодился.

После полного стирания надписи с живота я встал, обошел кровать и приступил к этому же процессу на левой руке.

«Ты взяла за работу, связанную с Сунагой Хирубэ-сэнсэем. Это важно. Начни завтра в 9 утра». Это послание она должна была забыть. Кёко-сан не получит заказ на эту работу.

Она не возьмется за эту работу.

Она не будет сломлена духом и телом. Ей не стоит давать эту работу. Ей не надо будет читать книги днями и ночами напролет. Это стоит забыть. Завтрашней Кёко-сан это стоит забыть.

Она откроет глаза в неведении.

...Усталость после пяти дней работы никуда не исчезнет, но я надеюсь она объяснит это «сложностью дела, которое раскрыла прошлая я». Стирать на руке было куда проще, чем на животе. Я уже приспособился к процессу, поэтому он у меня занял гораздо меньше времени.

В результате, прошел уже час. Стереть цифровые данные можно одним нажатием кнопки «Delete», а вот аналоговые данные представляли трудность. Я вспомнил взять побольше бумажных полотенец и использовал целую кучу их. Они могут стать уликами, поэтому нужно будет унести их с собой. Может, стоит также закупить новые моющие средства?

А вот это было опасно.

Я кое-что забыл. На левой ноге Кёко-сан оставалось послание. Поскольку я избегал смотреть ниже ее пояса, я упустил такую важную вещь.

«Дата публикации «Стержня кукурузы»?»

Смысл этой строчки неясен, но она могла стать ключом к разгадке этого дела... Было бы преступно стирать такое послание. Стирая это послание, я полностью стирал четыре бессонных ночи работы Кёко-сан. Да что я такое говорю? Будет бессмысленно останавливаться на этой надписи, стерев все предыдущие. Пути назад уже нет. Если я оставлю эту строчку, Кёко-сан будет только озадачена.

Основательно, основательно, не оставляя и пятнышка.

Сейчас неважно, насколько велик Сунага-сэнсэй как писатель, и как он повлиял на возникновение великого детектива Кёко-сан. Сунага-сэнсэй мертв, а то, что было ли это самоубийством или нет, ко мне не имело никакого отношения.

В том плане, что за наказание пришлось бы мне понести.

Или я уже сейчас несу наказание. Я ведь после всего этого вряд ли увижу Кёко-сан снова. Теперь, в чем бы меня ложно ни обвинили, какие бы подозрения на мне ни висели, я не буду просить помощи у нее. Я больше не заслуживаю того, чтобы Кёко-сан помогала такому предателю, как я.

На свете много детективов. Но Кёко-сан есть лишь одна.

Прощайте, Кёко-сан.

Я стер послание с левой ноги.

Все следы чернил на теле Кёко-сан исчезли, но многочисленные чувства, наполнившие меня, остались нестираемы.

Но это еще не конец. Для всех преступников самое важное только начинается. С того момента, как преступление совершено, начинается работа по его сокрытию.

Прежде всего, это подразумевает, что мне нужно одеть Кёко-сан. А то сколько еще она будет лежать голой?

Я открыл гардероб и стал рыскать по ящикам. Нижнее белье и пижама нашлись сразу же. У нее и правда был такой огромный ассортимент одежды, что меня аж передернуло. Я одеваюсь так, чтобы избежать лишних подозрений, а Кёко-сан производила впечатление куклы. Не задумываясь вновь о преступности моих намерений, я стал выбирать. Я не собирался соответствовать вкусам Кёко-сан, и одежда на выход не была нужна. Пижама могла быть любая, но будет естественнее сначала надеть лифчик и трусы. Кстати, есть девушки, которые перед сном одевают лифчик, и которые не одевают. Судя по огромному количеству белья в гардеробе, Кёко-сан относится к первому типу.

Я решил, что одевать белье вслепую будет вежливее, но, учитывая что я сделал до этого момента, это звучит лицемерно. Когда я работал медбратом, мне приходилось переодевать женщин, поэтому непонятно, почему я сейчас закрывал глаза.

Закончив с бельем, было гораздо проще одевать пижаму. Наверное, потому что пуговицы на мужской и женской одежде расположены по-разному, и застегивать их было легко.

Наконец-то закончил: Кёко-сан лежала одетая и ее волосы уже почти высохли, в то время как я обливался потом. Мне сильно хотелось прилечь. Кёко-сан могла вздремнуть, а вот я не смог отбить усталость с четырех бессонных ночей за три часа сна.

Однако, я все еще был полон энергии и валиться с ног не собирался. Следующие пять лет ты можешь сидеть дома до тридцати лет, а пока что держись, Какусидатэ Якусуке.

Я не собирался расслабляться, ведь я уже я пересек Рубикон, когда одел Кёко-сан. Открой она глаза хоть на секунду, моему плану пришел бы конец, и мне пришлось бы столкнуться с неприятнейшим недоразумением, но сейчас эти страхи исчезли.

Необоснованные подозрения от любого другого детектива превратились бы в комедийный скетч, но только не в случае Кёко-сан. Я забрал из спальни банное и кухонные бумажные полотенца, которыми вытирал ее тело. Банное полотенце я бросил в корзину для белья в ванной, бумажные — сложил в карман. Со спальней я разобрался.

Дальше нужно было убраться на кухне и в приемной.

Надо было стереть следы готовки. Я не смогу восполнить запасы в холодильнике, но я должен смыть остатки еды, что я готовил для нас двоих в течение пяти дней. Это объяснит использованное моющее средство. А что насчет еды на столе в приемной? Мои кухонные катастрофы? ...Я не могу их выбросить в мусор — может съесть обе порции? Вкус ужасный, но я сам заварил эти «каши».

Да, следы аутсайдера... Нет, следы помощника детектива должны полностью исчезнуть.

Это здание само воплощение безопасности — и хотя войти нелегко, выйти гораздо проще. Обратное верно: если ты что-то забудешь, ты не сможешь вернуться за этим, поэтому нужно быть предельно внимательным.

Мне не нужно волноваться за отпечатки, кроме самых очевидных (на стеклянном столе, окнах и т.д.). В общем, беспокоиться не стоило. Я был в основном в приемной, и было бы странно, не будь здесь чьих-нибудь других отпечатков, кроме Кёко-сан.

Однако, что я точно не мог оставить, так это 99 книг Сунаги Хирубэ. Оставь я это позади, вся моя работа пойдет насмарку. Когда Кёко-сан, осведомившись о смерти Сунаги-сэнсэя, обнаружит эти книги, она поймет, что взялась за связанную с писателем работу... Детектив ее калибра обязательно придет к такому выводу.

Две картонные коробки... Невозможно вынести их все за раз... Мне придется опыт работы в компании по грузоперевозке? Ну конечно, пригодится.

Точно, посмертная рукопись Сунаги-сэнсэя... Нужно ее не забыть. Хоть она и ценная, но с нее все и началось. Из-за нее я оказался в этой ситуации, и меня это раздражало. Говоря о чувствах... Из плохих чувств у меня рукопись вызывала только раздражение. Я бы врал, если бы сказал, что не был крайне рад помочь великому детективу Окитэгами Кёко — я, которого все боятся. Второстепенный персонаж вроде меня оказался неожиданно в свете прожекторов — ну как я не мог быть на седьмом небе от счастья? Так, успокойся.

Успокоившись, я внимательно осмотрел всю приемную. Не надо слишком сильно нервничать, но подобрать все волоски с пола необходимо. Я здесь пять дней фактически жил... Обычно волосы не замечают, но у Кёко-сан белые волосы. Будет подозрительно, если она найдет множество черных волос. Что же делать? Подбирать один за другим будет слишком долго, пылесос включать не хотелось бы. Его рев точно разбудит Кёко-сан.

Но я слышал об одном простом методе, когда работал в компании по уборке. Нужно обернуть липкую ленту вокруг рук и ползти по полу, собирая волосы. Так же и с отпечатками: я думаю, что будет странно, если не будет никаких отпечатков, но Кёко-сан поддерживает приемную в чистоте, поэтому лучше очистить всю комнату.

Естественно, таким методом я собрал и свои, и белые волосы Кёко-сан. Конечно, мне придется взять ленту с собой — такое поведение напоминало преследователя, и я возненавидел себя... Я поклялся выбросить бумажные полотенца и ленту в уличные контейнеры для мусора и после этого закончил уборку кухни и приемной.

Наконец, я отнес полотенце в ванную. И тут я побледнел. Я обнаружил свой мокрый пиджак. Когда я спасал Кёко-сан, меня обдало из душа водой — я снял пиджак и напроочь забыл о нем. Оставь я такой очевидный след, ни о каком идеальном преступлении и речь не могло бы идти... Профессор Мориарти был бы разочарован.

Пиджак, оставленный на полу, высох лишь на половину. Что поделать, пришлось одевать... Если я не хотел быть обвиненным, нужно было терпеть.

На всякий случай я перепроверил ванную. По сути, мне ничего не нужно было убирать... Мне хотелось избавиться от неприятной влажности пиджака и принять душ, но было бы глупо оставлять следы, и я закончил осмотр.

Итак, теперь...

В принципе, я сделал все, что мог, так что осталось покинуть офис Окитэгами и стать настоящим преступником, но перед этим я хотел еще раз попрощаться с Кёко-сан. Помимо сентиментальных чувств, мне бы хотелось проверить, говоря прагматически, что Кёко-сан все еще спит.

Аккуратно войдя в спальню, я понял, что я вернулся не зря и как мне неожиданно повезло. Точнее, как повезло Кёко-сан.

Она спала на боку в обнимку с большой подушкой а-ля дакимакура¹. Никаких манер во время сна. Но если это признак глубокого сна, то кто я такой, чтобы ругать ее (А уж тем более — критиковать ее позу?), так что я был рад, что вернулся. Тем более, что я задумался о температуре.

Здесь она стояла не слишком холодная, типичная для этого времени года, но стоит помнить, что Кёко-сан несколько часов обдавало холодной водой. Температура ее тела, должно быть, сейчас значительно ниже. Пусть даже Кёко-сан привычнее и удобнее спать без одеяла, она так не сможет сберечь тепло тела.

Хорошо, что здание прекрасно оборудовано, так что в спальне должен быть кондиционер... Я взглянул на дверь. Разумеется, сбоку от нее была установлена панель с пультом управления от кондиционера.

Обычно, когда вы ложитесь спать, вы не оставляете кондиционер включенным...

Если я поставлю таймер так, чтобы он отключился через час, когда Кёко-сан примерно откроет глаза, это не будет слишком подозрительно. К счастью, эта модель кондиционера не шумела, поэтому она не потревожит Кёко-сан, когда та проснется. Применяя свои познания, полученные во время работы продавцом в магазине электротоваров, я установил кондиционер на нагрев до 26 градусов.

Вот только я не посмотрел, где он располагается. Если он дует прямо на Кёко-сан, она будет плохо спать, и его стоит отрегулировать? Он нигде не стоит? Ах да, эта модель вроде бы устанавливается на потолке. Так что я направил свой взгляд туда.

И тут меня осенило.

Потолок.

С тех пор, как я вошел сюда, я ни разу не взглянул на потолок. Ну вот, именно там вмонтирован кондиционер. Из каждого его отверстия идет поток воздуха, который не дойдет до Кёко-сан, лежащей в постели.

Так что, мне не было нужды глядеть туда. Однако, на потолке был не только кондиционер.

Я понял.

Настоящий смысл слов Кёко-сан «Пожалуйста, ни за что не входите в эту комнату» находился на потолке. Там черной краской, жирными буквами было выведено:

«С этого момента ты станешь детективом Окигэгами Кёко».

Это был грубый почерк, и, как ни смотри, он не принадлежал руке Кёко-сан.

Примечания

1. Дакимакура — большая подушка, как правило, с ростовым изображением персонажа аниме.

Закончив все приготовления, я покинул здание Окитэгами, сел на последний автобус, поскольку на такси денег не было (мне так и не заплатили за работу помощником) с коробками с кучей книг. Пожалуй, это была самая сложная часть.

Через несколько часов я дошагал до своей квартиры и наконец-то уснул мертвым сном. Однако это не был конец. Покинув место преступления, я должен был поговорить с одним человеком, чтобы завершить свое безупречное преступление.

Иначе говоря, с клиентом в этом деле – Кондо-саном.

Когда я проснулся, была уже вторая половина дня, но я сразу же связался с Кондо-саном по телефону, чтобы назначить встречу. У него уже были свои встречи, и он попросил меня прийти в перерыве между ними в компанию. Я согласился и стал собираться.

Думаю, Кёко-сан уже успела проснуться. Интересно, что она подумала? Небось великий детектив заметила мою безалаберную работу по уничтожению улик?

...Ладно, что сделано – того не воротишь. Нет смысла размышлять над ошибками, если даже они были. Сейчас я могу кое-что сделать. Я взял в охапку коробки с книгами Сунаги-сэнсэя и сел на автобус в сторону Сакусоя.

В этот день это случилось в первый раз.

Я сам нажал кнопку «Выход».

– ...Удивительно, – сказал Кондо-сан.

Мы сидели в кафетерии компании и уже закончили разговор. Я говорил с сожалением:

– Уверен, вы разочарованы во мне, но я действовал по своему усмотрению, так что...

Кондо-сан деликатно прервал мое объяснение:

– Нет, я не об этом. Меня удивило, как успешно ты реализовал свое «преступление», – он улыбнулся. – Как такой хороший человек как Якусуке, которого все, кроме меня, подозревают, неожиданно убедил меня в обратном? Может у тебя есть задатки преступника, превосходящие интеллект детектива?

– Н-Не шутите так, Кондо-сан. Я вспоминаю ту ночь с дрожью. Я до сих пор не понимаю, что заставило меня пойти на такой отчаянный шаг.

Я не стал рассказывать Кондо-сану всю историю моего «преступления». Расскажи я ему все детали, он бы стал моим пособником. Это прагматичное объяснение, но мне было бы неловко говорить о том, как я спасал голую Кёко-сан в ванной. Я бы не хотел порочить честь Кёко-сан, поэтому эту деталь я сохранил в тайне.

Я кратко изложил, как позаботился о Кёко-сан, которая повалилась от четырех бессонных ночей, и уничтожил все следы нашей работы. Разумеется, я не стал обсуждать надпись на потолке спальни.

– Что было, то было... Кондо-сан, я бы хотел, чтобы вы не поручали ей это дело. Для Кёко-сан, живущей лишь день, такая работа невыполнима. Поручите мне найти другого детектива...

– В этом нет необходимости, Якусуке. Я отзыва данную работу... С учетом обстоятельств так даже будет лучше.

– ? С учетом обстоятельств?

– Сказать по правде... Пока ты работал с Окитэгами-сан, в деле произошел сдвиг. В дело вмешались родственники Сунаги-сэнсэя... Они требовали объявить смерть Сунаги Хирубэ самоубийством.

– ...?

Я не понял. Нет, я просто не хотел понимать. Я сглотнул эту горькую пилюлю, пока Кондо-сан продолжал:

– Это означает, что они не хотят публиковать последнюю рукопись Сунаги-сэнсэя. Они думают, что компания прорекламирует ее как «посмертную рукопись автора-самоубийцы».

– Наверное, родственники не хотят, чтобы это привязалось к нему. К Сунаге-сэнсэю, то бишь.

Желание прикрыть этот факт вполне естественен.

– Кто знает? Как я уже говорил, самоубийство автора не всегда порочит его репутацию. Если не говорить об эмоциях и общественной репутации, такой анонс мог бы поднять его имя.

– ...Но все же...

Я закрыл рот. Кёко-сан говорила это. Новая работа «Стержень кукурузы» была типичной книгой Сунаги Хирубэ. Той, которой ты можешь насладиться и ждать продолжения, и, наверное, он не хотел останавливаться на этом. Но я не могу высказать вслух ее мнение. Кёко-сан уже не работает над этим делом. Нет, это я лишил ее с этого дела. Мнение Кёко-сан – детектива и поклонницы Сунаги-сэнсэя – не повлияет на нынешнюю ситуацию.

Пока я погружался в свои мысли, Кондо-сан продолжал:

– Поэтому, мы в таком затруднительном положении, где мы не можем расследовать возможность убийства с Окитэгами-сан или с другим детективом, поглупее или поумнее. Все из-за родственников. Но если Окитэгами-сан сама вызовется помочь, она может вытащить нас из этой ситуации.

Кёко-сан сама не вызовется помочь, но Кондо-сан полагает, что это может быть выходом. Как бы там ни было, во мне, как в помощнике, проснулось бунтарство. Как организованный человек, я должен оценивать своего руководителя, Кёко-сан.

— ...Я буду раз за разом повторять это, чтобы сберечь ее честь. Кондо-сан, эта работа не предназначена для Кёко-сан. Хотелось бы думать, что вы не забыли, что она идет против многих правил детективного агентства Окитэгами. Вы подкупаете ее тем, что она поклонница Сунаги-сэнсэя—

— Я понимаю, понимаю, не злись. Я не пытался принизить Окитэгами-сан. Мне стоит извиниться, поскольку я не думал, что Окитэгами-сан дойдет в своем расследовании до того, чтобы прочитать все сто книг, — Кондо-сан успокаивал меня.

Все правда. Фактически, он дал Кёко-сан, готовой работать, это дело, которое довело до ее потери сознания.

Работающий член общества должен знать, когда сказать, что ему что-то не под силу. В тот раз Кёко-сан отказалась это сделать. Может быть, все потому, что она была поклонницей Сунаги-сэнсэя...

— ...Кондо-сан. Вы как-то это говорили, но не могли бы вы объяснить? Кёко-сан стала детективов после того, как прочитала книги Сунаги-сэнсэя. Что это вообще значит?

— Ах это... Проболтался. Раз так, играть в молчанку поздно... Помнишь, в деле Сатой-сэнсэя, я говорил, что встретил Окитэгами-сан, когда работал за границей?

— Да. Вы просили забыть об этом, но мне это показалось странным...

Кондо-сан говорил, что встретил похожую женщину, когда работал в заграничном отделении компании.

— Эта женщина в тайне была поклонницей Сунаги-сэнсэя. Я был знаком с Сунагой-сэнсэем, но не затрагивал с ним эту тему. Так как ты ввязался в дело в Сакусосэя и тебе пришлось уволиться, я не стал рассказывать подробности... Эта девушка очень помогла мне. Благодаря ней, я сейчас нахожусь здесь.

— Ух ты...

Слышать это от такого мужчины, как Кондо-сан... Если он благодарен ей за свою нынешнюю позицию, она косвенно помогла и мне, но неужели она и Кёко-сан — один и тот же человек?

— Нет, возраст не совпадал, поэтому я брякнул это. Но, возможно это моя плохая память. Прости. Я поручил ей то дело только потому, что Окитэгами-сан походила на ту женщину, и я хотел убедиться.

— Т-Так вот оно что.

Кондо-сан был удивительно заиклен на Кёко-сан... Неужели у него был скрытый мотив, когда он спланировал мое с ней свидание на коттедже Сунаги-сэнсэя? Возможно, у него были и другие намерения?

– Т-Так вы подтвердили свои подозрения?

– Нет, честно говоря, я многого не понял. Она действительно большая поклонница Сунаги-сэнсэя и она взялась за это дело, игнорируя свои принципы. Я был почти убежден в том, что она, будучи поклонницей Сунаги-сэнсэя, стала детективом. Однако, та женщина не была из тех, кто готов падать в обморок ради раскрытия дела...

И вряд ли она имела уникальную память, которая перезагружается каждый день. Кондо-сан, небось, тоже это понял. Уже тогда можно было сказать, что это разные люди... Однако ее память могла стереться, когда Кондо-сан вернулся домой, и потому она забыла его.

Однако, Кёко-сан точно не стала детективом, потому что была поклонницей Сунаги-сэнсэя. Причина, по которой она стала детективом.

Это надпись на потолке спальни.

«С этого момента ты станешь детективом Окитэгами Кёко».

...Просыпаясь, она теряет вчерашние воспоминания, затем она следует инструкции того, кто оставил это послание. Но, как бы это ни было цинично, она могла быть только детективом.

– В любом случае, я больше не буду испытывать Окитэгами-сан. Это слишком опасно. Прости, Якусукэ. Я ни за что не стану проверять ее прошлое.

– Х-Хорошо... Я ценю это.

– Не будь ты там, я бы совершил непоправимое. С этого момента тебе нужно поддерживать Окитэгами-сан. Этой девушке необходим помощник.

– ...Кондо-сан.

Нет, я совершил непоправимое. Сегодня я не встречусь с Кёко-сан. Мы с самого начала не были близки, но если бы не Кондо-сан, я бы ни за что не сходил с Кёко-сан на свидание. Я предал ее, а теперь идти и давать ей новое дело я не могу. Сказав это про себя, я вспомнил как нашел ее упавшей на пол в ванной.

Она лежала в холодной воде и могла умереть от гипотермии. Кёко-сан допустила оплошность. И она не может учиться на своих ошибках.

Если бы ее кто-то другой спас.

...Я бы стоял в стороне, надеясь впустую... Наверное, я хочу сказать, что если бы появился это прекрасный принц, мне было бы грустно.

Я будто убеждаю себя, что «я не могу этого сделать» и «это должен сделать кто-то другой». Я что, заявляю это в лицо Кёко-сан?

Я не знаю. Сделал ли я это ради Кёко-сан? Было ли мое предательство ради нее?

– ...Я понимаю, Кондо-сан. Но перед этим я хотел бы кое-что услышать. Когда вы планируете опубликовать «Стержень кукурузы»?

Не желая говорить больше на ту тему, я решил кое-что проверить. Сейчас мне хотелось говорить на любую другую тему.

– «Стержень кукурузы»?

– Извините, я хотел сказать, посмертная рукопись Сунаги-сэнсэя.

– Хмм... Название Окитэгами-сан придумала? Звучное. Мы планировали опубликовать ее весной следующего года... Я надеялся, что она окажется на прилавках в феврале. Я все еще думаю, что мы будем делать после похорон Сунаги-сэнсэя... Тут еще и у семьи покойного планы.

Опять с «планами семьи покойного»... Нет, я аутсайдер, мне не стоит вмешиваться. У них будет много забот: распределение наследства и налоги. Я знаю, что самоубийство не обязательно порочит честь автора, но даже если эта смерть не самоубийство, ее объявят таковой. Все-таки, это то, чего они хотят. Не писатели, а люди.

– Я уже говорил, что время самоубийства – слишком удобное. Он завершил многие серии, написал самостоятельную историю «Стержень кукурузы» и умер, не оставив ни одной незаконченной истории. Все как будто спланировано.

Опять с этим, уже в третий раз. Как известно, третий раз – алмаз.

– Якусуке, я думаю, что в это дело не закончено. В Сакусосэя уже решили, что книга хорошо продается. Я там не главный, и я не в позиции их оспаривать, но здесь что-то нечисто. Сунага-сэнсэй не покончил с собой, но четких доказательств нет–

– Сунага-сэнсэй не покончил с собой.

И тут, с этим смелым заявлением, с другой стороны стола без всякого предупреждения подошел человек. Она легко придвинула стул и элегантно присела.

Женщина малого роста. В очках. С абсолютно белыми волосами.

В поглаженных штанах и рубашке, застегнутой на все пуговицы.

– Приятно познакомиться. Меня зовут Окитэгами Кёко.

Глава детективного агентства Окитэгами – Окитэгами Кёко.

Девушка торжественно представилась. Детектив улыбалась и держала в руке бумажный стаканчик с кофе.

– Что ж, давайте докажем это.

Когда я увидел появившуюся из неоткуда Кёко-сан, я удивился и взглянул на Кондо-сана. Ее появление не было чем-то из ряда вон выходящее, но я как никто другой был поражен им. Я решил, что Кондо-сан опять все организовал. Однако, судя по тому, как он среагировал, я ошибался.

Кёко-сан – единственная, кто хранил спокойствие – заговорила:

– Прошу прощения. Я заглянула в отдел редакции, но припозднилась.

Затем она положила конверт, что держала под мышкой, на стол.

– Я получила это от Конаки-сана и прочитала его. Простите за ожидание.

– Это же...

Кондо-сан заглянул в конверт, но проверять его содержимое не было необходимости. Внутри была распечатанная посмертная рукопись Сунаги Хирубэ, «Стержень кукурузы», как я ее называл. Это была копия той рукописи, что я унес – по толщине конверта можно было догадаться...

– Это была прекрасная история. Я бы назвала ее «Домашняя сладкая кукуруза». – сказала безразлично Кёко-сан.

Судя по названию, ее мнение об этом произведении изменилось. Кондо-сан, будучи редактором, наверняка тоже придумал какое-то название...

Она изменила название, потому что стала «Сегодняшней Кёко-сан»?

Конака-сан из издательского департамента – ответственный редактор Сунаги-сэнсэя... Он ведь еще и коллега Кондо-сана, так что она, должно быть, узнала от него всю историю. Там же и отдел редатуры находится... Никто не запрещал им молчать... Черт, если бы я услышал от Кондо-сана о предполагаемом прошлом Кёко-сан, пока меня не уволили, я бы оказался втянут в политические игры компании.

Стоп, почему Кёко-сан вообще здесь, разговаривает с нами? Ладно, Конака-сан, он мог выдать ей копию рукописи, будучи осведомленным о ее деле, но как она прошла мимо ресепшена...

– Я пришла как детектив, что провести расследование на месте. Поскольку я походила на персонал, мне удалось проникнуть сюда без проблем. Я хотела организовать встречу с Кондо-саном, но вы ушли на какую-то встречу. Конака-сан, ответственный за Сунагу-сэнсэя, сообщил, что вы находитесь в кафетерии, – объяснила Кёко-сан.

Объяснение было вялым. Кёко-сан явно не испытала проблем, пробравшись через строго охраняемое издательство... Хотя, молодая женщина в строгих штанах не вызвала бы подозрений, и ей было бы легко проскользнуть в таком виде. Но нас волновало, почему Кёко-сан здесь.

Кёко-сан повернула свое улыбающееся лицо ко мне. Я был в замешательстве.

– Итак, кто из вас Кондо-сан?

Сконфуженный Кондо-сан поднял руку, словно он ученик, который отвечает на вопрос учителя. Такой забавный жест, будто он не хотел сердить стильную Кёко-сан – я же был спокоен.

Ее память стерлась... Она не помнила ни мое, ни лицо Кондо-сана. Однако, она помнила, что бралась за работу Сакусося, связанную с покойным Сунагой-сэнсэем. Кёко-сан могла услышать это от Конаки-сана. Но если она не знала этого, она бы не стала наносить визит в Сакусося. Получается, я все-таки допустил какую-то ошибку на месте преступления?

Проснувшаяся Кёко-сан почувствовала что-то странное в своем офисе и направилась в Сакусося... Может быть, так и лучше. Я готов принять, что я допустил какую-то ошибку, не смог все прикрыть.

Однако... Судя по поведению Кёко-сан уже каким-то образом осведомилась о смерти Сунаги-сэнсэя. Как бы там ни было, она была уставшая. Тем не менее, я уверен, что когда она проснулась... ее пятидневная память исчезла. Тогда как она узнала о смерти писателя?

Проснуться, узнать всю информацию за полдня столько все узнать и прочесть все труды Сунаги-сэнсэя. Прочесть все сто книг? Невозможно, иначе она бы с самого начала так сделала. Максимум она могла прочесть десяток книг... Я не понимал. Кроме того, я унес из здания Окитэгами все книги Сунаги-сэнсэя. Там было много публикаций, которые сейчас сложно раздобыть.

...Или же она блефует?

Кёко-сан уже проделывала такое с преступником в лаборатории Сарасина, и возможно сейчас она с чистого листа это и делает...?

– ...Сунага-сэнсэй не покончил с собой – вы это сказали. Я понимаю, мы можем рассчитывать на какие-то доказательства, Окитэгами-сан?

– Конечно. Я не делаю необоснованные заявления. Ведь я детектив, – на вопрос Кондо-сана Кёко-сан отвечала с улыбкой.

Она не показывала знаки усталости. Обычная Кёко-сан за работой.

– Но перед этим можно я спрошу? Это вы Какусидатэ Якусуке-сан?

– Э? Д-Да... – заикаясь, ответил я.

Испытывая чувство вины из-за предательства, я не смотрел ей в глаза, что, наверное, выглядело подозрительно. Если она сейчас скажет, что я – убийца Сунаги-сэнсэя, я вряд ли смогу это отрицать.

– Понятно. Ну да, Конака-сан мне все рассказал. Это ведь вы помогли мне с работой. Благодарю вас.

Конака-сан проболтался, но это не его вина. Он не мог скрывать информацию от детектива.

– А... Н-Нет, я не принес особой пользы...

– Возможно. Скорее, вы были мне помехой. – сказала Кёко-сан с улыбкой на лице.

...Я-таки допустил оплошность.

Но Кёко-сан повторила:

– Благодарю вас. Мне повезло, что вы были мне помехой. Благодаря вам, я узнала правду.

– ...Э? Что вы имеете...

– Л-Лучше скажите, – Кондо-сан встрял в разговор, – что вы поняли, Окитэгами-сан. Мы бы хотели, чтобы вы пролили свет на смерть Сунаги-сэнсэя.

– Хм. А это так важно?

– Да, это важно. Наша компания попросила вас, забывчивого детектива, расследовать это. Если же ваша память не стирается, то ваш слоган – обман, что подпортит вам репутацию.

Кондо-сан занялся риторикой. Было похоже, что он пытается отвести от меня, совершившего преступления, подозрения. Я опять подумал о его благоразумии. Однако, Кёко-сан не стала реагировать на это.

– Так и есть, как вы и сказали. Как бы там ни было, если вам нужна правда, я не могу обойти это вниманием. Какусидатэ-сан.

Кёко-сан положила листок на стол.

– Вы неплохо прибрались у меня дома, но забыли одну важную вещь. Важное доказательство.

Сложенная бумага. Разумеется, это был подготовленный Кондо-саном список книг Сунаги-сэнсэя. Разумеется, там было четко напечатано: «Издательство: Сакусося – Кондо Фумифуса». Это и стало причиной визита Кёко-сан в Сакусося. Однако, я спросил:

– Г-Где вы... нашли это?

– В ванной комнате. Проснувшись, я решила принять душ и нашла это. Я понятия не имела, как там это оказалось.

Я тут же задумался. В ванной? Да, там было больше всего хаоса... Это когда я снял свой пиджак? В конце-концов я забрал его, но чтобы из кармана выпал этот листок...? Не думаю, что я бы допустил такую оплошность, однако сейчас этот листок был в руках Кёко-сан.

– Беру свои слова назад, Якусуке. Ты не способен совершить преступление, – сказал Кондо-сан с усмешкой.

Я был смущен и ничего не сказал.

– Окитэгами-сан, поймите. Якусуке действовал из ваших лучших побуждений. Он никогда бы не стал вам мешать.

Кондо-сан защищал меня. Какой же он все-таки надежный. Не знаю, защищал бы ли он меня так, скажи я ему, что ухаживал за голой Кёко-сан.

– Понимаю. Он сделал для меня многое, и я не могу не выразить благодарность, – сказала Кёко-сан мне...

Не похоже, чтобы она врала. Судя по предыдущему высказыванию, она не помнит, как потеряла сознание в душе... Тогда я буду до конца скрывать это, чтобы хотя бы не позорить честь Кёко-сан.

– Но как вы раскрыли дело? Я ведь унес все книги Сунаги-сэнсэя–

Я рассказал историю инцидента. Наверное, я вел себя необычайно живо для главного аутсайдера, но Кёко-сан не заострила на этом внимание:

– С самого начала не было необходимости читать все книги Сунаги-сэнсэя. Достаточно было взглянуть на список, чтобы почти полностью решить дело. Бритва Оккама¹. Полагаю, вчерашняя я, как поклонница Сунаги-сэнсэя, хотела прочесть все его книги и поэтому согласилась на работу.

– Н-Но, эм, только взглянув на список? К-Как вы–

Как ни смотри, это всего лишь список книг Сунаги-сэнсэя... Листок, который сделал Кондо-сан. Не знаю, как через него можно было узнать правду про смерть Сунаги-сэнсэя?

– Я в курсе. Найдя этот листок в ванной, я сразу же заметила.

– С-Сразу же?

Этот молниеносный детектив.

– Посмотрите на одну важную деталь. Здесь.

Кёко-сан указывала на нижний ряд листа. На даты публикаций. Этот список документировал всю карьеру писателя: в какой месяц и год его книги публиковались. Если поглядеть на список, можно ознакомиться с 45-летней карьерой Сунаги Хирубэ. Ну и что?

– Вы не заметили?

– Нет. – Нет.

Мы с Кондо-саном ответили одновременно. Как учитель, Кёко-сан стала вежливо все разъяснять. В отличие от меня, Кондо-сан мог счесть такое поведение невежливым.

– Представьте, что дата публикации книг у какого-нибудь автора всегда склоняется на январь. Тогда вы бы решили, что автор заиклен на этом месяце, так?

Гиперболизированный пример, и я не сразу понял... Но в этом был какой-то смысл. Если у писателя есть идея фикс насчет одного месяца, это сложно не заметить. И наоборот, если писатель не публикует ничего в апреле, он наверняка считает его неблагоприятным месяцем.

– Но глядя на публикации Сунаги-сэнсэя, я не вижу никакой подобной закономерности... У этого плодовитого писателя все книги издаются в случайном порядке, в каждый из двенадцати месяцев...

– Конечно, если смотреть поверхностно... А что если мы разделим книги? Давайте сделаем это по сериям.

– По сериям...

У Сунаги-сэнсэя на счету 22 серии романов... Возможно, они издавались на конкретные месяцы? Одни издавались в четные месяцы, другие – в нечетные... Мы с Кондо-сан разделили обязанности и стали проверять это.

Между тем, Кёко-сан любезно пила кофе... Итог наших стараний был неутешителен. Мы не нашли никакой закономерности, кроме как в серии «Детектив Мейко», чьи книги выпадали на четные месяцы. И это неизбежно, ведь такие истории для мальчиков и девочек должны выходить каждые два месяца... Тем более, это решает не автор, а издательство.

– Окитэгами-сан, я сейчас должен пойти на другую встречу, так что не могли бы вы не тратить время попусту...?

Кондо-сан стал жаловаться на трату своего рабочего времени, но Кёко-сан была невозмутима.

– Прошу прощения. Я люблю смотреть, как мужчины работают, – изящно парировала она. – Что ж, раз вы так торопитесь, я буду более краткой в своем объяснении. Важно обратить внимание на то, что остается после сортировки по сериям.

– Что остается после?

– На шесть самостоятельных работ.

После этих слов, мы еще раз просмотрели список. Действительно, это было упущено. Мы проанализировали даты публикации серийных книг, но оставались некоторые книги, которые никуда не вписывались, и мы собрали их все вместе.

Шесть самостоятельных книг.

Дебютный роман «Убийство на дне», выпущенный восемь лет спустя «Глаз царя обезьян», затем...

– А!

Все шесть книг – они были изданы в феврале.

Примечания

1. Методологический принцип, в упрощенном виде значит "Самое простое объяснение с наибольшей степенью вероятности – правдиво".

Как... это понимать?

Одно дело – понять это за одну секунду, что будет преувеличением, но все равно это можно было понять, изучив список. Можно было обнаружить это не учитывая сто книг, сорок пять лет карьеры, авторский стиль, а после сортировки этой банальной информации о публикациях.

Можно ведь и проигнорировать эту информацию. Это могло быть совпадением, что все шесть книг выпали на один месяц. Ладно, две или три книги... но целых шесть? 12 умножить на 6... Нет, не хочу рассчитывать вероятность. Похоже, что эта закономерность была намеренной.

...Кстати, та охота за сокровищем.

Мне сказали, что в этой игре известного писателя редактору давали подсказки, чтобы он нашел рукопись, но в итоге ничего не нашлось. Большинство издательств сочли бы это за некую шалость, но может ли такое быть, что Сунага-сэнсэй таким образом сдвигал дату публикации...?

Почему же никто не заметил такого очевидного факта? Наверное, вряд ли легко заметить такой грандиозный секрет за 45 лет писательства посреди 99 книг... Этих книг было мало, да и эпоха была другая. Сейчас период цифровых баз данных, и составить статистику проще простого. Вот только вся история известного писателя длилась долго, прежде чем ее оцифровали.

Ну и. Ну и что теперь?

Погодите-ка. Мы торопимся с выводами. Мы просто поразмыслили. Я посмотрел на Кёко-сан. Не то, чтобы уставился, а скорее стал серьезно смотреть ей в глаза, но Кёко-сан изящно отвела взгляд от меня.

– Я сделала вывод, что дата публикации этой новой самостоятельной книги «Домашняя сладкая кукуруза» выпадет на февраль следующего года, – сказала она.

Дата публикации.

Точно, вчерашняя Кёко-сан тоже заметила это. У нее появились сомнения насчет публикации посмертной рукописи, и она записала это на левой ноге. Разумная гипотеза... Но она обрабатывала много информации, так что не стала проверять гипотезу. Чтобы проверить, что «в работах Сунаги-сэнсэя не было самоубийц», ей пришлось читать все книги. Возможно, она хотела проверить гипотезу после того, как изучит сто книг. Но у сегодняшней Кёко-сан не было этой информации. Поэтому она сфокусировалась на одной гипотезе.

Кондо-сан согласился.

Я это уже слышал. Что новая работа может быть опубликована в феврале следующего года.

– Кроме того, я не знала о вашем заказе, пока не услышала о нем от Конака-сана. Однако, я догадалась об этом, обнаружив этот лист в ванной комнате. Я собрала самостоятельные книги по датам их публикаций. К счастью, половину из них я уже читала... Поэтому по пути в Сакусоя я купила и прочла остальные книги. Мне повезло, что они все еще издаются. Затем я взяла у Конака-сана рукопись и сделала вывод–

Всего четыре книги, включая посмертный манускрипт – еще бы Кёко-сан их быстро прочла.

Она подтвердила это словами: четыре книги быстро не прочитаешь, но зато, по сравнению с сотней книг, ей потребовалось гораздо меньше усилий. В результате, даже не пришлось перечитывать старые книги...

– –что данные семь книг содержат какую-то общую деталь. Я выяснила, что они вписываются в одну серию.

– ...Я так не думаю, – жестко ответил Кондо-сан.

Он был составителем списка и чувствовал стыд, что не заметил этой закономерности. Может, он не был сильно строг, но он не мог молчать, поскольку был связан с Сунагой-сэнсэем, как редактор с писателем.

– В этих семи книгах протагонисты, главные персонажи и, конечно же, мотивы и жанры совершенно различаются–

– Я вас слышу. Прочитав все семь книг, я тоже это заметила. Тем не менее, что в них общего? Второстепенные персонажи.

Завернув рукав, Кёко-сан со стуком положила левую руку на стол. Затем быстро взяла в правую руку небольшой маркер и стала писать на коже.

– Первая работа – «Убийство на дне». В ней появляется подруга младшей сестры главного героя, ее одноклассница. Ей не придают особого внимания, и ее имя не упоминается.

– ...Там есть такой персонаж? – спросил Кондо-сан, и Кёко-сан кивнула.

– Причин запоминать ее не было. Она не была в центре внимания, и ей дали лишь несколько реплик. Если читать внимательно, то по номеру в списке класса она близка к сестре героя, поэтому можно предположить, что ее фамилия начинается с «Мако». Затем, семь лет спустя выхода на свет «Убийства на дне», во второй книге – «Глаз царя обезьян» – появляется свидетель убийства – молодая девушка. Ее фамилия – Момота, но полного ее описания нам не дают. Она лишь свидетель и не настоящий убийца. Важной роли в книге она не играет.

– ...

– После этого, девять лет спустя в феврале вышла третья книга – «Жизнь проходящего ангела». У главной героини, женщины-полицейской, есть друг по переписке – Кувата-сан. Мы не знаем его пол, но с делом он никак не связан, а является своего рода консультантом. В феврале следующего года вышла очередная самостоятельная книга – «Шум из-за убийства», где появляется домовладелица Асами-сан, которая показывает дорогу герою-детективу. Пятая

книга, вышедшая в феврале девять лет спустя, называется «Клуб плавания кролем». И семь лет позже выходит шестая книга – «Зеленый молодец». В обеих книгах появляется женщина среднего возраста, которую зовут Аса-тян, и дети главных героев подают ей сиденья в транспорте. В феврале следующего года выйдет первая за двенадцать лет самостоятельная книга – «Домашняя сладкая кукуруза», где появляется бабушка-фермер, которая выращивает кукурузу.

В одно мгновение Кёко-сан убрала левую руку. Она описала семь второстепенных персонажей, появляющихся в каждой из этих книг.

– Эти семь персонажей... один и тот же человек? – спросил Кондо-сан.

– Если это так, то все становится на свои места. Взгляните на их возраст: в первый раз – девочка-одноклассница; восемь лет спустя, во второй раз – молодая девушка; девять и десять лет спустя, в третий и четвертый раз – женщина лет тридцати... Уже девять лет спустя, в пятый раз – «тетушка», женщина средних лет; семь лет спустя, в шестой раз – ей уже за пятьдесят... Наконец, двенадцать лет спустя, в шестой раз – бабушка, – с придыханием закончила Кёко-сан.

Мы словно лицезрели жизнь человека на руке Кёко-сан. В глазах читателя этот персонаж продолжал жить во всех этих самостоятельных книгах? Она не выделялась, и никто этого не заметил. Потому что она – второстепенный персонаж?

Такой вывод можно было сделать, если обнаружить эту странность в седьмой книге и узнать даты публикаций книг. Детектив Кёко-сан, сойдя с дела на полпути, сделала правильный выбор, прочитав книги не в обратном порядке, а в порядке их выхода.

– Асами-сан и Аса-тян – один человек... Я могу себе такое представить, но, Окитэгами-сан, как могут все эти персонажи быть одним лицом? Момота и Кувата – совершенно разные фамилии.

– Я думаю, она вышла замуж, – Кёко-сан проигнорировала возражения Кондо-сана. – Согласно книгам, этот второстепенный персонаж не влипал в серьезные неприятности, у нее была подруга, она вышла замуж, работала, завела семью и вырастила детей. Она жила 45 лет в книгах Сунаги-сэнсэя. Ее девичье имя – Момота Асами-сан.

– ...Мне это кажется бессмысленным. Зачем Сунага-сэнсэй вписывал этого персонажа в шесть, то есть, семь самостоятельных, даже не серийных, романах? Это какое-то странное cameo¹. Кто знает, кто такая Момота Асами-сан?

– Моя работа – узнавать кто есть кто. И я не хвастаюсь своими дедуктивными способностями, как великий детектив – я лишь выполнила свой профессиональный долг. Я проверила биографию человека. Я поискала Момоту Асами, которая была как-то связана с Сунагой-сэнсэем. – Кёко-сан подчеркнула помощь Конака-сана. – Это удалось выяснить меньше, чем за полчаса. Это была живущая рядом с Сунагой-сэнсэем ровесница, когда ему было где-то семнадцать лет. Они планировали свое будущее вместе, однако она покончила жизнь самоубийством.

Кёко-сан сказала это сухим тоном и упомянула, что не знает конкретных деталей. Самоубийство. Что-то с ней произошло. Можно было представить, что именно... Возможно, Кёко-сан изучила больше, но хранила молчание. Или же она ничего больше не узнала и не стала допытываться.

В работах Сунаги-сэнсэя не появлялось слово самоубийство.

Он... выбрал этот способ уйти из жизни, потому что его выбрала его подростковая любовь?

– П-Получается... в феврале эта Момота-сан... ушла из жизни?

– Нет, это ее месяц рождения. Родилась она в феврале, как я поняла. Возможно, Сунага-сэнсэй стал писателем, чтобы сохранить покойную Момоту-сан в живых в своих историях, но это чересчур романтично, на мой взгляд. У него могли быть разные причины стать писателем. Но можно предположить, что это была одна из его причин.

Чтобы мертвый человек продолжал жить в историях... Для многих это прозвучит нелепо. Никому не было бы дела до того, что автор сделал персонажа по образу знакомой.

Я, в свою очередь, не смеялся и не игнорировал это. Сунага-сэнсэй дал Момоте Асами второстепенную роль в своих книгах. Оставаться второстепенным персонажем в мире, где случаются эти «книжные» инциденты. Эта женщина введена, как персонаж, чье имя не упоминается, и она живет простой жизнью. Она могла выйти замуж и завести семью. Это необычайное счастье. Сунага-сэнсэй дал ей быть обычным человеком.

Он писал обыденность, и мне это показалось прекрасным.

Наверняка Кёко-сан почувствовала то же самое. Поэтому ее мнение о рукописи изменилось.

Впервые мы с Кёко-сан совпали в оценке Сунаги-сэнсэя. Как же это прекрасно.

– Это не было перерывом. Можно сказать, что для Сунаги-сэнсэя эти самостоятельные книги были единственными историями, которые он писал для себя. Никто не замечал этого и не говорил об этом. Внутри своих работ он прятал свое сокровище. Жизнь Сунаги Хирубэ как писателя – одна большая охота за сокровищем. Очень жаль, что его книги, за исключением дебютного «Убийства на дне», продавались не очень хорошо и что читателей у него мало... Но в этой серии Сунага-сэнсэй был счастлив.

– ...Окитэгами-сан, это важно... Если ваша догадка верна, почему же Сунага-сэнсэй не мог покончить с собой?

– Что? Как же вы не понимаете? Я думала, вы прочли «Домашнюю сладкую кукурузу».

Кёко-сан по-настоящему удивилась, пока разворачивала рукав. Она будто говорила, что уже все решено и есть доказательства.

– В этой работе бабушка-фермер все еще полна сил и духа. Если и писать жизнь человека, то надо писать и его последние моменты. Получается, что этот седьмой самостоятельный роман

– не последний. Сунага-сэнсэй сорок пять лет писал жизнь Момоты Асами-сан, и он не мог покончить жизнь самоубийством, не описав ее мирную смерть.

Примечания

1. Камео — роль, как правило, эпизодическая, в которой используется известный и легко узнаваемый образ.

Можно мыслить что угодно. Даже если признать выводы Кёко-сан, нужно брать в расчет неустойчивую человеческую психику. Писатель мог пасть духом, решить все забросить и импульсивно выбрать смерть. Естественно, проще говорить, что Сунага-сэнсэй, который нес в себе бремя самоубийства любимой, не стал бы совершать самоубийство. В любом случае, мы не можем говорить наверняка о мотивах Сунаги-сэнсэя. Нам остается лишь гадать. Будучи его поклонницей, Кёко-сан провела свою работу в позитивном свете, и вряд ли она будет его менять.

Я не стану проверять догадки Кёко-сан, а лишь изложу факты. После всего этого было объявлено, что Сунага-сэнсэй в ту ночь по ошибке принял слишком много снотворного и не совершал самоубийство. Более того, никто не повинен в смерти великого писателя. Затем Кондо-сан, хоть он и не имел особой власти, убедил Конаку-сана и отдел продаж не передвигать дату публикации последней книги Сунаги-сэнсэя и выпустить ее, как планировалась, в феврале следующего года. Но это еще впереди. Уже начало смеркаться, и все в кафетерии компании разошлись. Кондо-сан ушел на следующую встречу.

– Какусидатэ-сан. Вы не могли бы проводить меня до моего офиса? – спросила Кёко-сан на выходе из здания.

Просьба показалась странной, ведь это не похоже на ночную прогулку, да и личного транспорта у меня не было, но я не мог ей отказать.

В этот момент все для меня стало ясно. Будет раскрыто дело и будет суд.

Мы добрались до здания детективного агентства Окитэгами на автобусе, и меня провели в приемную. Я уже знал, для чего меня привели туда.

– Итак, Какусидатэ-сан, давайте поговорим как взрослые.

Кёко-сан поставила на стол передо мной чашку с кофе и сказала это мне с улыбкой. С улыбкой, накаляющей атмосферу.

– Вы ничего не хотите мне сказать?

– Сказать-то... Можно сначала узнать? – спросил я, находясь под давлением. Я подготовил себя.

– Сделанный Кондо-саном список книг Сунаги-сэнсэя... Вы ведь соврали, сказав, что нашли его в ванной? Сколько я ни думаю, я не мог совершить такую ошибку. Я бы это сразу заметил.

– Верно. Это была ложь, – без тени смущения ответила Кёко-сан.

– Почему вы соврали... и не удивили Кондо-сан этим?

– Я обманула Кондо-сана. Я заметила, что он дорогой друг вам, и не хотела смущать его. Он ведь не знает, верно? Что вы приглядывали за моим голым телом.

Она это знает. Она это помнит.

Меня это не удивило, ведь, пока мы шли, я уже догадался. Я успел себя успокоить, но я так и не мог понять, где великий детектив нашла тот список. Простое объяснение и все такое, но она узнала слишком много информации. Не могла она только по листочку прийти к таким выводам.

Что-то послужило подсказкой. Что-то еще.

Точно, как в коттедже, во время поиска сокровищ, нам предварительно дали подсказки. Как, например, на бедре левой ноги...

– ...Что это значит? То есть, если бы вы нашли листок в ванной, вы бы не догадались обо всем этом... Когда мы встретились, вы прикинулись, что не знали меня. Разве что перед тем, как я стер с вашего тела все записи, вы проснулись – так что ли получается?

– Да, – ничем не примечательный кивок. – Если говорить точнее, я проснулась, когда вы выносили меня из ванной. – не скажи она эту деталь.

Я-то думал, она глубоко спала... Она же работала четыре ночи подряд, но поразмысли я хоть немного, то понял бы, что Кёко-сан несколько часов обдавалась холодной водой и это лишило ее всякого сна...

– Вы вряд ли знали, но я много не сплю. Несколько часов сна снимут мою умственную усталость, пусть не физическую.

Я этого не знал. Она разыграла козырь забывчивого детектива. А я ей в этом невольно помог.

– Мм? Но если вы поспали несколько часов, значит ваша память...

– Да, она стерлась. Вернувшись в сознание, я ничего не помнила. Я была на пике замешательства. Поэтому я закрыла глаза и притворилась спящей.

Люди на пике замешательства не думают рационально... Кёко-сан проснулась, все забыла, обнаружила себя голой и что, к тому же, ее несет гигант. Чтобы додуматься прикинуться спящей... это надо быть смелой.

– Как странно... – сказала Кёко-сан, встав с дивана.

Мы еще половину кофе не допили, но она ушла и принесла мне моеющее средство и бумажные полотенца.

– Вы не могли бы? Я должна стереть это, поскольку это конфиденциальная информация, – сказав это, она опять завернула левый рукав и указала мне на «В семи книгах описывается Момота Асами-сан». Не встретив никакого сопротивления, я обмазал руку средством и стер надпись. Похоже, она была сделана вчера.

– Получается... когда я ушел из спальни на кухню, вы посмотрели на подсказку у себя на ноге.

– Не только на подсказку, но и на свою надпись на животе. На левой руке было содержание моей работы, на правой – ваша клятва. Я предположила, что гигант, о котором шла речь на животе, это вы.

Прежде, чем я успел стереть эти послания, Кёко-сан успела их все прочитать. Я ничего не смог с этим поделать.

– Но это не все, что помогло мне раскрыть дело. Вы пошли в ванную, чтобы бросить полотенце в корзину, а в это время коробки с огромным количеством книг Сунаги-сэнсэя находились в приемной, и на них лежал оставленный вами список.

Она пояснила, что искала неопубликованный роман, но видимо, он лежал в другой коробке, и потому не нашла его.

– Вы вернулись из ванной быстрее, чем я думала, поэтому я схватила какой-то листок и быстро прыгнула на постель.

А я-то думал, она вертелась во сне.

То есть, она продолжала прикидываться спящей, даже когда я вытирал ее, а затем надевал на нее белье и пижаму... Должно быть, та еще сцена, если смотреть со стороны.

– Когда вы ушли, я сопоставила список с подсказками, и я поняла общую идею. Потом лицо Кондо-сана подтвердило мои подозрения. Вообще-то, я думала, что вы запретите Кондо-сану разглашать это, поэтому я сперва поговорила с Конака-саном, который меня разубедил.

– Если вы все это поняли, почему же не остановили меня той ночью? Я ведь совершал полную глупость.

На мои слова самоупрека Кёко-сан ответила:

– Так уж вышло, что я не могла перебить свою сонливость. Я люблю смотреть, как мужчины работают. Кроме того, меня так клонило в сон, что меня больше волновало моя собственная безопасность.

Все так и есть. Я выглядел в ее глазах как какой-то злодей, который стирал все послания с ее тела. Если подумать, намерение Кёко-сан обыскать коробки в мое отсутствие было глупым риском.

– ...Простите меня. Я не желал вам зла... В тот момент я думал, что так будет для вас лучше. Но я лишь тешил себя, что стараюсь ради вас–

– Успокойтесь, я пригласила вас не для того, чтобы выслушивать извинения. Признаюсь, я смутилась, что вы видели меня голой, но когда я засну, я об этом забуду.

Я наконец-то извинился перед Кёко-сан, а она говорит это так, будто ничего важного не произошло.

– И разве я не сказала? Благодаря вашему вмешательству, я смогла раскрыть дело. Когда вы унесли все книги Сунаги-сэнсэя, я составила в голове гипотезу. Я не могу не признать вашу помощь. Вот только...

Кёко-сан остановилась и направилась не на кухню, а в спальню. Я все еще сидел на диване, и Кёко-сан позвала меня:

– Подойдите, пожалуйста.

– Эм... Вы уверены? Вы говорили ни в коем случае не входить...

– Так это говорила вчерашняя я. К тому же, вы и так входили сюда много раз.

Кёко-сан включила свет и, встав у кровати, указала на потолок. Там было коряво написано: «С этого дня ты станешь детективом Окитэгами Кёко».

– Я позвала вас, чтобы вы хранили это в тайне. Надеюсь, вы никому не проболтались об этой надписи?

– Д-Да что вы!

Я напряг свое лицо и натянул улыбку. Хотя я и был в недоумении, я говорил правду. Даже Кондо-сану я не говорил об этом. Я не знал, что сказать еще.

– О-Однако, что это такое? Кто оставил это послание?

– Я не знаю, но хочу узнать. Может быть, поэтому я стала детективом. Чтобы найти «преступника», который сделал из меня детектива.

– ...

– Тем не менее, это сработало. Той ночью, когда вы отошли, прежде чем взглянуть на свое тело, я посмотрела на потолок. Я поняла, что я – Окитэгами Кёко, и все встало на свои места. Я ничего не помню. А с этим именем я могу жить каждый день.

Значит, это не то, что я думал – эта надпись укоренилась на потолке. Краску моющим средством не сотрешь, да и вряд ли ее можно стереть. Кроме того, это важная зацепка для Кёко-сан, которая ищет преступника, сделавшего из нее детектива...

– Поэтому я прошу вас хранить это в тайне. Если кто-то узнает, что детектив стал таковым по чьей-то указке, профессионализм моего офиса станет под вопросом.

Впервые с момента, как Кёко-сан вошла в спальню, она улыбнулась. Ее типичная профессиональная улыбка. Такая милая, такая успокаивающая улыбка.

– Я понимаю. Клянусь, я никому об этом не скажу... Кёко-сан.

– Да, что такое?

– У меня к вам просьба.

– У вас ко мне новое дело? Подождите хотя бы до завтра... Я уже некоторое время на ногах и даже малым сном не отделаюсь— недавние события меня этому научили. Хотя я забуду даже этот опыт—

– То, что я сделал с вами. Я наврал вам и предал вас. Тем не менее, можете ли вы меня простить?

Кёко-сан удивилась, услышав эти слова. Она решила, что все это уже в прошлом.

– Да ладно, зачем вы волнуетесь об этом? Прощу я вас или нет, завтра я забуду—

– Но я не забуду.

Я хочу, чтобы сегодняшняя Кёко-сан простила меня.

Сказав это, я склонил голову как можно ниже. Может, я выглядел, как дурак, но я не хотел просто успокоить себя.

Я раскаивался.

В коттедже Сунаги-сэнсэя я оставил Кёко-сан в неловком положении. Раз Кёко-сан живет лишь сегодня, мне следует сегодня помириться с ней. Извиниться и попросить прощения сегодня. Помириться с ней, пока «сегодня» не канет в Лету. Даже если наши отношения с ней будут завтра забыты.

– Если сегодняшняя Кёко-сан не простит меня, я не стану просить помощи у завтрашней Кёко-сан. Просто не смогу. Вы все забудете, а я буду помнить.

Я хотел и дальше просить у нее помощи.

– Как странно... Мне ничуть не страшно, – сказала Кёко-сан мне, пока я смотрел в пол.

Она закончила ту фразу, которую оборвала на полуслове в приемной.

– Когда Какусидатэ-сан взял меня на руки, когда положил меня на кровать, когда стирал с моего тела надписи. Я чувствовала некое спокойствие. Я могу довериться тому человеку, думала я. Я говорила, как чувствовала тогда сонливость... но если говорить по-честному, я вами воспользовалась.

– Вос...пользовались?

– Каждый день моя память перезагружается – это проблема моего мозга. Я покидаю свое тело и разум и возвращаюсь все позже и позже. Один день сменяется другим, и это влияет на мою душу. Вчерашняя и сегодняшняя я – разные люди. Что бы я ни говорила и ни хотела сказать, мое тело помнит мой прошлый опыт. И меня успокаивает то, что я могла довериться вам, Какусидатэ-сан, свое незащищенное тело, поскольку вы были так добры ко мне. Вы не говорили про сегодняшнее дело Кондо-сану – я понимаю, что вы сделали это ради меня.

Поэтому поднимите голову.

Сказала Кёко-сан.

– Я вас прощаю. Поэтому смело обращайтесь в детективное агентство Окитэгами всегда, когда вам будет нужно... Такой ответ вас устроит?

– ...Да. Большое спасибо.

Я так счастлив.

Это не так же, как когда прощают вас в детстве. Я был рад, что те отношения, которые я выстраивал с ней до этого и которые забывались, не тратились в пустую.

Независимо от того, сколько информации она забывала, и что каждый раз мы встречались в первый раз, все это имело смысл.

– Хорошо, пожмите мне руку в знак примирения.

Кёко-сан протянула мне, отблагодарившему ее дрожащим голосом, правую руку. В конфузе я схватил ее руку и она потянула ее с силой к себе. Это не было сильным рукопожатием, но произошло внезапно, и я пошатнулся.

– Ч...Что такое, Кёко-сан?

– Ничего... Однако, вы же не думали, Какусидатэ-сан, что сказав это, я вас сразу прощу? – Кёко-сан твердо держала мою руку, не разжимая пальцы.

Я решил, что это была шутка, но взгляд Кёко-сан был серьезен. Как и ожидалось, она будет говорить о деньгах... И малой суммой я точно не отделаюсь.

– П-Понимаю. Сделаю все, что хотите. Прошлого не вернуть, но я постараюсь возместить ущерб настолько, насколько возможно.

Кёко-сан сказала «Тогда...» и улыбнувшись, дотронулась до моей груди указательным пальцем левой руки.

– Покажите мне ваше голое тело.

(Прощайте, Кёко-сан - ЗАБВЕНИЕ)

Приложение

Благодаря связям руководителя Эми, матери Гифубэ Нагаме-сан нашли хорошего офтальмолога. Современная медицина не так много может сделать со стареющими глазами, но ее зрение может пойти на поправку. Немного удивительно, но не настолько, чтобы сказать, что Эми-сан «на самом деле добрый сердцем». Я не способен понять гениев.

У популярной мангаки Сатой-сэнсэй дела пошли в гору. Все-таки Кёко-сан со своей женской интуицией была права, поскольку Кондо-сан сделал девушке предложение. Точнее, она хочет, чтобы он сделал это, когда продажи ее манги перевалят два миллиона копий. Кондо-сан счел это за шутку, но кто знает, чем все обернется.

Благодаря труду Кондо-сана, посмертная работа Сунага-сэнсэя оказалась в магазинах в феврале следующего года. К сожалению, последняя работа Сунаги Хирубэ продалась слабо. Должно быть, сыграл значительную роль тот факт, что это внесерийная книга. Если бы покупателям было известно про Момоту Асами-сан, цифры могли бы быть иными, но сказать точно нельзя. Возможно, в издательстве решили сберечь последнюю волю покойного великого писателя, или же их не убедило, что упоминание этой женщины поднимет продажи. Кстати говоря, книгу издали под названием «Стержень кукурузы». «Домашняя сладкая кукуруза» – неплохое название, но все-таки было принято решение вознаградить труды не спавшей четыре ночи Кёко-сан. Не думаю, что Сунага-сэнсэй стал бы возражать.

Что касается меня, Какусидатэ Якусуке... Я все еще нахожусь на увольнительной и в поисках работы. Давно я так долго не находил себе новую работу. Жестоко время, в котором я живу. Одно составление резюме угнетает меня, так что я занялся в свободное время писательством. Я думал описать все многочисленные инциденты, в которые я был вовлечен. Нет, я не был вдохновлен жизнью Сунаги Хирубэ. Я не собирался вкладывать все свои усилия в писательство. Более того, я был вовлечен в ужасные дела, которые не стоит выставлять на всеобщее обозрение. Я не хочу о них рассказывать, это всего лишь мое хобби. Если я оставлю какие-нибудь записи, это поможет мне придумать какие-нибудь оправдания против будущих подозрений. А если даже и нет, то я найду им применение.

Я только начал писать, а уже чувствую усталость. Например, какое название дать истории.

«Записки Окитэгами Кёко».

Уверен, это будет незабываемое чтение.

Послесловие

Кто бы что ни говорил, если бы я мог, я бы хотел контролировать свою память. Было бы здорово по своей воле выбирать, что помнить и что забывать. Нет, нельзя сказать наверняка, хорошо это или нет, но было бы полезно для здоровья интересные и веселые вещи вспоминать, а плохие и грустные моменты забывать. В жизни человека нужен умеренный уровень стресса, преодолевать боль, чтобы умственно расти, а плохие вещи вещи не нужны. Хотелось бы уметь расти через умеренный стресс и преодоление боли, а затем стирать из памяти тот опыт. Я бы не сказал, что это бредовая теория, особенно когда «даровитых гениев, которые забывают, как много они работали» не так уж и мало. Претенциозные типы, которые начнут думать о себе «Я талантлив от природы!», забывая, что они пахали до крови. Не поймешь – то ли они скромны, то ли они высокомерны. Думаю, можно сказать, что когда ты начнешь контролировать свою память, придется столкнуться с проблемой выбора, какие личные случаи и разговоры стоит стирать, и вряд ли получится сделать правильное решение. Однако, так уж ли невозможно, какие воспоминания полезно сохранить, а какие – нет? ...Возможно, я вчера провел этот мысленный эксперимент и уже забыл о нем.

Эта книга – сборник дел забывчивого детектива. Я не знал – возвращаться ли к старому или начинать с нуля –, но решил после серий «Моногатари» и «Дэнсэцу» написать детективную историю. Детектив, который строго соблюдает долг конфиденциальности, раскрывает дела за день, и чьи воспоминания стираются каждый день. И бывший студент, который бесконечно впутывается в дела, которого «только и делают», что бесконечно обвиняют в преступлениях. Якусукэ-кун всегда оказывается вовлеченным в дела, что весьма печально, но он может позвать на помощь Кёко-сан, что радостно, не так ли?

Тяжелые и радостные воспоминания идут рука об руку, так сказать. Надеюсь, что панчлайн этой книги не «Якусукэ-кун совершает преступление, чтобы вызвать Кёко-сан»... С этим, точнее, без этого ощущения вышла первая книга в серии «Забывчивый детектив» – «Записки Окитэгами Кёко».

Иллюстрацию для обложки этой книги сделал VOFAN-сан, который сделал обложку для «Моногатари».

Кёко-сан вышла прекрасной. Большое вам спасибо. Я думаю, Якусукэ-кун успеет написать вторую книгу очень скоро, поэтому ждите новостей от детективного агентства Окитэгами.